Ч 51/68

59
68

А. И. Любинскій.

РУССКАЯ АРМІЯ

И ГЕН. КУРОПАТКИНЪ КАКЪ ПОЛКОВОДЕЦЪ.

ИЗЪ ОПЫТА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.

(СЪ ПОРТРЕТАМИ, КАРТАМИ И СХЕМАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

„Львинаго сердца, крыльевъ орлиныхъ,
Нѣтъ уже съ нами. Что воевать?“
Державинъ.

Читано въ 1908 и 1909 годахъ въ Клубѣ Русскихъ Націоналистовъ и Кіево-Печерскомъ военномъ Собраніи.

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Чоколова. Фундуклеевская № 22.
1909.

II 51
68

А. И. Любинскій.

РУССКАЯ АРМІЯ

И ГЕН. КУРОПАТКИНЪ КАКЪ ПОЛКОВОДЕЦЪ.

ИЗЪ ОПЫТА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.

(СЪ ПОРТРЕТАМИ, КАРТАМИ И СХЕМАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

„Львинаго сердца, крыльевъ орлиныхъ,
Нѣтъ уже съ нами. Что воевать?“
Державинъ.

Читано въ 1908 и 1909 годахъ въ Клубѣ Русскихъ Націоналистовъ и Кіево-Печерскомъ военномъ Собраніи.

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Чоколова. Фундуклеевская № 22.
1909.

ПУБЛИЧ. и РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе 1

Глава I. Причины войны 2

Глава II. Театръ войны 4

Глава III. Вооруженныя силы сторонъ:

Россія 7

Японія 8

Глава IV. Назначеніе Куропаткина Командующимъ Маньчжурской арміей 9

Глава V. Планъ войны и стратегическое развертываніе обѣихъ армій 10

Глава VII. Импровизація Штаба и командnаго состава . 15

Глава VIII. Группировка силъ къ 15-му апрѣля 1904 г. и Тюренченскій бой 17 и 18 апрѣля 1904 г. 18

Глава IX. Положеніе на театрѣ войны къ концу апрѣля. Высадка 2-й арміи Оку у Быдзово и ея операціи . . . 27

Глава X. Борьба за первалы Фейшулинскаго хребта. Дашичао. Хайченъ. Отношеніе Куропаткина къ войскамъ. 44

Глава XI. Прибытіе маршала Ойямы и наступленіе японскихъ армій къ Ляояну. Бой 13 августа и отступленіе на передовую ляоянскую позицію 50

Глава XII. Ляоянъ. 17-ое и 18-ое августа 57

Глава XIII. Отступленіе 67

Глава IV. Подъ Мукденомъ. Шахэ. Назначеніе Куропаткина главнокомандующимъ. Бездѣйствіе 77

Глава XV. Январское наступленіе. Операція ген. Гриппенберга у д. Сандепу 91

Глава XVI. Мукденъ. Телинъ. Сипингай 103

Заключеніе 128

2007099571

ВВЕДЕНІЕ.

Въ широкихъ кругахъ нашего общества существуетъ, къ сожалѣнію, довольно таки прочно установившееся мнѣніе, что наша армія, по своимъ боевымъ качествамъ, слаба, и что, вслѣдствіе этого, мы, какъ Держава, должны всемѣрно избѣгать вооруженнаго столкновенія не только съ любымъ государствомъ Запада, но даже и Востока.

Я не сомнѣваюсь, что такое мнѣніе о нашей русской арміи сложилось съ одной стороны: вслѣдствіе событій прошлой неудачной для насъ русско-японской войны, съ деталями которой мало кто знакомъ, съ другой—внушено революціонно-инородческой освободительной печатью, такъ ненавидящей все то, что составляетъ славу, силу и честь Русской Державы.

На дняхъ мнѣ пришлось читать передовицу одной мѣстной рептиліи, въ которой, взращенный бердичевской почвой, политикъ съ специфической развязностью и злорадствомъ говоритъ, что, благодаря слабости нашей арміи, Россія вынуждена теперь исполнять партію второй скрипки въ „европейскомъ концертѣ“, такъ какъ сама нуждается въ поддержкѣ европейской дипломатіи.

Конечно, задача моего настоящаго сообщенія не имѣетъ цѣлью опроверженіе подобной гнусной лжи и злостной клеветы, извѣстнаго порядка типовъ, не гнушающихся ни какою низостью для достиженія своихъ вожделѣній, я только, по мѣрѣ силъ моихъ, хочу убѣдить русское общественное мнѣніе въ томъ, что наша доблестная русская армія, по своимъ боевымъ и нравственнымъ качествамъ, осталась и нынѣ такою же славною, мощною страшною врагамъ Русской Державы, какою она была и во время Петра Великаго, Миниха, Румянцева, Суворова и Скобелева, что среди нея и нынѣ не рѣдкость суворовскіе „чудо-богатыри“, прославившіе русское имя не только въ долинахъ Италіи, на вершинахъ С.-Готарда и въ ущельяхъ Чортова-моста, но и на далекихъ поляхъ Манчжуріи и, т. к. доброе имя нашей арміи, для меня, конечно, дороже репутаціи одного человѣка, въ особенности,

когда ее хотятъ спасти за счетъ многострадальныхъ доблестныхъ нашихъ войскъ, то я постараюсь раскрыть передъ вами яркую картину того, кто такой, собственно говоря, генералъ Куропаткинъ, какъ полководецъ, бывшій „волей, сердцемъ и мозгомъ“ нашей манчжурской арміи.

Я собираюсь не развѣнчивать генерала Куропаткина, уже развѣнчаннаго событіями прошлой войны, не хочу возлагать на него одного отвѣтственности за печальный исходъ ея, я только освѣщу одинъ изъ крупныхъ факторовъ его и покажу, какъ легко создается у насъ слѣпая вѣра въ таланты людей и какъ дорого оплачивается она народомъ въ моменты тяжелыхъ испытаній.

ГЛАВА I.

Причины войны.

Говорятъ, что причиной нашей несчастной войны съ Японіей была яко-бы защита правительствомъ нашимъ, какихъ то частныхъ предпріятій въ горахъ Кореи, но говорятъ такъ тѣ, кто не желаетъ знать истинныхъ причинъ или тѣ, цѣль которыхъ подорвать въ глазахъ общества престижъ Правительства Русскаго Царя. На самомъ дѣлѣ это ложь той же пробы и марки, какъ и гнусная клевета на честь и достоинство нашей арміи.

Надвигаясь съ давнихъ поръ съ Запада на Востокъ, къ берегамъ Тихаго океана, Россія должна была волей-неволей столкнуться съ Японіей, исторически двигавшейся въ противоположномъ направленіи. Пріобщившись къ европейской культурѣ и сдѣлавъ замѣчательный скачекъ на пути прогресса, Японія почувствовала себя въ силахъ раздвинуть границы своей территоріи, становившіяся тѣсными для ея 43 милліоннаго населенія и искать новые рынки сбыта для ея развившейся промышленности. Съ этою цѣлью она направила свой первый, пробный, ударъ въ 1894—1895 годахъ на Китай. По Симоносекскому договору Японія должна была получить, кромѣ контрибуціи, о. Формозу и Ляодунскій полуостровъ съ Портъ-Артуромъ, Корея же была объявлена независимой отъ Китая. Энергичное вмѣшательство Россіи, Германіи и Франціи, по иниціативѣ первой, лишило японцевъ плодовъ ихъ побѣдъ, результатомъ чего явилась страшная ненависть къ русскимъ, особенно послѣ занятія нами Портъ-Артура въ 1898 году и еще болѣе обострившаяся послѣ окупаціи нами Манчжуріи въ 1900 году, продолженной нами вслѣд-

ствіе того, что слабое Китайское Правительство не могло намъ гарантировать цѣлость и безопасность нашей Восточно-Китайской желѣзной дороги. Во всемъ этомъ Японія склонна была видѣть стремленіе Россіи утвердиться навсегда въ Манчжуріи, что противорѣчило ея планамъ. Тогда Японія сосредоточила все свое усиліе на томъ, чтобы подчинить своему неограниченному вліянію слабую Корею, представлявшую въ стратегическомъ отношеніи прекрасную базу для наступательныхъ операцій японской арміи противъ Россіи. Проникновеніе Японіи въ Корею являлось, такимъ образомъ, вопросомъ, грозящимъ нашей безопасности и, конечно, Россія не могла на это согласиться. Такъ назрѣли одновременно вопросы по дѣламъ корейскимъ и манчжурскимъ.

Заключивъ въ 1903 году оборонительный союзъ съ Англіей, заручившись сочувствіемъ общественнаго мнѣнія въ Америкѣ, подготовившаго заключеніе займовъ для войны съ нами и нейтралитетомъ Китая, Японія обратилась къ Россіи съ предложеніемъ пересмотрѣть существующіе договоры съ цѣлью яко-бы установить „политическое равновѣсіе“ на берегахъ Тихаго океана. Предложеніе это было нами принято и съ Августа 1903 года начался обмѣнъ взглядовъ. Требованія Японіи сводились къ очищенію нами Манчжуріи и къ признанію за нею преимущественнаго торгово-экономическаго положенія въ Кореѣ, съ правомъ охраны его военною силою. Мы соглашались на это, но отклоняли вопросъ о Манчжуріи, касавшійся только Китая и требовали, въ свою очередь, чтобы Японія не пользовалась никакою частью территоріи Кореи для стратегическихъ цѣлей и свободу плаванія черезъ Корейскій проливъ. Японія уклонялась отъ принятія нашихъ предложеній и 3 января 1904 г. представила нашему Правительству свои послѣднія предложенія по Манчжурскому и Корейскому вопросамъ.

Обстоятельства сложились такъ, что наше Правительство получило возможность отвѣтить на предложенія Японіи только 21 Января. Между тѣмъ 23 Января японцами былъ захваченъ нашъ пароходъ „Екатеринославъ“, а 24 Японскій посланникъ сообщилъ нашему Министру Иностранныхъ Дѣлъ о прекращеніи дипломатическихъ переговоровъ. Въ тотъ же день Японскій флотъ вышелъ изъ Сасебо двумя отрядами: 1) подъ командой Уріо къ Чемульпо для захвата нашихъ стаціонеровъ „Варяга“ и „Корейца“ и 2) подъ командой Того къ Портъ-Артуру для минной атаки нашей эскадры.

Въ ночь съ 26 на 27 Января 1904 года японцами была произведена внезапная атака миноносцами на нашу эскадру, мирно

стоявшую на внѣшнемъ рейдѣ П.-Артура. Послѣдствіями этой атаки были серьезныя поврежденія нашихъ лучшихъ броненосцевъ „Цесаревича“ и „Ретвизана“, а также крейсера „Паллада“.

Война началась.

ГЛАВА II.

Театръ войны.

Существенными свойствами театра войны являются:

1) Огромная удаленность его для насъ отъ базы (Европейская Россія),

2) Гористость большей его части,

3) Бѣдность хорошими путями сообщенія,

4) Своеобразный климатъ,

5) Обиліе продовольственныхъ средствъ.

Театромъ войны были: Мукденская провинція Манчжуріи, Ляодунскій полуостровъ съ Квантуномъ и полуостровъ Корея.

Поверхность театра войны можно раздѣлить на двѣ рѣзко отличающіяся части: равнину, къ Западу отъ Восточно-Китайской ж. д. и горную страну—къ Востоку отъ нея.

Горная страна образуетъ собою хребетъ Фейшулинъ, который тянется отъ г. Цянчана до Симучена. Онъ дикъ, покрытъ лѣсами и мало доступенъ, особенно, въ Восточной своей части. Переѣзды черезъ хребетъ возможны только по труднымъ переваламъ. Изъ нихъ:

1) **Фейшулинскій**—на главной дорогѣ изъ Кореи черезъ Фынханчуэнъ къ Ляояну.

2) **Модулинскій**—на параллельной вѣткѣ той-же дороги и

3) **Далинскій** на дорогѣ изъ г. Сюяня къ г. Хайчену.

Продолженіе Фейшулинскаго хребта на Ляодунѣ носитъ названіе Сенью-шань. Онъ тянется вдоль Ляодунскаго полуострова. Этотъ хребетъ гораздо доступнѣе Фейшулинскаго и пересѣкается многочисленными дорогами, ведущими отъ берега Корейскаго залива къ побережью Ляодунскаго залива. Проходя далѣе къ югу, этотъ горный кряжъ образуетъ Квантунскій полуостровъ, на южной оконечности котораго расположена крѣпость Портъ-Артуръ. На перешейкѣ, соединяющемъ Ляодунъ съ Квантуномъ, лежитъ г. Киньчжоу, вблизи котораго находится весьма сильная по своимъ природнымъ свойствамъ Киньчжоусская позиція, запирающая входъ съ Ляодуна на Квантунъ.

Харбинъ
Гиринъ
Мукденъ
Нингута
Никольскъ
Владивостокъ
Портъ-Артуръ
Дальний
Сеулъ
Хайчжу
Пеньянъ
Чинампо
Инкоу
Ляоянъ
Хайченъ
Телинъ
Чифу
Нагасаки
Фузанъ
Пор. Лазарева
Гензанъ
Зал. Корейскій
2ᵃᵃ армія
2-ая и 5ь. див
12ᵃ див
V див.
О. Цусима
Проливъ Броутона
Проливъ Крузенштерна
О-въ Кюсю
Желтое море
Корея
Японское
Китай
Маньчжурія

Съ сѣвера на югъ театръ войны прорѣзывается Восточно-Китайской ж. д. (Харбинъ-Мукденъ-Ляоянъ-Хайченъ-Дашичао-Киньчжоу-П.-Артуръ), служившей намъ единственной коммуникаціонной линіей.

Изъ рѣкъ важнѣйшія въ Западной части: **Ляо-хэ** и **Хуньхе**, въ Восточной—**Ялу**, отдѣляющая Манчжурію отъ Кореи и бывшая, по своимъ свойствамъ, всостояніи сыграть роль серьезнаго препятствія при вторженіи изъ Кореи въ Манчжурію и р. **Тайдзыхэ**, текущая съ востока на западъ, могущая пріобрѣсти для насъ значеніе оборонительной линіи на путяхъ наступленія японцевъ къ Мукдену. Не лишены были также тактическаго значенія многочисленные горные ручьи и рѣки, сильно вздувавшіеся послѣ дождей и затруднявшіе движеніе большихъ отрядовъ.

Важнѣйшія дороги театра:

1) **„Императорская дорога“** изъ Мукдена въ Пекинъ.

2) Гиринъ-Телинъ-Мукденъ.

3) Ляоянъ-Фынханчуэнъ-Ичжу.

4) Мукденъ-Ляоянъ-Инкоу-Киньчжоу.

5) Горный путь Дагушанъ-Хайченъ съ вѣтками на Кайджоо и Дашичао.

Пунктами удобными для высадокъ были: устье рѣки Ялу, Дагушань, Бицзыво, Дальній и Инкоу.

Значеніе Корейскаго театра обусловливалось его географическимъ положеніемъ „предверія“ къ Манчжуріи. Такимъ образомъ, занятіе Кореи позволяло нашему противнику спокойно обосноваться на материкѣ немедленно послѣ открытія военныхъ дѣйствій, создать себѣ тамъ промежуточную базу и подготовить вторженіе въ Маньчжурію съ сухого пути, въ случаѣ же неудачи—оказать русскимъ серьезное сопротивленіе въ дикихъ горахъ, наполняющихъ этотъ полуостровъ.

Пунктами Кореи, имѣвшими значеніе въ военномъ отношеніи являлись: Фузанъ, Гензанъ, Чемульпо и Цинампо.

И такъ, возможными операціонными линіями для японцевъ могли быть:

1) **Японія-Фузанъ-Ичжу-Фынханчуэнъ-Ляоянъ** (1050 вер., сухого 950 вер.).

Японія-Цинампо-Ичжу-Ляоянъ (1380 вер., сух. 580 вер.).

Японія-Гензанъ-Ичжу-Ляоянъ (1250 вер., сух. 600 вер.).

Всѣ эти направленія вели къ важной цѣли, такъ какъ выводили въ сердце Маньчжуріи, гдѣ вѣроятнѣе всего и надо было ожидать сосредоточенія русской арміи. Кромѣ того, операція эта послѣ перехода черезъ Ялу уже давала ту выгоду, что препят-

ствовала подачѣ помощи Портъ-Артуру, если бы, въ связи съ дѣйствіями японцевъ противъ главныхъ русскихъ силъ, они предприняли серьезныя операціи относительно Квантуна.

2) **Японія-Дагушанъ-Ляоянъ** (1340 вер., сух. 260 в.).

Выгоды этой линіи краткость и возможность прервать сообщеніе между Квантуномъ и Ляояномъ движеніемъ на Кайджо, Дашичао или Хайченъ, но ею можно было воспользоваться только въ случаѣ полнаго овладѣнія моремъ.

3) **Японія-Бицзыво-Киньчжоу,** но этотъ путь тоже былъ возможенъ только въ случаѣ полнаго овладѣнія моремъ.

4) **Японія-Инкоу-Ляоянъ** (1400 вер., сух. 100 вер.).

Самое краткое изъ всѣхъ направленій, но доступное лишь только въ случаѣ полнаго заблокированія русскаго флота въ Артурѣ.

Что касается нашихъ плановъ въ Маньчжуріи, то, т. к. инициатива была съ самаго начала въ рукахъ японцевъ, для насъ объекты дѣйствій могли вырисоваться только постепенно въ зависимости отъ намѣреній противника и хода событій.

ГЛАВА III.

Вооруженныя силы сторонъ.

Россія.

Въ Манчжуріи, Пріамурскомъ и Сибирскомъ округахъ къ началу войны были расположены:

9 стрѣлк. див. по 4 полка 3-хъ бат. состава,
3 Сибирск. дивизіи по 4 полка 4-хъ бат. состава,
2 казачьи дивизіи нормальнаго состава,
2 отдѣльныхъ бригады по 6 бат.,
3 отдѣльныхъ полка по 3 бат.,
1 отдѣльный дивизіонъ,
2 отдѣльныя сотни.

Всего 120 бат., 95 сотенъ, 380 пол. орудій и 8 пулемет., въ общей сложности 130.000 человѣкъ.

Собственно въ Маньчжуріи, на Ляодунскомъ полуостровѣ и въ П.-Артурѣ послѣ мобилизаціи было 110.000 человѣкъ, 250 орудій и 8 пулеметовъ.

Японія.

13 пѣх. див. въ томъ числѣ гвардейская по 4 полка 3-хъ бат. состава (бат. 4 роты, рота 250 чел.).

12 кавал. полк. по 3 эскадрона (190 конеї),

13 резервн. бригады по 8 бат.

и соотвѣтствующее количество спеціальныхъ войскъ. Всего въ общей сложности 250.000 чел., 670 орудій,

Оригинальной особенностью японской арміи являлось включеніе въ ея составъ особаго корпуса: „**военныхъ косильщиковъ**“.

Вооруженіе японской арміи было по качествамъ равное нашему, но у нихъ было значительно больше артиллеріи, за то наша артиллерія, была выше въ техническомъ отношеніи. Отсутствіе у нашей артиллеріи разрывного снаряда (гранаты) въ значительной степени чувствовалось во время боевъ, т. к. въ то время, когда японская артиллерія уничтожала своими „шимозами“ наши укрѣпленія и закрытія, наша, не имѣя такого снаряда, шрапнелью могла поражать только лошадей и людей.

Снаряженіе японцевъ значительно превосходило наше своею легкостью и цвѣтомъ обмундированія, дававшимъ возможность японскому солдату быть мало замѣтнымъ на разстояніи.

Боевая подготовка японской арміи въ смыслѣ тактической выучки и обученія была выше нашей. Пѣхота умѣла лучше окапываться и примѣняться къ мѣстности, а артиллерія, кромѣ того, была хорошо обучена стрѣлять по невидимымъ движущимся цѣлямъ, что давало ей возможность укрыто располагаться на позиціяхъ и потому нести меньшія потери.

Духъ японской арміи во все время воїны былъ прекрасный и японскій солдатъ представлялъ изъ себя отличнаго боїца, соединявшаго въ себѣ храбрость, презрѣніе къ смерти съ солидной индивидуальной подготовкой, настойчивостью и страстнымъ желаніемъ побѣды.

Развѣдывательная и шпіонская службы были у японцевъ поставлены образцово, поэтому они знали обо всемъ, что дѣлается у насъ, мы же всю кампанію дѣйствовали съ почти завязанными глазами.

Подготовка театра воїны съ нашей стороны въ инженерномъ отношеніи была очень слаба, а если что и было нами сдѣлано въ этомъ отношеніи, то носило характеръ спѣшности и не всегда соотвѣтственности. Хорошія карты театра воїны отсутствовали, а тѣ, которыя имѣлись, были не точны, какъ въ отношеніи населенныхъ пунктовъ, такъ и путей сообщенія.

ГЛАВА IV.

Назначеніе Куропаткина Командующимъ Маньчжурской Арміей.

„Кто передъ ратью будетъ, пылая,
Ѣздить на клячѣ, ѣсть сухари;
Въ стужѣ и въ зноѣ мечъ закаляя,
Спать на соломѣ, бдѣть до зари".
(Державинъ о Суворовѣ).

Когда послѣ предательскаго нападенія японцевъ на нашу Портъ-Артурскую эскадру была объявлена война, а Главнокомандующимъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Алексѣевъ у многихъ въ обществѣ, и даже среди военныхъ, было нѣкоторое разочарованіе и сожалѣніе, что Куропаткинъ будетъ не у дѣлъ въ этой кампаніи. Его боевая репутація стояла очень высоко: за нимъ былъ опытъ длиннаго ряда Туркестанскихъ походовъ, былъ опытъ русско-турецкой войны и ахалъ-текинской экспедиціи, добытый имъ подъ руководствомъ **„бѣлаго генерала"**, незабвеннаго М. Д. Скобелева. Облитый лучами скобелевской славы, онъ казался всѣмъ намъ и наслѣдникомъ скобелевскихъ талантовъ— вести войну рѣшительно, настойчиво и смѣло,—и умѣнія вдохновлять войска, бросать ихъ безъ отказа на смерть. Большіе курскіе маневры 1902 года онъ, говорили, провелъ блистательно, отличаясь необыкновенной простотой, съ которою жилъ во время маневровъ. И вотъ, когда 8-го Февраля 1904 года послѣдовало назначеніе Куропаткина Командующимъ Маньчжурской арміей, всѣ почувствовали какое-то облегченіе, удовлетвореніе и большую увѣренность въ успѣшномъ исходѣ войны. Нѣкоторые только сожалѣли, что не онъ былъ Главнокомандующимъ: и только Драгомировъ саркастически улыбался и спрашивалъ: „А кто-же будетъ при немъ Скобелевымъ"? Это было по драгомировски зло, остроумно... и, какъ оказалось, вѣрно.

Говорятъ, Драгомировъ, этотъ отличный психологъ, подмѣтилъ, что для роли полководца у Куропаткина нѣтъ таланта, нѣтъ вдохновенія, нѣтъ священнаго огня, который полководцу нуженъ также какъ поэту, художнику и музыканту. Драгомировскій вопросъ пробилъ первую брешь въ стѣнѣ слѣпого довѣрія къ Куропаткину. Стали припоминать будто Скобелевъ неоднократно говорилъ Куропаткину: „какъ второе лицо ты, Алексѣй Николаевичъ, хорошъ, но да хранитъ тебя Богъ браться когда-нибудь за командованіе. Ты нерѣшителенъ, у тебя нѣтъ воли и тебя всякій собьетъ... И какъ-бы выработанный тобою планъ ни былъ хорошъ, ты никогда не доведешь его до конца".

Генералу Куропаткину надлежало на это отвѣтить быстрымъ и скорымъ отъѣздомъ къ арміи, подобно Адмиралу Макарову. Вмѣсто же этого онъ принимаетъ одну за другою депутаціи со стягами и иконами, посѣщаетъ прощальные обѣды и выслушиваетъ застольныя и иныя рѣчи и, прося у всѣхъ **„терпѣнія, терпѣнія и терпѣнія“**, только 28 февраля уѣзжаетъ на Дальній Востокъ.

И такъ, на прощаніе и пріемы депутацій, было потеряно командующимъ арміею четыре недѣли. Что онѣ могли ему пригодиться **„тамъ“**, мы это и увидимъ и почувствуемъ очень скоро.

Многіе скажутъ, что у Куропаткина могло найтись дѣло и въ Петербургѣ: надо было о многомъ условиться съ его пріемникомъ Сахаровымъ, но несомнѣнно, что уже было поздно готовиться къ войнѣ и учиться военному дѣлу, а между тѣмъ за достовѣрное передаютъ, что съ пути, изъ Самары, Куропаткинъ потребовалъ выслать ему экстренно „курсъ стратегіи“ Михневича и „Горную войну“ австріійскаго фельдмаршала Куна. Книги ему выслали, но какая въ нихъ была польза, когда у насъ не было картъ горъ Манчжуріи и Кореи?...

ГЛАВА V.

Планъ войны и стратегическое развертываніе обѣихъ армій.

„Неужели Вы не имѣете своего опредѣленнаго плана“, говорилъ Тугутъ Суворову.

— Плана,—возразилъ Суворовъ,—а вотъ мой планъ.—И онъ развернулъ, передъ удивленнымъ министромъ... бланкетъ Императора Павла.

Однажды пришли 4 члена Австрійскаго гофкригсрата и подали Суворову письменный планъ наступательныхъ дѣйствій до р. Адды въ Италіи, прося сдѣлать въ немъ какія угодно исправленія и дополненія. Фельдмаршалъ зачеркнулъ всю записку и написалъ на ней: „Ахъ! это вы до р. Адды, я же начну дѣйствія свои переходомъ черезъ р. Адду, а кончу кампанію, гдѣ Богу угодно будетъ“.

Говорятъ, что у генерала Куропаткина была два и даже три плана:

Первый—чисто оборонительный заключался въ слѣдующемъ: медленно отступать не ввязываясь въ бои съ противникомъ, нанося лишь ему потери и утомляя его. Куда отступать это, говорятъ, еще не было рѣшено Куропаткинымъ.

„Надо умѣть отступать во время и во время, переходомъ въ наступленіе, наказать зарвавшагося въ преслѣдованіи противника", писалъ онъ въ своей объяснительной запискѣ. „Прійдется пріучать лошадей къ мѣстному фуражу", глубокомысленно замѣчаетъ авторъ записки. „Необходимо принять самыя энергичныя мѣры, дабы имѣть запасы топлива для варки пищи и къ зимѣ для отопленія. Надо начать готовить запасы дровъ по магистрали теперь же", говоритъ онъ далѣе. „Тактика должна быть та же, что въ 1812 году. Надо будетъ вести партизанскую войну и этимъ изнурять противника".

Далѣе Куропаткинъ заканчиваетъ свою записку и сводитъ ее къ слѣдующему: Планъ войны долженъ быть очень простой:

1) Борьба флотовъ за главенство на морѣ.

2) Десантъ со стороны японцевъ и противодѣйствіе ему,

3) Оборонительныя дѣйствія съ широкимъ развитіемъ партизанскихъ дѣйствій до сбора значительныхъ силъ.

4) Переходъ въ наступленіе и вытѣсненіе японцевъ изъ Манчжуріи, а потомъ и изъ Кореи и

5) Десантъ въ Японію, разбитіе территоріальныхъ японскихъ войскъ, борьба съ народнымъ возстаніемъ и овладѣніе столицами.

Не правда-ли какъ хорошо? Въ Мукденѣ, въ Штабѣ Главнокомандующаго Алексѣева, говорили объ этомъ планѣ съ усмѣшкою, свидѣтельствующей о большей трезвости ума и проницательности относительно политическихъ и стратегическихъ послѣдствій столь рискованнаго предпріятія. На этотъ планъ **„пятиэтажнаго"** куропаткинскаго зданія смотрѣли тамъ лишь какъ на „воздушный замокъ", да таковъ онъ былъ и по существу. Въ самомъ дѣлѣ: сперва сражаются флоты за главенство на морѣ, когда же эта борьба окончится, начнутъ сражаться арміи. Но вѣдь, если борьба на морѣ будетъ окончена въ нашу пользу, кого же тогда будетъ поражать г. Куропаткинъ своей арміей: вѣдь тогда Японія, очевидно, не всостояніи будетъ перевезти свои арміи на материкъ. Если же японскій флотъ будетъ господствовать на морѣ и подъ его прикрытіемъ будутъ перевозиться японскія арміи, то какъ наша армія будетъ противодѣйствовать высадкамъ и гдѣ вообще она будетъ къ этому времени находиться, Куропаткинъ не говоритъ. Вѣдь слѣдующимъ пунктомъ стоятъ: „оборонительныя дѣйствія". Но какое же это противодѣйствіе десанту обороною? Партизанскими дѣйствіями что-ли?

Но главное отличіе Куропаткинскаго плана отъ Суворовскаго въ томъ, что Суворовъ зналъ гдѣ онъ начнетъ военныя дѣйствія

и не зналъ, гдѣ ихъ кончить, Куропаткинъ же зналъ гдѣ и чѣмъ онъ закончитъ войну, но не зналъ гдѣ и какъ онъ ее начнетъ.

Оттого и результаты ихъ дѣйствій оказались столь несхожими.

А между тѣмъ планъ былъ дѣйствительно простъ: надо было, сосредоточивъ все, что можно, въ какомъ нибудь центральномъ пунктѣ, хотя бы даже у Ляояна или южнѣе, дѣйствовать быстро и рѣшительно, какъ Наполеонъ въ Сѣверной Италіи въ 1796 г., по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, стараясь разбить противника по частямъ, а не подставлять подъ его удары части своей арміи, какъ это все время дѣлалъ въ Манчжуріи Куропаткинъ.

Но такой планъ для его выполненія требовалъ вождя рѣшительнаго съ талантомъ и вдохновеніемъ, съ „глазомѣромъ, быстротой и натискомъ", какъ говаривалъ Суворовъ, Куропаткинъ же, какъ скоро увидимъ, такихъ качествъ не имѣлъ и предпочиталъ заставлять и Россію и свои войска „терпѣть, терпѣть и терпѣть".

Если взглянуть на карту театра военныхъ дѣйствій съ точки зрѣнія стратегическихъ соображеній о наиболѣе возможномъ направленіи операціонныхъ линій японскихъ войскъ для вторженія въ предѣлы Манчжуріи, то не трудно было почти сразу опредѣлить направленіе движенія ихъ Арміи по линіи: **Японія-Фузанъ-Сеулъ-Пеньянъ-Ичжоу-Фынханчузнъ-Ляоянъ**, какъ единственно для нихъ возможное и выгодное по своему разстоянію и по другимъ стратегическимъ соображеніямъ, при условіи что всѣ ихъ настойчивыя старанія заблокировать Портъ-Артурскую эскадру и завладѣть моремъ не могли увѣнчаться успѣхомъ. За это же предположеніе говорили и тѣ свѣдѣнія, которыя у насъ имѣлись о начавшейся высадкѣ японскихъ войскъ въ Фузанѣ еще 24 января. Сообразуясь съ этимъ, наши Манчжурскія войска были расположены слѣдующимъ образомъ:

Передовая конница ген. Мищенко была перекинута черезъ Ялу въ Корею, для наблюденія за движеніемъ японцевъ по указанному выше пути.

Восточный авангардъ (8 бат. 24 ор. 4 с. и 2 р. сап.) былъ расположенъ на р. Ялу въ Сахедзы (мѣсто предполагаемой переправы японцевъ для вторженія въ Манчжурію.

Южный авангардъ (8 бат. 14 ор. 6 эск.) у Инкоу, Кайджоу, Дашичао и Хайчена, на случай возможной, хотя и мало вѣроятной высадки у Инкоу.

Стратегическое положенiе сторонъ
къ 6-му апрѣля 1904 года.
Телинъ
Мукденъ
Фушунъ
Линкай
Ляоянъ
Инкоу
Южный отрядъ
Ляодунскій
Залив
Корейскій
Заливъ
Портъ-Артуръ
Дальній
I-ая армія Куроки
Море въ рукахъ японцевъ
Хайчжу

Главныя силы (16 бат. 48 ор. 3 сот. 1 тел. р.) въ центральномъ пунктѣ у Ляояна.

Отрядъ Мадритова для наблюденія за правымъ флангомъ вдоль р. Ляохэ.

Отрядъ 5 сотенъ по побережью Корейскаго залива для наблюденія отъ Бицзыво до Дагушаня.

Квантунскій отрядъ (18 бат. 24 ор. 2 ниж. р. 1 сот.) въ Киньчжоу и Портъ-Артурѣ.

Въ Приморской области (17 бат. 56 ор. 6 сот. 5 ниж. р. и 3 п. кр. артил.

Японцы начали высадку въ Фузанѣ 21 января съ 1-ой арміи Куроки, а именно съ 12 дивизіи, собравшейся къ 1-му февраля въ Чемульпо и составившей авангардъ арміи Куроки, она же потомъ прикрывала дальнѣйшую высадку войскъ, входившихъ въ 1-ю Японскую армію (2-ю и Гвардейскую дивизіи). Кавалерія Мищенко въ первыхъ числахъ февраля обнаружила голов. части японцевъ въ г. Пеньянѣ. 1-го марта сошелъ на берегъ въ Цинампо генералъ Куроки, 13-го марта японцы появились въ Анчжю, а 15-го произошло первое столкновеніе кавалерійской части отряда Мищенко съ японцами у г. Чепшена. Послѣ этого Мищенко все время не терялъ связи съ противникомъ и слѣдилъ за нимъ по пятамъ.

Но 11-го марта къ арміи въ Ляоянъ прибылъ Куропаткинъ. Будущій характеръ дѣйствій нашего полководца тотчасъ-же сказался: онъ приказалъ генералу Мищенко отступить за Ялу. Это приказаніе вызывалось опасеніемъ полководца лишиться конницы, но оно же и сводило къ нулю ея значеніе, услуги которой въ качествѣ **„глазъ и ушей арміи"** были особенно цѣнны въ эти первые дни.

23-го Мищенко отступилъ за Ялу. Конница была спасена, но за то связь съ противникомъ была потеряна: Ялу легла непроницаемой пеленой между японцами и глазами нашего полководца.

Къ 25-му марта вся армія Куроки высадилась и находилась между Пеньяномъ и Анчжю въ 120 верстахъ отъ нижняго теченія Ялу, объекта ея ближайшихъ дѣйствій.

Къ 4-му апрѣля японцы мобилизовали еще двѣ арміи: вторую Оку и третью Ноги. Въ это время обѣ онѣ находились въ Хирошимѣ, въ Японіи.

15-го апрѣля 2-ю армію Оку (1, 3, 4 дивизіи) отправили въ Цинампо, гдѣ она должна была ожидать на судахъ результата переправы Куроки черезъ Ялу и, въ случаѣ удачи этой операціи, высадиться на побережьѣ Ляодуна.

22-го марта Куроки выслалъ впередъ въ Иджоу отрядъ генерала Асады. Въ результатѣ генералъ Асада (3 баталіона 12 орудій, 4 эскадрона—3000 человѣкъ), обязанный прикрывать наступленіе 1 арміи, 27-го марта прибылъ безпрепятственно въ Иджоу. Такъ какъ 1-ая армія двигалась съ опозданіемъ, то положеніе Асады вблизи нашихъ силъ, имѣвшихъ возможность перебросится за Ялу и уничтожить его, Куроки считалъ крайне критическимъ и лишь тогда, по его словамъ, вздохнулъ свободно, когда форсированными маршами (12 див.) 2-го апрѣля приблизился къ Асадѣ. Куроки, тогда еще не знавшій характера нашего полководца, напрасно волновался за участь Асады. Куропаткинъ, приказавшій Мищенко отойти за Ялу, сдѣлалъ все, чтобы не имѣть возможности обнаружить критическое положеніе отряда Асады.

ГЛАВА VII.

Импровизація Штаба и командnаго состава.

„Организація не должна замѣняться импровизаціей".

„Самая скверная импровизація, какую я знаю—это импровизація на войнѣ".

Мольтке.

„Одна изъ непонятныхъ странностей этой войны заключалась въ томъ, что на самыя отвѣтственныя мѣста назначали людей, необладавшихъ соотвѣтствующей подготовкой".

Бар. Тейтау.

Импровизація, которой Куропаткинъ занимался въ теченіе войны, когда онъ формировалъ отряды изъ батальоновъ разныхъ полковъ и ввѣрялъ надъ ними начальствованіе разнымъ лицамъ, совершенно незнакомымъ съ подчиненными имъ войсками, такъ что войска не знали своего начальника, начальникъ—своихъ войскъ, а войска—другъ друга, началась еще въ Петербургѣ при сформированіи его штаба.

Прежде всего онъ не призналъ возможнымъ оставить начальникомъ своего штаба то лицо, которое указывалось ему „Положеніемъ о полевомъ управленіи" и которое уже исполняло эту должность у генерала Линевича, а между тѣмъ генералъ Холщевниковъ очень много сдѣлалъ въ смыслѣ стратегическаго и тактическаго изученія театра войны; подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ былъ составленъ мобилизаціонный планъ, дополненный общими соображеніями и основной планъ стратегическаго развертыванія; составленъ былъ планъ устройства въ тылу воен-

ныхъ сообщеній. Въ 1902 году онъ совершилъ полевую поѣздку по Манчжуріи съ цѣлью обслѣдованія возможныхъ путей наступленія противника, переправившагося, предположительно, черезъ р. Ялу въ раіонѣ Шахедзы, черезъ Фынханчуэнъ къ Ляояну, намѣтилъ Фейшулинскую и Ансяндзянскую позиціи, спроектировалъ оборону Ляояна и многое другое.

Уже изъ этого легкаго абриса задачъ полевой поѣздки можно видѣть, что планъ дѣйствій японцевъ предугаданъ былъ Холщевниковымъ вѣрно за 2 года раньше, а главное театръ войны былъ имъ основательно изученъ. Точно также предугадано имъ было въ планѣ войны и бездѣйствіе нашего флота, на содѣйствіе котораго Холщевниковъ не расчитывалъ, подобно Алексѣеву и Куропаткину.

Какъ видите первоначальная наша подготовка къ войнѣ съ Японіей была выполнена Холщевниковымъ. И Уже одно это, казалось, должно было бы побуждать Куропаткина дорожить такимъ человѣкомъ, находящимся въ курсѣ дѣлъ. И, казалось, Куропаткинъ оцѣнилъ все это. Прибывъ къ Арміи и принимая Холщевникова, какъ исполнявшаго обязанности начальника его штаба,— онъ сказалъ ему:—„низко вамъ кланяюсь за все, что вы сдѣлали здѣсь. Я написалъ Государю, что нашелъ все въ такомъ видѣ, что не только не нахожу нужнымъ что либо измѣнять, но буду лишь идти по тому же пути“....

Но все это были только слова.

На вопросъ Холщевникова, чего ему слѣдуетъ ожидать, на какое назначеніе расчитывать? Куропаткинъ отвѣтилъ, что въ Петербургѣ ему дана директива выбрать себѣ въ начальники штаба или полнаго генерала, или стараго генералъ-лейтенанта, такъ какъ корпусами командуютъ тоже старые генералы.

„Дорогой мой“, сказалъ Куропаткинъ, „вся ваша бѣда въ томъ, что вы очень молоды; но я назначаю васъ начальникомъ Восточнаго отряда. Довольны-ли вы этимъ?“

Холщевниковъ сказалъ, что доволенъ и этимъ.

Но проходило время, а приказъ объ этомъ назначеніи не появлялся; потомъ Холщевникова назначили губернаторомъ въ Забайкальскую область.

Начальникомъ-же штаба былъ избранъ генералъ Сахаровъ, командовавшій 4-й кавалерійской дивизіей въ Бѣлостокѣ. Командовать I-мъ Сибирскимъ корпусомъ вызванъ былъ изъ Варшавы баронъ Штакельбергъ, хотя состояніе здоровья этого генерала и лишало его возможности обходиться на войнѣ безъ посторонней помощи, безъ особаго гигіеническаго режима и непозволяло ѣздить верхомъ.

Важная, отвѣтственная должность генералъ-квартирмейстера была предложена ген. Благовѣщенскому, который считался спеціалистомъ по передвиженію войскъ. Какъ добросовѣстный человѣкъ, Благовѣщенскій отказался отъ этой чести, признавшись, что совершенно незнакомъ съ театромъ войны, что изучать его было уже поздно, такъ какъ надо было уже дѣйствовать.

Тогда этотъ постъ былъ предложенъ, опять таки спеціалисту по передвиженію войскъ, генералу Харкевичу, извѣстному изслѣдователю войны 1812 года и, въ частности, какъ апологету отступающаго Барклая-де-Толи.

Существуетъ не безосновательный афоризмъ, что **„Родъ занятій опредѣляетъ складъ понятій и характеръ человѣка“.**

Куропаткинъ не могъ не считаться съ тѣмъ, что, выбравъ на должность своего ближайшаго помощника по стратегической части лицо, умственно воспитавшееся на барклаевскомъ планѣ терпѣнія и отступленія, предрѣшаетъ, до нѣкоторой степени, характеръ соображеній, которыя будутъ высказываться его генералъ-квартирмейстеромъ, а стало быть и возможный характеръ нашихъ дѣйствій въ Манчжуріи.

Событія, какъ извѣстно, это оправдали. Конечно, не апологетъ Барклая могъ быть „Скобелевымъ“ при Куропаткинѣ. Конечно, не онъ могъ вдохновлять Куропаткина на смѣлый, рѣшительный образъ дѣйствій противъ хитраго и дерзкаго врага. Но, конечно, въ немъ, скорѣе всего, Куропаткинъ могъ найти поддержку въ своихъ рѣшеніяхъ въ духѣ терпѣнія и осторожности. Несомнѣнно также, что Харкевичу театръ войны 1812 года былъ значительно лучше извѣстенъ, чѣмъ—Манчжурскій.

Но можетъ быть знатоку передвиженія войскъ, Благовѣщенскому, было Куропаткинымъ предложено стать начальникомъ военныхъ сообщеній арміи? Нѣтъ, его назначили дежурнымъ генераломъ, вѣдающимъ личный составъ арміи. Начальникомъ же военныхъ сообщеній былъ назначенъ Забѣлинъ, помощникъ начальника канцеляріи военнаго министерства. Казалось-бы если уже Куропаткинъ желалъ сохранить при своей особѣ Забѣлина, то лучше всего было бы ему предложить постъ начальника канцеляріи штаба арміи. Однако эту послѣднюю должность занялъ профессоръ Академіи **по кафедрѣ тактики,** полковникъ Даниловъ. Екатеринославскій губернаторъ Коллеръ былъ назначенъ вмѣсто ген. Холщевникова начальникомъ восточнаго отряда.

При всей разносторонней дѣятельности нашихъ губернаторовъ, нельзя, однако, не признать, что должность эта не увеличиваетъ опыта по управленію войсками въ бою. Между тѣмъ ге-

пералу Данилову, служившему въ краѣ до войны и на войнѣ стяжавшему себѣ репутацію истиннаго героя, **„кумира солдатъ“** и **„генерала отъ наступленія“**, въ командованіи частью отказали; когда-же, впослѣдствіи, ему ввѣрили 6-ю дивизію Романова, онъ покрылъ ее славою, а себѣ заслужилъ по праву Георгіевскій крестъ.

Генералъ Засуличъ, извѣстный по Тюренченской катастрофѣ послѣ войны ушелъ въ отставку, но на войнѣ Куропаткинъ не могъ почему то съ нимъ разстаться, какъ и съ Дембовскимъ, Случевскимъ, Левестамомъ и Штакельбергомъ, за котораго даже нѣкоторое время командовалъ его корпусомъ (послѣ Вафангоу). Для нѣкоторыхъ, изъ неоправдавшихъ надеждъ, „героевъ“, Куропаткинъ изобрѣлъ особую систему **„переэкзаменовокъ“**. Такая переэкзаменовка выпала и на долю Ренненкампфа. Будучи недоволенъ его дѣйствіями, Куропаткинъ далъ понять ему, что долженъ-же онъ, наконецъ, оправдать свои Георгіевскіе кресты. Ренненкампфу данъ былъ отрядъ и назначена задача. Въ случаѣ невыполненія ея ему угрожалъ уходъ изъ арміи. Переэкзаменовки Ренненкампфъ не выдержалъ, но случайно въ бою былъ раненъ въ ногу, и эта рана спасла его, хотя еще долго циркулировали слухи, что онъ больше къ арміи не вернется.

Нельзя, однако, это новшество въ военномъ дѣлѣ, эту систему **„переэкзаменовокъ“** не признать совершенно **безнравственной**. Можно-ли ставить исходъ, той или другой операціи, стоющей, иногда, сотни человѣческихъ жизней, и тѣмъ болѣе важной, въ зависимость отъ лица, въ способностяхъ котораго возникаетъ серьезное сомнѣніе?

Въ итогѣ, надо признать въ выборѣ Куропаткинымъ людей какую-то странную смѣсь наивной довѣрчивости, основанной на старыхъ личныхъ связяхъ и воспоминаніяхъ, и, словно умышленное, игнорированіе тѣхъ, кто могъ быть ему дѣйствительно полезнымъ, кто былъ знакомъ съ театромъ войны, съ его особенностями, его населеніемъ, и кто могъ установить живую, дѣятельную, органическую связь арміи съ ея вождемъ.

ГЛАВА VIII.

Группировка силъ къ 15-му апрѣля 1904 г. и Тюренченскій бой 17 и 18 апрѣля 1904 г.

Къ 15-му апрѣля 1904 года, почти наканунѣ Тюренченскаго боя, на театрѣ войны была слѣдующая группировка силъ:

1. Восточный отрядъ генерала Засулича на р. Ялу—22.000 человѣкъ, 54 орудія.

2. Отрядъ генерала Мищенко у Дагушаня—3000 человѣкъ. 2000 человѣкъ у Саймадзы.

3. Южный отрядъ I сиб. корп. Штакельберга въ Инкоу, Дашичао, Кайджоо, Сеньюченѣ—23000 человѣкъ, 70 орудій.

4. Главныя силы у Ляояна и Хайчена 30000 человѣкъ, 90 орудій.

Всего безъ Квантунскаго отряда—80000 человѣкъ и 214 орудій.

5. На Квантунѣ, въ Портъ-Артурѣ и Кинчжоу—Стессель 28000 человѣкъ, 62 орудія.

6. Во Владивостокѣ—30000 человѣкъ,

Къ этому времени у Куроки на Ялу у Нджоу была сосредоточена только I-я Японская армія (2, 12 и Гвардейская дивизіи и одна резервн. бригада). Всего 44 баталіона или 44000 челов.

Между тѣмъ японцы дѣятельно готовились къ переправѣ. Выдвинувъ къ самой рѣкѣ Ялу сильное сторожевое охраненіе, Куроки, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлалъ распоряженіе о недопущеніи къ арміи иностранныхъ корреспондентовъ. Спѣшно собирался матеріалъ, необходимый для устройства мостовъ. Производились умышленныя демонстраціи то выше Ичжоу, то въ самомомъ устьѣ рѣки. Распускались слухи о готовящейся переправѣ ниже Шахедзы. Словомъ принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы отвлечь наше вниманіе отъ Тюренчена, мѣсто, дѣйствительно намѣченное Куроки для совершенія переправы черезъ рѣку.

Отлично понимая чрезвычайно важное моральное значеніе успѣха при первомъ столкновеніи, Куроки особенно тщательно старался его обезпечить. Надо, однако, сказать, что Куроки, увлекшись подготовкой успѣха, дѣлалъ ошибку, теряя драгоцѣнное время. Онъ, такъ сказать, „**шлифовалъ**“ предстоящую операцію и, прояви мы меньшую инертность, онъ слишкомъ дорого долженъ былъ заплатить за свои лавры. Но такова уже типичная черта японской стратегіи: постараться предусмотрѣть все до послѣднихъ мелочей. Такая стратегія при предпріимчивомъ противникѣ, какъ тому учитъ военная исторія, почти всегда обходится очень дорого. „**Фортуна летитъ быстро, не схвати ее во время за волосы—она никогда не вернется**“, писалъ Суворовъ Австрійскому Императору, который требовалъ отъ него донесеній о предполагаемыхъ сраженіяхъ.

А что же въ это время дѣлали мы?

Не слѣдовало ли нашему полководцу, собравъ все, что было въ его распоряженіи, дать надлежащій отпоръ Куроки и, опрокинувъ его, отбросить въ глубь Кореи. Вѣдь у Куропаткина для этого было не менѣе 52000 человѣкъ противъ 11000. Куроки, но Куропаткинъ этого, какъ извѣстно, не сдѣлалъ и не сдѣлалъ не потому, что боялся не одолѣть Куроки, а потому, какъ говорилъ впослѣдствіи Главнокомандующему Алексѣеву, что отбрасывать Куроки въ дикія горы Японіи онъ находилъ невыгоднымъ и нежелательнымъ, такъ какъ его цѣлью было разбить Куроки на поляхъ Манчжуріи.

„Надо дать японцамъ спокойно высадиться и проникнуть въ Манчжурію. Чѣмъ дальше продвинутся они, тѣмъ вѣрнѣе мы ихъ разобьемъ, тѣмъ скорѣе мы кончимъ войну. Не надо только гоняться за маленькими успѣхами: это не умно и не практично. Терпѣніе—и однимъ хорошимъ ударомъ мы кончимъ войну", говорилъ онъ адмиралу Л. Какъ выполнилъ онъ это впослѣдствіи мы уже знаемъ.

Вслѣдствіе несвойственнаго нашему Полководцу рѣшительнаго и энергичнаго образа дѣйствій, онъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, даетъ начальнику восточнаго отряда Засуличу совершенно неопредѣленную, какъ и онъ самъ, полководецъ, задачу: **„Задерживать противника возможно продолжительное время, не принимая рѣшительнаго боя... Тщательно обдумать всѣ распоряженія по оборонѣ... и отступленію; не быть вынужденнымъ къ спѣшному отступленію,—но и не давать противнику трофеевъ".**

Не очевидно-ли было, что нашъ полководецъ и хочетъ боя и боится его, хочетъ побѣды и боится пораженія?

Ясно было, что отрядъ нашъ долженъ будетъ принять бой и что онъ приметъ его: позиція была сильная, хотя Куропаткинъ и воспретилъ возводить на ней сомкнутые опорные пункты.

Что-же сдѣлалъ Куропаткинъ, чтобы воодушевить войска для перваго боя, чтобы внушить имъ вѣру въ себя, въ свою силу, въ будущій успѣхъ,—вѣру, столь необходимую для **„отпора съ должной твердостью"**, для **„отступленія съ боемъ"**, чтобы это отступленіе, разъ онъ его рѣшилъ, было заранѣе вѣдомо войскамъ и потому не превратилось въ паническое бѣгство? Онъ остается въ Ляоянѣ и привѣтствуетъ прибывающіе батальоны стереотипной, заученной фразой: **„Надѣюсь, братцы, постараетесь"**! Онъ объѣзжаетъ Ляоянскую позицію. Онъ ѣдетъ въ Мукденъ, чтобы и тамъ дѣлать тоже и **„выбирать пункты для укрѣпленія позиціи"**. Бесѣдуетъ съ мелкими китайскими властями. Словомъ, обращаетъ свой взоръ на тылъ, а не на армію Куроки, непосредствен-

ный объектъ его дѣйствій какъ Полководца, уже висѣвшую надъ восточнымъ отрядомъ, удаленнымъ отъ командующаго на 200 верстъ.

На донесеніе Засулича о дѣйствіяхъ нашихъ охотниковъ у Тюренчена, Куропаткинъ пишетъ ему: „**Не увлекайтесь своими успѣхами на лѣвомъ флангѣ; это только демонстраціи противника. Его цѣль—вашъ правый флангъ, который онъ хочетъ отрѣзать отъ моря и тѣмъ облегчить себѣ высадку у Дагушаня**“.

Какъ извѣстно, планъ Куроки заключался въ томъ, чтобы ударомъ въ *лѣвый флангъ* русскихъ, обороняющихъ позицію за рѣкой Хйхэ, отрѣзать весь восточный отрядъ отъ пути его отступленія на Фынханчуэнъ, противъ **праваго же фланга,** о которомъ такъ безпокоился Куропаткинъ, японцы ограничились **легкой** демонстраціей. Словомъ, случилось, какъ разъ наоборотъ тому, что изъ своего „**прекраснаго далека**“ провидѣлъ Куропаткинъ.

Побывай онъ хоть разъ въ жизни самъ на р. Ялу, посмотри онъ самъ расположеніе нашихъ войскъ, быть можетъ, и не случилось бы того, что произошло. Онъ, можетъ быть, хоть инстинктивно, понялъ бы, что стратегическое значеніе имѣлъ именно нашъ **лѣвый** флангъ, съ потерей котораго мы отрѣзывались отъ Фыханчуэна, базы восточнаго отряда. Несомнѣнно, такъ поступилъ-бы Скобелевъ, Суворовъ и Напалеонъ, всѣ истинные полководцы „Божьею Милостью“.

Никто, кто любитъ солдатъ не на словахъ только и въ приказахъ, не могъ-бы быть покойнымъ за отрядъ, которому предстоитъ выдержать первый натискъ врага, который удаленъ на 200 верстъ, біеніе сердца котораго нельзя подслушать, настроеніе уловить и во время своимъ присутствіемъ, своимъ горячимъ словомъ, поддержать. Скобелевъ въ такомъ же положеніи изъ Чикишляра проскакалъ 230 верстъ въ 25 часовъ и явился въ Бами, въ самый тревожный моментъ. Галантъ всегда экспансивенъ, горячъ и нетерпѣливъ..... онъ не усидѣлъ бы на мѣстѣ, онъ былъ-бы „**тамъ**“, среди своихъ сражающихся войскъ. Тогда-бы и начальство было на мѣстѣ, а не такъ, какъ Засуличъ на разстояніи 12 верстъ отъ сраженія.

Флегматичный и спокойный Куропаткинъ сидѣлъ въ Ляоянѣ: ему невозможно было проѣхать на Ялу въ своемъ **пульмановскомъ вагонѣ.** Страннымъ кажется послѣ этого изумленіе Куропаткина исходомъ Тюренченскаго боя, а, между тѣмъ, это изумленіе въ Ляоянѣ почти граничило съ паникой. Тамъ потомъ даже сдѣлали видъ, что самый бой являлся для нашего Полководца полной неожиданностью. Началось „**умываніе рукъ**“, началось

то, что потомъ, въ болѣе крупномъ масштабѣ, повторилось подъ Ляояномъ, который, вдругъ, принизился въ глазахъ Куропаткина, до значенія простого „**тетъ-де-пона**". Куропаткинъ обвинялъ за Тюренченскую неудачу полковника Громова, подполковника Покотило и другихъ, но ни разу не обвинилъ себя. Онъ назначилъ даже слѣдствіе, но такъ какъ искали виновныхъ, конечно, только среди „**стрѣлочниковъ**", то и не нашли ихъ.

Но вернемся къ Тюренченской операціи. Позиція, занятая нашимъ восточнымъ отрядомъ слагалась изъ двухъ участковъ: у Шахедзы и у Тюренчена. Первая—преграждала главную дорогу изъ Кореи въ Манчжурію, вторая—вѣтку ея. Стратегическое значеніе, конечно, имѣла позиція лѣвая у Тюренчена, Потензы и Чингоу. На этихъ двухъ позиціяхъ нашъ восточный отрядъ былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: позиція у Сахедзы была занята 1000 человѣкъ и 16 оруд., генерала Каналинскаго, у Тюренчепа-Потензы-Чингоу—5000 человѣкъ, 16 орудій генерала Трусова. Общій резервъ расположился у с. Тензы 6000 человѣкъ при 22 орудіяхъ ближе къ правой позиціи, такъ какъ по указанію Куропаткина изъ Ляояна намъ угрожала атака справа у с. Шахедзы.

Японцы начали бой и наступленіе утромъ 17 апрѣля. Уже по самому ходу и характеру этого боя можно было съ полной увѣренностью опредѣлить истинныя намѣренія Куроки. Было видно, что главный ударъ онъ направлялъ на нашу лѣвую позицію, о чемъ и доносилъ начальникъ ея генералу Засуличу, но послѣдній, подъ вліяніемъ Ляояна, упорно ожидалъ нападенія справа, а потому на 18 число ни въ чемъ не измѣнилъ первоначальнаго расположенія своего отряда. Притянувъ онъ свой резервъ за ночь ближе къ лѣвому флангу, результаты боя 18-го, принимая во вниманіе беззавѣтную храбрость, обнаруженную нашими войсками въ этомъ бою, могли быть иные и, во всякомъ случаѣ, они не были бы такъ печальны, какъ оказались.

18-го апрѣля съ восходомъ солнца, въ 5 ч. утра раздался залпъ японской артиллеріи; вслѣдъ за этимъ по позиціямъ у Тюренчена и Потензы, открытъ былъ сильнѣйшій огонь съ японскихъ батарей, расположенныхъ на островахъ у Сындягоу и на Хусанскихъ высотахъ. Въ 6 ч. утра японцы начали наступать тремя группами: на Тюренченъ со стороны Матуцео, на Потензы—со стороны Хусанскихъ высотъ и на Чингоу—оттуда-же. Приблизительно около 8-ми часовъ утра лѣвая колонна японцевъ подошла къ Тюренчену и, переѣдя р. Эйхо по горло въ водѣ, направилась частью на фронтъ, частью въ обходъ лѣ-

Цуансанда
Чингоу
1бат. 2ор.
Лауфангоу
Хусанъ
Лизявенъ
Гора Хусанъ
Потэтынза
Хусанъ
Сандягоу
Двурогiй холмъ
Магу
Тюренчэнъ
Тученза
Матуцео
Р. Ялу
Ос. Сямалинду
Ос. Кясинцза
Нынгятинъ
Слепу
Дзяньпа
Та Саходзы
Кясинцза
САХОДЗЫ
Р. Тасаходзы

ваго фланга этого участка нашей позиціи, на с. Магу т. е. въ промежутокъ между позиціями у Тюренчена и Потензы. Японцы наступали густыми цѣпями подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ и понесли огромныя потери. Тѣмъ не менѣе передовыя наши роты, подъ напоромъ превосходнаго въ десять разъ противника, вынуждены были отойти изъ окоповъ на гребень высоты. Роты отходили медленно, отстрѣливаясь, при этомъ 6 рота 12 Восточнаго Сибирскаго полка, подпустивъ противника шаговъ на 200, бросились въ штыки, но японскія цѣпи отхлынули и не приняли нашего штыкового удара.

Одновременно съ этимъ на позиціи у Потензы происходило слѣдующее: около 8-ми часовъ Командиръ 22 полка Громовъ обнаружилъ наступленіе со стороны Хусанскихъ высотъ большихъ силъ японцевъ на фронтъ и лѣвый флангъ своей позиціи. Вслѣдъ за этимъ имъ было замѣчено движеніе японцевъ на дер. Магу въ промежутокъ между позиціей у Потензы и Тюренченомъ. Угрожаемый, такимъ образомъ, обходомъ съ обоихъ фланговъ, Громовъ приказалъ своему 22 полку отходить на гребень, позади лежащей высоты, для занятія тыловой позиціи.

Тѣмъ временемъ японцы заняли лѣвый берегъ р. Эйхо и открыли убійственный ружейный огонь, часть же ихъ стала переправляться въ бродъ на правый берегъ. Тогда Громовъ, опасаясь потерять единственный путь отступленія, снялъ свой полкъ и двинулся въ 10 часовъ къ Чингоу.

Поспѣшное отступленіе 22 полка отъ Потензы и Чингоу сразу создало критическое положеніе не только для 12 полка, занявшаго позицію на высотѣ Хундотузы, но и для Саходзынскаго отряда.

Занявъ Потензы и Чингоу, японцы частью устремились на Лоуфангоу, частью въ долину Хантуходзы, угрожая окруженіемъ 12 полку и захватомъ пути отступленія Саходзынскаго отряда на Фынханчуэнъ.

Между тѣмъ генералъ Каштлинскій, не зная ничего объ отступленіи 22-го полка, и не опасаясь поэтому за свой лѣвый флангъ, устраивалъ 12 полкъ на тыловой позиціи. Мѣткимъ огнемъ стрѣлковъ и, особенно, артиллеріи наступленіе японцевъ съ фронта было пріостановлено, а двѣ ихъ батареи разсѣяны.

Въ это время сталъ подходить 11 полкъ Ляйминга, выдвинутый Засуличемъ изъ общаго резерва на помощь войскамъ Каштлинскаго, съ цѣлью задержать наступленіе японцевъ и этимъ дать возможность отступить Саходзынскому отряду. Въ это самое время Каштлинскій узналъ объ уходѣ 22-го полка и о

движеніи японцевъ во фланг и въ тылъ на Лауфангоу. Тогда 11 полку приказано было занять позицію на высотѣ у узла дорогъ изъ Чингоу и Потензы на Тензы, а 12 полку и артиллеріи отступить на Фынханчуэнскую дорогу.

Около 3 часовъ дня на полѣ сраженія оставались: 11 полкъ, 2-ая и 3-я батареи 6 бригады и пулеметная рота и арьергардъ 12 полка (2 роты подъ командой поручика Полозовскаго). Этотъ маленькій арьергардъ, окруженный съ трехъ сторонъ японцами, разстрѣливаемый пачечнымъ и пулеметнымъ огнемъ, медленно отходилъ съ позиціи на позицію и почти весь былъ уничтоженъ. Тяжело раненный Полозовскій приказалъ уцѣлѣвшимъ людямъ испортить орудія, а самъ остался на полѣ битвы.

Наступало время отходить и 11 полку, сдерживавшему до сихъ поръ натискъ противника, но японцы уже окружили его со всѣхъ сторонъ. Полковникъ Ляймингъ рѣшилъ пробиваться въ штыки. Впереди сталъ 3 батальонъ, сформированный изъ войскъ Кіевскаго округа, за нимъ хоръ музыки, далѣе 1-ая рота со знаменемъ и команда нестроевыхъ съ перевязочнаго пункта. Раненыхъ несли на носилкахъ и вели подъ руки. Полковой священникъ Щербаковскій, съ крестомъ въ рукахъ шелъ передъ ротами. Подъ звуки „гимна“ при громѣ орудій и трескотнѣ пулеметовъ, колонна двинулась во главѣ съ полковникомъ Ляймингомъ на перевалъ и около 3 съ половиной часовъ прошла мимо нашихъ батарей и пулеметовъ, уже выпустившихъ всѣ свои заряды.

Японцы открыли губительный огонь по отступавшимъ, и полкъ съ каждымъ шагомъ терялъ убитыхъ и раненыхъ. Священникъ Щербаковскій былъ раненъ. Изъ 32 музыкантовъ выбито 16 человѣкъ; раненъ капельмейстеръ Лоось. Японцы на перевалѣ не приняли нашего штыкового удара и отхлынули назадъ. Много офицеровъ и нижнихъ чиновъ уже было выбито. Полковникъ Ляйминг упалъ съ лошади смертельно раненый. Подхватившій его горнистъ—убитъ. Бросившійся къ нему на помощь подпоручикъ Сорокинъ—тяжело раненъ и упалъ на тѣло своего командира. Еще нѣсколько стрѣлковъ бросились къ нему, но одинъ за другимъ падали, какъ скошенные. Послѣдніе слова Ляйминга были: **„оставьте меня, я умираю, а вы еще нужны Родинѣ—уходите“.**

Казалось, выйти изъ этого ада было невозможно, но въ это время сзади началась усиленная орудійная пальба по гребню, занятому японцами и японскій огонь сразу ослабѣлъ, а высота

вправо была очищена. То стрѣляла славная 2-я батарея 6-й бригады, вернувшаяся на позицію.

Пользуясь затишьемъ, стрѣлки, предводимые уцѣлевшими офицерами, бросились впередъ въ штыки, но японцы не приняли удара и очистили перевалъ. Переваливъ гору, люди остались внѣ выстрѣловъ японцевъ. Попытки японцевъ преслѣдовать были остановлены баталіономъ 10 полка, высланнымъ на встрѣчу генераломъ Канталинскимъ. Около 5 часовъ остатки доблестнаго 11 полка со своимъ знаменемъ присоединились къ арьергарду у д. Тензы.

Когда вспоминаешь эту трогательную, полную умиленія, картину, невольно воскресаютъ образы былыхъ временъ на поляхъ Ватерлоо и кажется, что слышишь голосъ старой гвардіи великаго Императора: **„Гвардія умираетъ, а не сдается!“**

И развѣ 11-ый полкъ не та-же старая гвардія великаго Императора! Развѣ это не тотъ-же самый духъ беззавѣтной любви и преданности къ родинѣ и ея славѣ?! Развѣ это не тѣ-же Суворовскіе **„чудо-богатыри?“**

Съ такими бойцами только Куропаткинъ, этотъ „великій организаторъ пораженій“, могъ проиграть кампанію и уронить престижъ славнаго русскаго имени...

Вѣдь не надо же забывать, что на позиціяхъ Тюренчена шесть нашихъ баталіоновъ, всего 3500 человѣкъ, сражались противъ всей 1 арміи Куроки, состоявшей изъ 3 дивизій и резервной бригады количествомъ не менѣе 40,000 человѣкъ. Остальныя же наши силы, не менѣе 10,000 человѣкъ спокойно стояли у Шахедзы и д. Тензы и, по милости Засулича, глядѣли какъ нашихъ львовъ избивали.

Когда отъ раненыхъ нашихъ офицеровъ Куроки узналъ, что противъ его арміи сражались всего 6 нашихъ баталіоновъ, то сказалъ: **„Я этому не могу повѣрить. По силѣ сопротивленія, оказаннаго мнѣ вашими войсками, я увѣренъ, что вашихъ было не менѣе двухъ дивизій“.**

Судите теперь сами, что случилось-бы съ японской переправой, если-бы съ нашей стороны были выдвинуты свѣжія силы изъ больного резерва Засулича, и что осталось бы отъ лавровъ Куроки, если-бъ нашъ полководецъ обрушился на него подъ Тюренченомъ съ 50,000 русскихъ бойцовъ!..

Подъ Тюренченомъ мы потеряли 63 офицера и 2718 нижнихъ чиновъ, т. е. 70% состава сражавшихся

ГЛАВА IX.

Положеніе на театрѣ войны къ концу апрѣля. Высадка 2-ой арміи Оку у Бидзыво и ея операціи.

Послѣ переправы армія Куроки заняла Фынханчуэнъ, а восточный нашъ отрядъ занялъ перевалы Фейшулинскаго хребта: Фейшулинскій и Мотиэлинскій на пути наступленія отъ Фынханчуэна на Ляоянъ.

Въ стратегическомъ отношеніи вторженіе японцевъ въ Манчжурію и занятіе ими Фынханчуэна было большимъ плюсомъ для японцевъ. Во первыхъ, оно развязывало имъ руки для производства высадокъ на побережьи Корейскаго залива, во-вторыхъ,—препятствовало намъ бросить **всѣ наши силы** въ южномъ направленіи на выручку Портъ-Артура, ежели-бы какая-либо изъ прочихъ японскихъ арміи Нодзу, Ноги или Оку, высадившись, стала угрожать Квантуну, такъ какъ въ такомъ случаѣ армія Куроки все время висѣла-бы на лѣвомъ флангѣ нашей операціонной линіи: Ляоянъ-Хайченъ-Кайджоо-Киньчжоу и вызывала бы оставленіе противъ себя сильнаго заслона, ослаблявшаго силы нашего операціоннаго отряда.

2-я армія Оку, находившаяся во время Тюренченскаго боя у Цинампо на судахъ, вслѣдъ за переходомъ Куроки черезъ Ялу, получила приказаніе произвести высадку у г. Бицзыво.

21 апрѣля 1904 года къ вечеру противъ Бицзыво показались японскіе транспорты, а утромъ 22-го съ нихъ начали высаживаться войска. Японцы совершенно даромъ тратили снаряды, поддерживая, какъ слѣдуетъ по учебнику тактики, свою высадку артиллерійскимъ огнемъ. Имъ не только никто не хотѣлъ мѣшать ихъ готовы были даже поощрять и привѣтствовать.

Головныя части десанта быстро двинулись къ ст. Пуландянъ и испортили спѣшно нашу желѣзную дорогу. Однако этотъ маленькій отрядъ скоро очутился въ самомъ критическомъ положеніи. Разразившаяся буря 23, 24, 25 и 26 Апрѣля заставила японцевъ прекратить дальнѣйшую высадку у Бицзыво и искать болѣе удобнаго мѣста. Таковымъ оказалась бухта у Тиньдьятуня, гдѣ 2-я армія и стала продолжать свою высадку.

Все это время, съ 22 по 26 апрѣля, отрядъ, первоначально испортившій намъ желѣзную дорогу, былъ предоставленъ самому себѣ, а потому, поспѣшно отступивъ къ побережью, далъ намъ возможность исправить дорогу и 27-го апрѣля прошелъ поѣздъ Спиридонова и доставилъ въ Портъ-Артуръ припасы и снаряды.

Стратегическое положеніе сторонъ

къ 15-му апрѣля 1904 года

Западно-Корейскій заливъ

Желтое море

Порт-Артуръ

Дальній

Инкоу

Кайчжоу

Мукденъ

Ляоянъ

Ташичао

Хайчэнъ

Сайма

Ялуцзянъ

Фынхуанчэнъ

Сюйянъ

Хуанхэ

Ляохэ

Сунгари

Ялу

Корея

Китай

Маньчжурія

Японія

Японскій флотъ

Русскій флотъ

Русскія войска

Японскія войска

Корейскій берегъ

Китайскій берегъ

Японскій берегъ

Русскій берегъ

Граница Кореи

Граница Китая

Граница Маньчжуріи

Граница Японіи

Граница Россіи

Граница Англіи

Граница Франціи

Граница Германіи

Граница Австріи

Граница Италіи

Граница Испаніи

Граница Португаліи

Граница Голландіи

Граница Бельгіи

Граница Швейцаріи

Граница Швеціи

Граница Норвегіи

Граница Даніи

Граница Россіи

Граница Англіи

Граница Франціи

Граница Германіи

Граница Австріи

Граница Италіи

Граница Испаніи

Граница Португаліи

Граница Голландіи

Граница Бельгіи

Граница Швейцаріи

Граница Швеціи

Граница Норвегіи

Граница Даніи

За то этотъ поѣздъ уже былъ послѣднимъ. Высадившаяся армія Оку быстро стала наступать къ Киньчжоу и уже прочно овладѣла нашей дорогой и навсегда отрѣзала Портъ-Артуръ.

Высадка 2-ой арміи Оку была закончена къ 1 мая 1904 года. Армія эта въ своемъ составѣ заключала 3 пѣх. дивизіи (36 бат., 17 эск. и 216 ор.) съ соотвѣтственнымъ количествомъ войскъ вспомогательнаго назначенія. Изъ всей массы артиллеріи 108 ор. распредѣлялись по дивизіямъ, а остальная была выдѣлена въ особый артиллерійскій полкъ. Въ теченіе мая къ этой артиллеріи былъ присоединенъ еще и гаубичный полкъ (24 ор.) и часть орудій осаднаго парка. На перевозку всѣхъ этихъ силъ потребовалось 83 транспорта. Соотношеніе артиллеріи къ другимъ родамъ оружія выражается какъ 1:1000 значительно превышающее таковое у насъ въ Восточно-Сибирскихъ частяхъ.

Ближайшей цѣлью дѣйствій 2-ой японской арміи было поставлено: занять береговую полосу на Южномъ побережьи Ляодуна и подготовить тамъ базу для дальнѣйшаго вторженія въ глубь страны. Во исполненіе этой общей директивы, Оку нашелъ необходимымъ прежде всего овладѣть Киньчжоускимъ перешейкомъ. Вопросъ же о дальнѣйшихъ операціяхъ: или противъ П.-Артура, или противъ главныхъ силъ русской арміи, движеніемъ на сѣверъ, пока оставался открытымъ.

Наблюдавшія за высадкой японцевъ наши слабыя заставы пограничниковъ отступили, не оказавъ почти никакого сопротивленія. Вообще мы отнеслись къ высадкѣ у Бицзыво совершенно пассивно и только одинъ ген. Кондратенко настаивалъ не только на упорной оборонѣ Киньчжоу, но и на попыткѣ дѣйствовать активно уже хотя-бы съ цѣлью выяснить значеніе этой высадки и размѣры десанта. Вслѣдствіе его настоянія были выдвинуты части 1-ой Восточно-Сибирской дивизіи подъ ком. ген. Зыкова. Этотъ отрядъ началъ было нащупывать противника, но 25 апрѣля Зыковъ былъ оттянутъ назадъ и соприкосновеніе было утрачено (тоже, что и съ Мищенко въ Кореѣ). Прямымъ послѣдствіемъ этого явилось отсутствіе точныхъ свѣдѣній о численности японскихъ силъ, высадившихся на берегъ у Бицзыво.

Наоборотъ, Оку, какъ показываютъ отчеты, былъ точно освѣдомленъ о положеніи дѣлъ. Онъ зналъ, что позиція у Киньчжоу укрѣплялась нами только на одну бригаду, что въ окрестностяхъ Пуландяна русскихъ самое ничтожное количество, у Вафандяна одна рота, а въ тылу Киньчжоу—силы, значительно уступающія его арміи.

При наличности этихъ данныхъ и не видя серьезной опасности съ сѣвера, Оку рѣшается быстро овладѣть Киньчжоу, чѣмъ достигалось упроченіе положенія его арміи и **база-точка** превращалась въ обширный раіонъ съ опорными пунктами. Кромѣ того овладѣніе Киньчжоу развязывало Оку руки для скорѣйшаго движенія вдоль желѣзной дороги къ Ляояну, въ связи съ наступленіемъ другихъ японскихъ арміи.

Задавшись этой цѣлью, Оку, оставивъ 3-ю дивизію въ видѣ заслона съ сѣвера, остальныя силы своей арміи устремляетъ къ югу для овладѣнія Киньчжоуской позиціей.

Это движеніе должно было неминуемо привести 2-ю армію къ столкновенію съ нашими 9 баталіонами, выдвинутыми къ сѣверу въ раіонѣ Шаталитезы. Около 12 часовъ дня не менѣе 18 бат. японцевъ съ подавляющимъ количествомъ артиллеріи атаковали у Шаталитезы 5, 13 и 14 Восточно-Сибир. полки и къ 3 часамъ оттѣснили ихъ къ Киньчжоу.

1 мая 5 В.-Сиб. полкъ занялъ укрѣпленную Киньчжоускую позицію и составилъ гарнизонъ ея, а 13, 14 и 15 отошли къ Нангалину.

Надо, однако, сказать, что Оку сдѣлалъ все зависящее отъ него, дабы обезпечить себѣ успѣхъ въ столь важномъ, въ нравственномъ отношеніи, первомъ столкновеніи: имъ были сосредоточены превосходныя силы и направленіе движенія обѣихъ его дивизій обѣщало успѣхъ, т. к. куда ни поверни мы фронтъ, если ни одна, то другая дивизія выходила намъ во флангъ. Съ нашей же стороны отсутствовала предварительная подготовка, не было никакого управленія войсками ни до, ни въ самомъ бою и послѣдній велся скорѣе стихійно.

Послѣ дѣла у Шаталитезы надо было ожидать въ самомъ непродолжительномъ времени наступленія японцевъ и на нашу укрѣпленную Киньчжоускую позицію и начальнику укрѣпленнаго раіона ген. Стесселю предстояло разрѣшить диллему: или упорно защищать Киньчжоу и промежуточныя между нимъ и П.-Артуромъ позиціи, или, сберегая войска, ограничиться лишь пассивнымъ задерживаніемъ врага на этихъ позиціяхъ и сосредоточить всѣ усилія на защитѣ самыхъ крѣпостныхъ верковъ. Каждое изъ этихъ рѣшеній имѣло свои положительныя и отрицательныя стороны: первое, на долго отдаляло противника отъ П.-Артура и давало возможность долго пользоваться обильными средствами всего Квантуна, но изнуряло войска, второе,—давало свѣжихъ защитниковъ крѣпости, но отдавало въ руки врага весь Квантунскій плацдармъ.

Первое, однако, рѣшеніе, по моему убѣжденію, имѣло очень важныя преимущества надъ вторымъ, т. к., давая указанныя выше выгоды, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, на долгое время привязывало армію Оку къ Киньчжоу, связывало его операціи—къ сѣверу, увеличивало шансы на возможность выручки со стороны Ляояна и дѣлало невозможной въ скоромъ времени высадку арміи Ноги у Дальняго. И не напрасно генералъ Кондратенко рекомендовалъ остановиться на первомъ рѣшеніи. Онъ справедливо настаивалъ на упорной оборонѣ Киньчжоуской позиціи и уговаривалъ въ этомъ смыслѣ Фока, на котораго Стессель рѣшилъ возложить эту задачу. Онъ обѣщалъ Фоку даже обезпечить его отрядъ отъ попытокъ японцевъ высадиться гдѣ-нибудь у Тучендзы и гарантировалъ ему со своею 7-ю дивизіей свободу своевременнаго отступленія къ Артуру.

Повидимому, убѣжденія Кондратенко повліяли на Стесселя и онъ рѣшилъ защищать Киньчжоу. Къ сожалѣнію, это совершенно правильное рѣшеніе, не взирая на полную возможность его выполненія, проведено было въ жизнь крайнѣ уродливо, непланомѣрно, безъ должнаго импульса свыше и въ результатѣ желательная упорная оборона Киньчжоускаго перешейка свелась лишь къ короткому задерживанію противника небольшимъ отрядомъ на глазахъ бездѣйствовавшихъ неподалеку крупныхъ резервовъ.

Киньчжоуская укрѣпленная позиція лежитъ на перешейкѣ того-же имени. Наименьшая ширина перешейка около 3-хъ верстъ и, т. к. онъ является единственнымъ путемъ изъ Ляодуна на Квантунъ, то, естественно, имѣетъ право называться ключемъ входа на послѣдній. Южнѣе возвышается горный узелъ Наньшань, состоящій изъ вершины и пяти отроговъ, изъ которыхъ два пересѣкаютъ перешеекъ и образуютъ самую позицію длиной въ 2 вер. Все пространство отъ одного залива до другого-имѣетъ около $3^1/_2$ верстъ по прямой линіи и командуется массивомъ Наньшань. Южные склоны этого массива очень круты и позволяютъ прекрасно укрыть резервы, восточные и западные—отложе, сѣверные—пологи и даютъ хорошій обстрѣлъ, особенно, на востокъ. Въ общемъ вся эта система возвышенностей заполняла весь перешеекъ, оставивъ лишь около береговъ обоихъ заливовъ плоскія пространства, каждое длиной около версты. Такимъ образомъ эта позиція, при условіи обезпеченія фланговъ, была очень сильна по своимъ природнымъ свойствамъ. Главнымъ неудобствомъ ея надо признать лишь то обстоятельство, что она пролегала по самому узкому мѣсту перешейка, сейчасъ же расширяющемуся къ сѣверу и сѣ-

веро-востоку, вслѣдствіе чего непріятель получалъ возможность расположиться по объемлющей дугѣ и сосредотачивать свой огонь, иначе говоря, приходилось обороняться, занимая середину дефилэ, а не выходъ его, что лишало выгодъ, когда атакующій бываетъ вынужденъ стѣсняться и разбрасывать свой огонь по фронту обороняющагося, получающаго, въ такомъ случаѣ, возможность концентрировать свой огонь по скученному при прохожденіи дефиле противнику. Въ заключеніе надо сказать, что примыкающій къ лѣвому флангу позиціи Киньчжоускій заливъ по своему мелководству во время отлива, хотя и допускалъ движеніе пѣхоты по морскому дну въ охватъ Наньшанъ, но и не позволялъ на разстояніи 14 верстъ подойти крупнымъ японскимъ судамъ съ ихъ могущественной артиллеріей для фланговаго, амфиладнаго по позиціи огня. Все это, показывало, что самымъ опаснымъ пунктомъ нашей позиціи являлся нашъ лѣвый флангъ. Между тѣмъ именно этотъ флангъ нашей укрѣпленной позиціи и не былъ снабженъ достаточно могущественной артиллеріей для успѣшной борьбы съ канонерками, а въ инженерномъ отношеніи ни единымъ долговременнымъ укрѣпленіемъ изъ бетона и желѣза.

По причинамъ, имѣвшимъ мѣсто еще до начала кампаніи, Киньчжоуская позиція не была оборудована надлежащими временными укрѣпленіями, а строить ихъ во время внезапно начавшейся кампаніи было некогда, поэтому наши инженеры совершенно правильно полагали, что лучше имѣть хорошія, законченныя полевыя укрѣпленія, чѣмъ недокопченныя временныя и потому стали воздвигать первыя. Въ результатѣ къ 10 мая 1904 г. было прорыто новыхъ окоповъ 8,5 верстъ и исправлено старыхъ 1,5 вер.; возведено 4 укрѣпленія (2 редута и 2 люнета), каждое на роту и 6 батарей; исправлено 3 редута и 13 батарей; положено 5 вер. проволоч. заграждѣній; устроена центральная телеграфная станція; заложено 84 фугаса и сдѣланы блиндажи. Къ сожалѣнію, вѣроятно по недостатку времени, не организовали фланкированія подступовъ лѣваго фланга и оборону гребней Таліенванскаго полуострова.

Въ общемъ расположеніе описанныхъ фортификаціонныхъ сооруженій рисуется въ слѣдующемъ видѣ.

1) Наньшаньская высота опоясывалась непрерывнымъ стрѣлковымъ рвомъ достаточно сильной профили, оба фланговыхъ участка, котораго протягивались до самыхъ береговъ.

2) Выше у гребня были сдѣланы окопы, составлявшіе 2-ой ярусъ обороны (на нѣкоторыхъ участкахъ былъ и 3-й ярусъ).

3) Вся система окоповъ усиливалась тремя сомкнутыми укрѣпленіями въ видѣ опорныхъ пунктовъ на вершинахъ и еще 4 другими менѣе сильными сооруженіями.

4) Артиллерія должна была размѣститься въ 15 батареяхъ, расположенныхъ на пунктахъ найлучшаго обстрѣла.

5) Устья овраговъ были затянуты проволочными заграждѣніями, а правый флангъ позиціи усиливался фугасами; на лѣвомъ—ихъ заложить не успѣли.

Съ технической стороны всѣ сооруженія были хороши. Противъ же самого расположенія ихъ ничего сказать нельзя: они дѣлали позицію съ фронта, при достаточномъ количествѣ защитниковъ, трудно доступной для противника, имѣющаго въ своемъ распоряженіи одну лишь полевую артиллерію.

Стрѣлковые окопы были спущены къ подножію скатовъ, что спасало ихъ отъ дѣйствія непріятельскихъ недолетовъ по батареямъ, но удлиняло линію обороны, на которую назначенныхъ 3 бат. 5 В.-Сиб. полка уже не могло хватить. Кромѣ этого позиція наша въ артиллерійскомъ отношеніи была снабжена и слабо и нецѣлесообразно. Тяжелыя 6 дюйм. орудія были поставлены по 4 на двухъ батареяхъ въ центрѣ позиціи, что лишало ихъ возможности во время боя отогнать японскія канонерки съ лѣваго фланга. Это особенно странно, т. к. еще въ февралѣ адм. Макаровъ рекомендовалъ держать большія орудія ближе къ лѣвому флангу позиціи. Отступленіе съ позиціи было затруднительно, т. к. оно могло совершаться только по единственной дорогѣ съ двумя горными перевалами, шедшей отъ центра позиціи.

Къ 10 мая 1904 года назначенныя для непосредственнаго форсированія Киньчжоуской позиціи части второй арміи Оку, общей сложностью въ 32 бат. 5 эск. 198 ор. 3 пионерн. бат. и 48 пулем. (35—40 тысячъ) заняли раіонъ отъ Шаталитезы на югъ до окрестностей горы Самсонъ.

Оборона Киньчжоуской позиціи была возложена генераломъ Стеселемъ на 4 В.-С. Стрѣлк. дивизію ген. Фока, Изъ этой дивизіи 5 В.-С. стр. полкъ полковника Третьякова, занималъ съ 3 мая Киньчжоускую позицію, а остальные полки этой дивизіи составили подвижной резервъ и расположились въ раіонѣ Нангуалинъ—ст. Тафашинъ Моедзы въ 3—6 верстахъ за позиціей.

Расположеніе войскъ соотвѣтствовало обстановкѣ, т. к. съ этого пункта резервъ могъ быть переброшенъ по желѣзной дорогѣ даже и къ Артуру.

Незабвенный защитникъ Портъ-Артура.

Генералъ-Лейтенантъ

Романъ Исидоровичъ Кондратенко.

Убитъ во время бомбардировки японцами горы „Высокой“ 2-го декабря 1904 года.

Такимъ образомъ, сама позиція была занята 2760 бойцами, а резервъ составили 10.000 человѣкъ.

Обиліе фортификаціонныхъ сооруженій на позиціи позволяло и даже требовало занять ее сильнѣе, но, впрочемъ, это можно было всегда сдѣлать и позже уже во время самого боя, использовавъ своевременно слишкомъ массивный резервъ.

Въ общихъ чертахъ планъ японской атаки на 12 мая былъ таковъ: 1-ая дивизія ведетъ атаку съ фронта, 4-ая производитъ тактическій охватъ нашего лѣваго фланга, а 3-я—праваго. Поэтому 1-ая дивизія (9 бат). была направлена изъ Чилизона на Сѣверо-Восточную окраину Нанышаньскаго массива, 4-ая (11 бат.) овладѣваетъ г. Киньчжоу, а частью силъ атакуетъ Сѣверо-Западный край массива и какъ бы обтекаетъ его съ запада, 3-я же дивизія (9 б.) атакуетъ наши позиціи съ Востока и Юго-Востока.

Общій резервъ располагается сѣвернѣе Фындеотунзы.

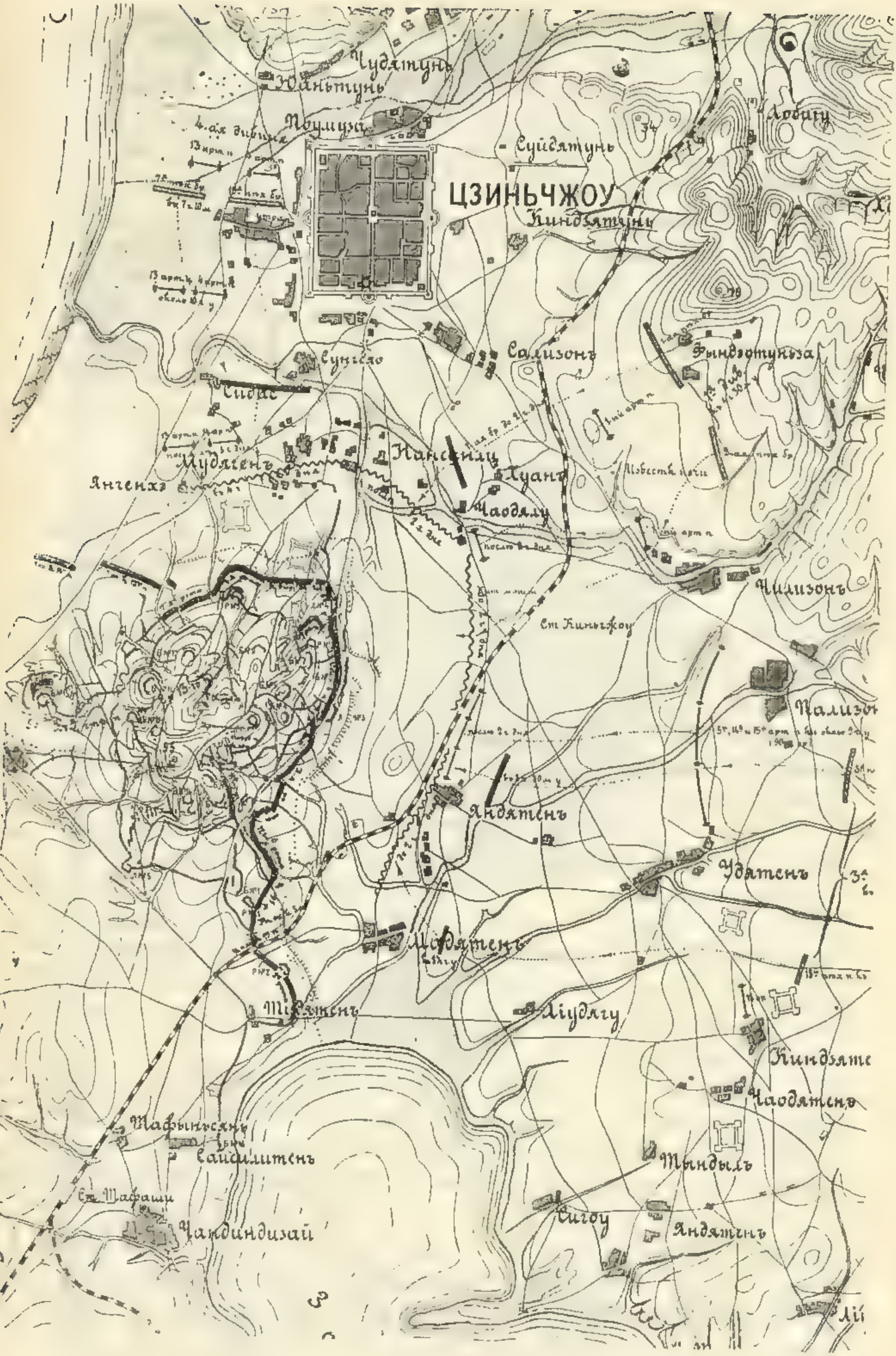
Вся эта диспозиція простая и ясная тѣмъ не менѣе грѣшила крупнымъ недостаткомъ:—не принимала въ расчетъ дѣйствій противника и походила скорѣе на маневръ противъ обозначеннаго противника, чѣмъ на строго обдуманную операцію. Къ глубокому сожалѣнію, событія такъ сложились, что японцы наказаны за это не были.

Пассивный, лишенный самаго элементарнаго воинскаго чутья, генералъ Фокъ не уразумѣлъ крупной ошибки Оку и въ дѣйствительности оказался не болѣе какъ неподвижнымъ, бездушнымъ обозначеннымъ противникомъ.

Въ 5 ч. 30 м. утра 12 мая 1904 г. японская артиллерія открыла по г. Киньчжоу и позиціи изъ 30—40 орудій огонь, носившій, какъ и на Ялу 17 Апрѣля, чисто рекогносцировочный характеръ. Огонь этотъ длился съ нѣкоторыми перерывами до 11 ч. утра. Характерно, что и здѣсь, какъ и подъ Тюренченомъ, нашъ противникъ съумѣлъ, обнаруживши лишь одну часть своей артиллеріи, вызвать отвѣтный огонь всѣхъ нашихъ 60 орудій на позиціи.

Мы повторили удивительно точно нашу ошибку подъ Тюренченомъ: поспѣшнымъ и неосторожнымъ отвѣтнымъ огнемъ всей артиллерійской массы, мы сразу раскрыли свое расположеніе и дали возможность противнику опредѣлить не только мѣстоположеніе батарей, но, по осколкамъ снарядовъ, и калибры стоявшихъ на нихъ орудій.

Уяснивъ себѣ наше расположеніе, Оку послѣ полудня 12 мая отдастъ приказъ о дальнѣйшемъ движеніи впередъ своей арміи, съ цѣлью занять соотвѣтственные пункты для назначен-


Чудятунь
ЦЗИНЬЧЖОУ
Суйдятунь
Киндзятунь
Сализонъ
Чаодялу
Чилизонъ
Ст Киньчжоу
Андятенъ
Удятенъ
Модятенъ
Лiудягу
Киндзяте
Чаодятенъ
Тындыль
Сигоу
Андятенъ
Сайдилитенъ
Чандиндизай

ной имъ на 13 мая общей атаки нашей укрѣпленной позиціи. Красной нитью черезъ этотъ приказъ проходили кромѣ требованія: 4 дивизіи къ 12 ч. ночи занять г. Киньчжоу еще и 1) Прочно утвердиться въ назначенномъ каждой дивизіи исходномъ раіонѣ и 2) обратить особое вниманіе на тщательную артиллерійскую подготовку, по возможности, съ закрытыхъ позицій.

Согласно дальнѣйшимъ приказамъ начальниковъ дивизій, очень методично развившихъ идею, легшую въ основу задачи каждаго, боевой порядокъ дивизіи вылился въ двѣ три параллельно наступающія колонны съ незначительными частными резервами. Вся же схема наступленія арміи въ видѣ 6—7 отдѣльныхъ колоннъ, отъ 3 до 6 бат. каждая, концетрически двигающихся и предназначенныхъ образовать сразу же боевую часть съ общимъ резервомъ всего лишь изъ 3 бат. за серединою всего боевого порядка.

Однако, при движеніи впередъ 4-ой японской дивизіи произошла заминка. Встрѣтивъ со стороны нашего, хотя и численно слабаго, но доблестнаго и храбраго гарнизона въ г. Киньчжоу, серьезный отпоръ при завладѣніи городомъ, дивизія эта могла выполнить данное ей порученіе лишь только къ 4 час. утра, когда гарнизонъ города, отразивъ съ большими потерями для японцевъ нѣсколько атакъ, самъ очистилъ городъ и въ полномъ порядкѣ отошелъ на нашу укрѣпленную позицію.

Такимъ образомъ, только къ 5 ч. утра 13 мая армія Оку развернулась по объемлющей нашу позицію дугѣ отъ Юантуня до Манзятуня.

Свирѣпствовавшая всю ночь съ 12 на 13 мая гроза прекратилась и въ 5 ч. 30 мин. утра 13 мая раздался первый японскій орудійный выстрѣлъ, за нимъ послѣдовалъ огонь со всѣхъ японскихъ батарей. Общій пріемъ веденія японскаго артиллерійскаго огня состоялъ, какъ и подъ Тюренченомъ, въ сосредоточеніи его нѣсколькими батареями по одной нашей, соединяя стрѣльбу шрапнелью и фугасными снарядами.

Въ 6 ч. утра вступилъ въ дѣло отрядъ японскихъ канонерокъ со стороны Киньчжоускаго залива, яростно растрѣливавшій наши батареи №№ 10, 12 и 15. Въ 7 часовъ утра огонь нашъ началъ слабѣть, къ 9 ч. мѣстами замолкъ главнымъ образомъ изъ за недостатка снарядовъ, а къ 11 ч. совершенно затихъ. Особенно сильно пострадали батареи нашего лѣваго фланга, гдѣ крупные снаряды японскихъ канонерокъ произвели значительныя опустошенія.

Большую услугу оказала намъ наша канонерка „Бобръ“, вошедшая, по собственной иниціативѣ, около 11 часовъ утра въ Таліенванскій заливъ и своимъ огнемъ фланкировавшая 3-ю японскую дивизію.

Подъ прикрытіемъ описаннаго артиллерійскаго огня японская пѣхота закончила свое разверстываніе и перешла въ наступленіе, недавшее никакихъ ощутительныхъ результатовъ.

Дѣйствовавшая противъ нашего лѣваго фланга 1-ая дивизія при своемъ движеніи къ этому участку нашей позиціи терпитъ огромныя потери и, не смотря на полученіе въ подкрѣпленіе изъ армейскаго резерва 3-хъ бат., не можетъ продвинуться далѣе деревень Сидае—Нансанли.

Въ центрѣ бой разыгрывается также неблагопріятно и для 1-ой японской дивизіи. Невзирая на всѣ усилія продвинуться впередъ, части этой дивизіи всюду сметаются нашимъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ и залегаютъ въ 500—700 шагахъ отъ окоповъ 5 В.-С. стр. полка, гдѣ и остаются до 2 часовъ дня, не будучи всостояніи что либо предпринять далѣе.

На нашемъ правомъ флангѣ 3-я японская дивизія, неся огромныя потери отъ нашего артиллерійскаго огня и, особенно, отъ ружейнаго — 3 и 4 роты 5 В.-С. стр. полка, оборонявшихъ восточные склоны Наньшаньскаго массива и, напрягая всѣ свои силы, не всостояніи продвинуться впередъ и залегаетъ въ 1200 шагахъ отъ нашихъ окоповъ. Появленіе „Бобра“ дѣлаетъ положеніе этой дивизіи совершенно критическимъ. При малѣйшей попыткѣ пѣхоты встать и подвинуться впередъ, она встрѣчается нашимъ губительнымъ огнемъ и принуждается опять залечь.

Въ 12 ч. дня начальникъ этой дивизіи получилъ донесеніе, что съ „Бобра“ высаживается десантъ въ тылъ дивизіи и, совершенно растерявшись, бросаетъ туда весь остатокъ своего резерва—роту саперъ и около эскадрона кавалеріи. Къ сожалѣнію, тревога эта оказалась ложною. Начальникъ обороны Киньчжоускаго перешейка генералъ Фокъ, далекъ былъ отъ мысли о какихъ либо, даже самыхъ невинныхъ, активныхъ дѣйствій. Имѣя въ своемъ распоряженіи 10.000-ый резервъ, онъ находилъ для себя болѣе удобнымъ и безопаснымъ, подъ прикрытіемъ этихъ силъ, на разстояніи 3—6 верстъ отъ поля сраженія предаваться **„мирнымъ размышленіямъ“.**

И такъ, успѣхъ японцевъ въ смыслѣ выигрыша пространства, за время до 2 ч. дня былъ самый ничтожный. Съ нашей же стороны, хотя мы и лишились содѣйствія всей стоявшей на позиціи артиллеріи и командиръ 5-го полка полковн. Н. А.

Третьяковъ принужденъ былъ ввести въ дѣло свой ничтожный частный резервъ для усиленія огня, но полки 4-ой В.-С. стр. дивизіи оставались еще не тронутыми и только отъ ген. Фока зависѣло поддержать изъ резерва доблестныхъ защитниковъ позиціи.

Израсходовавъ весь свой армейскій резервъ, генералъ Оку съ 10-ти час. утра подъѣхалъ къ самому полю сраженія. Принимая во вниманіе, что японскій полевой уставъ категорически запрещаетъ даже начальникамъ дивизіи и уже, конечно, лицамъ стоящимъ выше, слишкомъ близко придвигаться къ передовымъ линіямъ, требуя отъ этихъ чиновъ исключительно **„руководства"**, а не простого **„командыванія"** частью, такое появленіе Оку, вблизи сражающихся войскъ, въ сферѣ поражаемости, весьма многозначительно и объясняется неблагопріятно складывавшимся для японцевъ ходомъ боя.

Въ самомъ дѣлѣ: несмотря на вынужденное бездѣйствіе нашей артиллеріи, противникъ отъ 9 ч. утра до 2 ч. дня, при напряженіи всѣхъ усилій, не выигралъ у насъ ни единой пяди пространства, а къ 1 часу дня у него самого изсякли снаряды и бой по всей линіи замеръ въ одномъ положеніи.

Обозрѣвъ поле сраженія и не видя съ нашей стороны даже никакого намека или попытки къ активнымъ дѣйствіямъ, не взирая на очень критическое положеніе его войскъ, Оку въ 2 ч. дня беретъ въ свои руки управленіе боемъ, конечно, только нравственное, т. к. резерва у него уже не было, и отдаетъ лаконическое приказаніе своимъ войскамъ: **„во что-бы то ни стало продолжать атаку"**.

Во исполненіе этого приказанія, 1 японская дивизія съ огромнымъ трудомъ и громадными потерями продвигается къ 4 ч. дня до линіи деревень: Нансанли-Ліудяченъ-Янхече и снова вынуждается остановиться въ 100 шагахъ отъ нашихъ траншей. Въ 5 часовъ начальникъ этой дивизіи получаетъ опять приказъ: **„перейти въ наступленіе"**. Онъ вливаетъ въ свою дивизію послѣдній свой резервъ, 2 роты и приказываетъ ей атаковать, но и это усиліе оказывается напраснымъ: наши доблестные стрѣлки 5 полка тотчасъ останавливаютъ ее.

Въ центрѣ: 1 японская дивизія, употребляла невѣроятныя усилія и, истративъ всѣ резервы, пытается атаковать, но съ огромными потерями вынуждается тѣми же стрѣлками остановиться. Двѣ колонны этой дивизіи, направляющіяся изъ д. Хунъ къ люпету № 4, погибаютъ до послѣдняго человѣка въ проволочныхъ заграждеіяхъ отъ огня стрѣлковъ.

На участкѣ 3 дивизіи положеніе было тоже не лучше. При малѣйшей попыткѣ частей этой дивизіи подняться для атаки, ихъ лихо разстрѣливали наши стрѣлки 5 полка и боевой японскій порядокъ не могъ сдвинуться съ мѣста. По полученіи въ въ 5 ч. второго приказанія Оку, дивизія дѣлаетъ новое усиліе, но опять безуспѣшно.

Такое тяжелое, почти безвыходное положеніе, для японцевъ тянулось до 7 часовъ вечера, когда вслѣдствіе непонятнаго, почти преступнаго, бездѣйствія ген. Фока—полнаго неиспользованія резервовъ—судьба имъ улыбнулась и вырвала у насъ, заслуженную блестящею стойкостью стрѣлковъ 5 полка, крупную побѣду.

Что же въ это время дѣлалось у насъ?

Генералъ Надѣинъ, усматривая, въ настойчивыхъ попыткакъ японцевъ противъ нашего лѣваго фланга, серьезную опасность, просилъ ген. Фока подкрѣпить защитниковъ его двумя баталіонами изъ общаго резерва, которые заняли бы нѣкоторые пустовавшіе окопы, но Фокъ рѣзко отказалъ ему, мотивируя свой отказъ, желаніемъ сохранить резервъ нетронутымъ для конечнаго удара въ штыки.

И такъ, двумъ ротамъ 5 полка и взводу музыкантовъ Генералъ Фокъ предоставлялъ продолжать, подъ фронтальнымъ огнемъ полевой артиллеріи и фланговымъ канонерокъ, оборону участка около 2 верстъ длиной противъ цѣлой 4-ой японской дивизіи. На нѣсколько разъ повторенныя и усиленныя просьбы о подкрѣпленіяхъ, полковникъ Третьяковъ получилъ къ концу сраженія подкрѣпленіе въ полторы роты 14 полка.

Около 5 часовъ, когда японцы были въ самомъ критическомъ положеніи, Фокъ запросилъ Стесселя, что ему дѣлать? На этотъ запросъ послѣдовалъ лаконическій отвѣтъ: **„Разрѣшаю отступить, если нельзя держаться“.**

Разсылка Фокомъ приказанія въ этомъ духѣ въ то самое время, когда мы всюду держались крѣпко, а японцы тщетно истощались въ своихъ усиліяхъ атаковать, губительно подѣйствовала въ моральномъ отношеніи на защитниковъ: всѣ они проникались глубокимъ убѣжденіемъ, что **„Начальство“** пришло къ рѣшенію сдать позицію и отступить. Такое убѣжденіе подкрѣплялося и всѣми дѣйствіями начальника обороны Фока, который не только не предпринималъ ничего активнаго, но даже рѣшительно и рѣзко отказывалъ въ подкрѣпленіяхъ, вызываемыхъ, очевидною для всякаго, крайнею необходимостью.

Въ результатѣ началось частное отступленіе съ лѣваго фланга и центра. Этимъ воспользовались японцы и въ семь съ половиной часовъ вечера 13 мая 1904 г., ворвавшись на оставленныя нами позиціи, густо заняли вершину горы.

Очищеніе нашимъ лѣвымъ крыломъ позиціи послужило какъ бы сигналомъ, за которымъ началось общее отступленіе подъ сильнымъ напоромъ противника. Невзирая на это, отступленіе происходило въ относительномъ порядкѣ и прикрывалось небольшимъ (200 чел). отрядомъ 5 полка, подъ командой подп. Бѣлозера и кап. Шастова, вскорѣ цѣликомъ уничтоженнаго. Отрядъ этотъ въ полномъ смыслѣ слова **„жизнь свою положилъ за други своя“**. При отступленіи наши войска понесли значительно бо́льшія потери, чѣмъ за цѣлый день упорнѣйшаго боя. Стоявшая за позиціей 4-ая В.-С. дивизія, имѣвшая полную возможность принять участіе въ бою, по милости Фока, бездѣйствовала, пока вся армія Оку не раздавила одинокій 5-й полкъ. Отступившіе остатки доблестнаго 5 полка и 4 В.-С. стрѣл. дивизія съ генераломъ Фокомъ отошли въ глубь Квантуна.

Въ стратегическомъ отношеніи потеря Киньчжоу являлась для насъ очень крупной неудачей: нашъ Квантунскій отрядъ втаскивался въ полуостровъ и окончательно въ немъ запирался до одержанія на сѣверѣ рѣшительныхъ успѣховъ. Противникъ-же нашъ пріобрѣталъ удобный плацдармъ до р. Тасахэ для парированія какихъ либо попытокъ главныхъ силъ Куропаткина по выручкѣ отряда Стесселя, разобщалъ наши силы и получалъ удобную базу въ г. Дальнемъ.

Переходя къ тактическому разбору дня 13 мая, я долженъ указать на нѣсколько недочетовъ съ нашей стороны.

Прежде всего, невольно бросается въ глаза отсутствіе высшаго управленія боемъ и та свобода, которая была нами дана японскимъ канонеркамъ въ смыслѣ комбинированія ихъ дѣйствій съ сухопутными войсками. Вездѣйствіе Артурской эскадры, въ особенности, послѣ потопленія 2 мая трехъ сильныхъ японскихъ судовъ, прямо преступна. Вѣдь имѣлъ же возможность „Бобръ“ по своей иниціативѣ оказать намъ въ этотъ день огромную услугу.

Затѣмъ отсутствіе на нашемъ лѣвомъ флангѣ тяжелыхъ орудій, поставленныхъ вмѣсто того въ центрѣ, не понятно... Изъ хода самого боя видно, какую крупную роль они могли сыграть, если бы были поставлены на батареяхъ № 10, 11 или 12 и отгоняли бы японскія канонерки.

Но, конечно, не въ этихъ недочетахъ кроется причина нашего пораженія, она заключается въ недоведеніи боя до конца, въ ни чѣмъ необъяснимомъ неиспользованіи крупнаго резерва, послѣ успѣшно отбитыхъ японскихъ атакъ.

Можно легко себѣ представить каковы были бы результаты боя, если-бы къ четыремъ часамъ дня нашъ лѣвый флангъ и вообще весь боевой порядокъ былъ поддержанъ частями изъ резерва. Если отъ огня только одного 5 полка японцы потеряли 10% своего состава, то введеніе резервовъ и дальнѣйшее отбитіе ихъ атакъ, при самой незначительной активности обороны, повело-бы къ утратѣ арміей Оку надолго оперативной способности, а быть можетъ, и къ разбитію на голову.

Нежеланіе Фока вводить въ дѣло свой резервъ или хотя бы часть его, когда уже ясно опредѣлилось направленіе рѣшительной атаки японцевъ, указываетъ, насколько далекъ былъ руководитель боя, отъ пониманія свойствъ послѣдняго и основныхъ выводовъ военной исторіи.

Въ заключеніе надо сказать, что довольно распространенное мнѣніе, будто насъ въ этомъ бою погубило движеніе японской пѣхоты по морскому дну въ охватъ лѣваго фланга, какъ видно изъ подробнаго описанія боя, преувеличено и не выдерживаетъ серьезной критики.

Въ Киньчжоускомъ бою у насъ выбыло 33% нижнихъ чиновъ и 56% офицеровъ. Японцы потеряли 5500 нижнихъ чиновъ и 151 офиц.

Послѣ занятія японцами Киньчжоу и Дальняго и отхода Квантунскаго отряда къ Портъ-Артуру, высадилась III армія Ноги и приступила къ осадѣ Портъ-Артура.

Четвертая армія Нодзу начала высадку у Дагушаня 15-го мая и послѣ 20 мая начала медленно подвигаться къ Сюяню.

Намѣстникъ, адмиралъ Алексѣевъ, съ 20-хъ чиселъ апрѣля настаивалъ на переходѣ Куропаткина къ активнымъ дѣйствіямъ для помощи отрѣзанному Портъ-Артуру. Онъ еще тогда указывалъ ему, что если раньше это сдѣлать было рискованно, то теперь, когда наша армія значительно усилилась въ числѣ, возможно двинуть часть силъ отъ двухъ до четырехъ дивизій къ Артуру. Если же онъ на это не согласенъ, то предлагалъ двинуться противъ Куроки.

Противъ перваго предложенія Куропаткинъ возражалъ, что движеніе на югъ ему представляется опаснымъ, такъ какъ Ку-

роки у него висѣлъ надъ операціонной линіей. Второе предложеніе онъ находилъ не сулившимъ никакихъ выгодъ, такъ какъ, говорилъ онъ, **„Въ случаѣ нашего успѣха или даже до него, подъ однимъ только нашимъ давленіемъ, Куроки можетъ отступить за Ялу и потянетъ за собою всю нашу армію, что можетъ угрожать ей осложненіями при устройствѣ подвоза вслѣдствіе неорганизованности тыла“.**

Но каждый можетъ понять, что уходъ Куроки изъ Фынханчэна въ Корею, оттуда, откуда армія его давила на нашу операціонную линію къ Квантуну и вообще оказывала на насъ сковывающее вліяніе, нужно было привѣтствовать, и онъ одинъ являлся уже крупнымъ результатомъ, такъ какъ давалъ намъ свободу дѣйствій въ другихъ направленіяхъ. Куроки былъ ближе къ Ляояну, стало быть опаснѣе, и, при намѣченныхъ намѣстникомъ дѣйствіяхъ по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, естественно было направить первый ударъ противъ него.

Также каждому является понятнымъ, что если было нужно двигаться когда-либо на помощь Портъ-Артуру, то это именно въ первыхъ числахъ мая, когда мы еще стояли на Киньчжоуской позиціи, а не послѣ паденія ея. Въ этихъ пререканіяхъ Куропаткина съ Главнокомандующимъ прошелъ почти мѣсяцъ.

Въ теченіе этого времени мы потеряли Киньчжоу и задача выручки Портъ-Артура становилась уже дѣйствительно трудною. Самъ Куропаткинъ признавалъ теперь, что, въ случаѣ осуществленія выручки, ему прійдется брать эту позицію у японцевъ осадными работами.

Наконецъ, изъ Петербурга была получена телеграмма съ возложеніемъ отвѣтственности за судьбу Артура всецѣло на Куропаткина.

Какъ извѣстно, весьма запоздалая **„выручка“** была возложена на корпусъ Штакельберга и кончилась нашей неудачей подъ Вафангоу. Надо, однако, сказать, что неудача этой операціи, хотя и совершенной съ запозданіемъ на цѣлый мѣсяцъ, когда уже обстановка на театрѣ войны была не такъ благопріятна, какъ въ первыхъ числахъ мая, все-же таки произошла отъ иныхъ причинъ, а не тѣхъ, которыхъ такъ опасался Куропаткинъ.

Въ бою подъ Вафангоу съ удивительною точностью были повторены Куропаткинымъ всѣ промахи по обезпеченію успѣха и руководству операціей, допущенные имъ подъ Тюренченомъ.

И результатъ оказался тотъ-же, несмотря на геройство войскъ.

Но ореолъ Скобелевской славы, осѣнявшій Куропаткина, былъ такъ великъ, что, и на этотъ разъ, общественное мнѣніе

обвинило въ пораженіи не его. Все негодованіе, вся боль обиды за напрасныя жертвы и безплодное геройство арміи, обрушились на Штакельберга.

Безъ злобы, безъ раздраженія о немъ не могли говорить. Второй генералъ уже терялъ довѣріе своихъ войскъ, но командующаго арміей это, повидимому, не смущало: и Засуличъ, и Штакельбергъ оставались командовать корпусами. Страдали же, по прежнему, только **„стрѣлочники“**.

ГЛАВА X.

Борьба за перевалы Фейшуйлинскаго хребта. Дашичао, Хайченъ. Отношеніе Куропаткина къ войскамъ.

5-го іюня 1904 года въ 7 часовъ вечера вмѣстѣ съ Сахаровымъ, Харкевичемъ и старшими адъютантами Куропаткинъ прибылъ въ своемъ пульмановскомъ вагонѣ, освѣщенномъ электричествомъ, въ Дашичао.

Съ этого момента Куропаткинъ и началъ размѣниваться, не найдя середины, на которой онъ былъ бы близокъ къ войскамъ, какъ командующій арміей, и далекъ отъ вмѣшательства въ распоряженія частныхъ войсковыхъ начальниковъ. Для него, какъ человѣка ординарныхъ способностей, эта близость оказалась пагубной. Частныя распоряженія по войскамъ южнаго отряда стали заслонять директивы и общія идеи, которыя и такъ были мало ему свойственны. Въ I-мъ корпусѣ Штакельберга уже все дѣлалось именемъ Куропаткина. Командующій арміей сталъ командовать корпусомъ. Позже онъ командовалъ дивизіями, еще позже—полками и даже ротами. Съ высоты этихъ должностей ему все труднѣе становилось охватывать общее положеніе дѣлъ, оцѣнивать обстановку, проникать въ замыслы противника. Онъ сталъ болѣе впечатлителѣнъ къ слухамъ, вслѣдствіе чего и начинается рядъ ударовъ по воздуху.

14-го Іюня Левестамъ очистилъ Далинскій перевалъ, полагая, что въ этомъ мѣстѣ на него вышли главныя силы Куроки.

„Вездѣ имъ мерещутся главныя силы!“ съ негодованіемъ воскликнулъ Мищенко. И онъ былъ правъ въ этомъ негодованіи. Однако иначе отнесся къ донесенію Левестама Куропаткинъ. Онъ собралъ 40 батальоновъ и самъ повелъ ихъ отбивать перевалъ у Куроки. Каково-же было его изумленіе, когда Далинскій перевалъ оказался занятымъ только одной японской заставой и онъ безъ боя былъ снова занятъ нами.

Левестамъ остался на перевалѣ со своею дивизіей, а Куропаткинъ вернулся въ Дашичао командовать корпусомъ.

Бой подъ Дашичао назрѣвалъ, а Куропаткинъ колебался, колебался не только въ томъ отстаивать-ли упорно Дашичао, или нѣтъ, но и вообще принимать-ли ему подъ Дашичао бой, или очистить позиціи безъ боя.

Для рѣшенія этого вопроса 25-го іюня былъ созванъ совѣтъ.

Харкевичу было предложено высказаться первымъ и онъ высказался за бой. Онъ говорилъ, что и превосходныя позиціи и личное присутствіе Куропаткина обезпечиваютъ намъ успѣхъ.

Куропаткинъ **благодарно** и сочувственно кивалъ головой, во время рѣчи Харкевича.

Сахаровъ говорилъ, что боится ставить въ этомъ бою на карту вѣру арміи и русскаго народа въ Куропаткина.

„До сихъ поръ мы могли себя утѣшать“, говорилъ онъ, **„что терпѣли пораженія Засулучъ и Штакельбергъ и успокаивали себя тѣмъ, что когда возьмется за дѣло самъ Куропаткинъ,—побѣда будетъ наша. Если мы будемъ разбиты подъ Дашичао у насъ изсякнетъ послѣдняя надежда“.** Поэтому онъ совѣтовалъ безъ боя отступить къ Хайчену или даже еще лучше къ Айсандзяну.

Послѣ рѣчи Сахарова, Куропаткинъ долго сидѣлъ въ молчаливомъ раздумій и, наконецъ, сказалъ: **„Сдадимъ лучше Дашичао безъ боя. Сдѣлайте распоряженіе объ отступленіи къ Хайчену“.**

Однако за ночь Куропаткинъ передумалъ и рѣшилъ что будетъ сражаться, а еще черезъ день 28 іюня приказалъ отступить безъ боя.

Не взирая на это бой, помимо воли Куропаткина, у Дашичао все-таки состоялся. Японцы три раза ходили въ атаку, въ штыки, намѣреваясь прорвать нашъ центръ, но Барнаульцы и Омцы ихъ отбросили. Въ общемъ дѣло шло для насъ очень удачно. Тѣмъ не менѣе, согласно полученнымъ приказаніямъ, генералъ Зарубаевъ вынужденъ былъ очистить Дашичао и на этотъ разъ уже послѣ несомнѣннаго боевого успѣха.

Такія отступленія страшно деморализировали войска. Солдаты инстинктивно сознавали одно: **какъ ни дерись, а все равно прикажутъ отступать.** Къ чему же тогда всѣ эти жертвы?

Извѣстно, что послѣ того, какъ русское общество и армія извѣрились въ таланты Куропаткина, какъ военнаго администратора, тактика и стратега,—его защитники особенно настойчиво подчеркивали его любовь къ солдату, его заботливость о немъ. Трудно,

тяжело и непріятно говорить и спорить съ ними по этому вопросу. Упускаютъ изъ вида, что забота полководца о солдатѣ есть не только его священный долгъ, но и прямая его выгода.

„Сила арміи въ ногахъ", говорилъ Морицъ Саксонскій, разумѣя, между прочимъ, важность хорошей и легкой обуви для солдатъ.

„Сила арміи въ котлѣ"—поучалъ Миниха.

Ясно, что отождествлять любовь къ солдату съ заботой о немъ не всегда возможно. Послѣдняя можетъ быть дѣломъ простого, холоднаго расчета. Я предполагаю, что такъ оно и было у Куропаткина; и этотъ расчетъ онъ только драпировалъ словами жалости, участія и любви къ солдату.

Факты свидѣтельствовали не только объ отсутствіи истинной, безкорыстной любви Куропаткина къ солдату, къ той сѣрой арміи вообще, которая несла на себѣ всѣ тяготы войны, но и объ отсутствіи выдержки въ желаніи казаться любящимъ и заботливымъ. Ни въ чемъ у него не было системы и все было отрывочно и случайно. Возьмемъ, ну хотя бы, вопросъ о наградахъ для нижнихъ чиновъ. Раціональная его постановка—одинъ изъ крупныхъ факторовъ моральнаго воздѣйствія на войска. Нашъ солдатикъ очень цѣнитъ этотъ маленькій серебряный **„егорьевскій"** крестикъ и охотно жертвуетъ за него жизнью. То обстоятельство, что этотъ крестикъ—единственная солдатская боевая награда за нею уже слѣдуетъ крестъ деревянный, т. е. награда въ небесахъ,—обязываетъ: съ одной стороны не скупиться особенно на него, а съ другой отличать имъ дѣйствительно достойныхъ. Отъ многихъ защитниковъ Портъ-Артура приходилось слышать, что скупость Стесселя на солдатскіе кресты имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что на вылазки находилось все меньше и меньше охотниковъ. Но не приходилось слышать, что въ Портъ-Артурѣ награждали этими крестами не за подвигъ, а за званіе. Между тѣмъ на Манчжурскомъ театрѣ войны Куропаткинымъ это было введено въ правило. Такъ, обходя санитарные поѣзда съ ранеными, Куропаткинъ награждалъ „георгіемъ" всѣхъ безъ исключенія раненыхъ унтеръ офицеровъ и фельдфебелей.

Обыкновенно въ поѣздъ является адъютантъ Командующаго Полковникъ Бобринскій и опрашивалъ: кто унтеръ—офицеръ. Койки ихъ отмѣчались, а затѣмъ Куропаткинъ, обходя вагоны разговаривалъ съ ними и вручалъ имъ кресты. Бывали такія случаи, что крестъ получалъ унтеръ-офицеръ съ оторваннымъ пальцемъ, а рядовой, пробитый нѣсколькими пулями, лежащій съ забинто-

ванной головой такъ, что видѣлся только кончикъ носа или лишившійся всей ноги или руки, оставался безъ награды.

И тотъ, кто шелъ по вагонамъ за блестящей свитой Куропаткина, выслушивалъ солдатскія рѣчи, осуждавшія этотъ порядокъ наградъ.

„Ваше высокоблагородіе, неужели мнѣ креста не дадутъ? Я вѣдь весь бой выдержалъ..... раненъ изъ послѣднихъ..... Сами видите, что отъ руки осталось, а мнѣ креста нѣтъ, ... А вотъ мой взводный первымъ раненъ, да и сейчасъ на пунктъ унесли и крестъ получилъ. Оно, конечно, пускай получаетъ, только зачѣмъ насъ обходить".

Согласитесь, что такіе обходы санитарныхъ поѣздовъ не только не подымали духъ войскъ, но скорѣе угашали его. Вѣдь очень многіе изъ этихъ раненыхъ возвращались въ строй и, оставаясь рядовыми, знали, что и при новой ранѣ имъ разсчитывать на крестъ нельзя. –Представленія-же ближайшаго начальства нижнихъ чиновъ къ „георгію" ходили по штабамъ томительно долго, долго вылеживались въ управленіи дежурнаго генерала, подвергались совершенно механическимъ сокращеніямъ и, наконецъ, получивъ утвержденіе, нерѣдко не заставали уже въ живыхъ „кавалера".

О Куропаткинской системѣ раздачи наградъ можно было-бы разсказывать очень долго. Всѣмъ извѣстенъ приказъ по арміи, отданный въ Декабрѣ 1904 года: **„Мною замѣчено, что командиры частей представляютъ за боевыя заслуги орденомъ Св. Владиміра съ мечами и золотымъ оружіемъ, такихъ лицъ, которыя не оказали особыхъ подвиговъ личнаго мужества"**..... Надо сказать, что этотъ упрекъ былъ обращенъ не по адресу и слишкомъ запоздалъ. Весь штабъ Куропаткина уже былъ украшенъ и золотымъ оружіемъ и Владиміромъ съ мечами, а за какіе подвиги личнаго мужества? Титулярный Совѣтникъ Задорозченко, личный секретарь Куропаткина, награжденъ былъ Станиславомъ съ мечами. Тѣмъ же орденомъ награжденъ чиновникъ Шевцовъ, занимавшійся перепискою на машинкѣ въ Пульмановскомъ вагонѣ Командующаго и, говорятъ, за все время войны не видѣвшій даже плѣннаго японца.

Что-же, скажите, развѣ такое сравненіе въ наградахъ дѣйствительныхъ боевыхъ трудовъ, тягостей, опасностей и лишеній строевыхъ офицеровъ съ заслугами штабныхъ чиновниковъ, жившихъ въ комфортабельной обстановкѣ, не обезцѣнивало боевыхъ трудовъ, боевыхъ наградъ арміи и развѣ свидѣтельствовало о любви къ ней?

Бывалъ-ли Куропаткинъ на этапахъ? Видалъ-ли онъ въ какихъ условіяхъ жило тамъ это рядовое офицерство? Зналъ-ли онъ, что оно пило и ѣло и какія цѣны драли за все съ него?

Самый лучшій въ Мукденѣ госпиталь Георгіевской Общины представлялъ собою: рабочую казарму, острогъ, но не госпиталь. Тамъ было холодно въ тепломъ пальто, грязно и сыро. Земляной полъ; стѣны 31-октября только что начинали штукатурить; деревянныя нары, соломенные грязные мѣшки вмѣсто матрасовъ и подушекъ; легкія китайскія одѣяла, подъ которыми дрожали больные и раненые, особенно тѣ, которые лежали подлѣ дверей, выходившихъ прямо на улицу, такъ какъ тамбуровъ сдѣлано не было.

И это рядомъ съ роскошнымъ поѣздомъ Главнокомандующаго, освѣщеннымъ электричествомъ!

Нѣтъ, пусть не спѣшатъ говорить о его любви и заботливости ооъ Арміи.

14 Іюля въ 12 ч. дня прибылъ Куропаткинъ въ Хайченъ, къ которому уже стянулись отъ Дашичао войска Южнаго отряда. Одному близкому къ Куропаткину военному корреспонденту Командующій Арміей вписалъ въ его телеграму слова: **„Первый періодъ войны конченъ. Сосредоточеніе закончено. Мы переходимъ въ наступленіе.“**

Генералъ Гернгросъ говоритъ, что 17-го Іюля въ Хайченѣ Куропаткинъ сказалъ ему, показывая на карту и на р. Хайченъ-хэ: **„Дальше этой рѣки ни шагу“**. Однако, 20-го Іюля станція „Хайченъ“ была очищена. Торопливо грузили раненыхъ въ товарные вагоны; спѣшно вывозили подвижной составъ и дѣлали это такъ спѣшно, что платформы и вагоны уходили пустыми, тогда какъ по бокамъ пути лежали горы мѣшковъ муки и крупы, горы круговъ прессованной чумизы, горы бочекъ съ сахаромъ, масса соломенныхъ матъ и стога сѣна.

Все это было вечеромъ въ тотъ-же день подожжено.

18-го Іюля пріѣзжалъ къ Куропаткину Штакельбергъ, они совѣщались три часа, а 19-го, внезапно, рѣшено было очистить Хайченъ безъ боя и отойти на Айсядзянскую позицію.

„Знаете-ли почему мы отступили отъ Хайчена“? задавалъ одинъ офицеръ вопросъ, собравшейся вокругъ него кучкѣ другихъ. — „Правда не понимаете? А вотъ я вамъ открою этотъ секретъ.“ — „Отъ Дашичао мы отступили потому, что боялись обхода слѣва, отъ Хайчена — потому, что боялись обхода слѣва; несомнѣнно отъ Айсядзяна мы отступимъ потому, что насъ тамъ уже

ожидаетъ обходъ слѣва. Видите, господа, какъ просто разрѣшаются сложныя стратегическія задачи".

Дружный хохотъ былъ отвѣтомъ остроумному разсказчику.

„Бьюсь объ закладъ", продолжалъ онъ, „что намъ прикажутъ отступить и отъ Ляояна потому, что будутъ бояться обхода слѣва".

Однако, всѣ были убѣждены, что Ляоянъ, эта столица Манчжурской Арміи, этотъ обнесенный оградою фортовъ пунктъ, подъ которымъ съ самаго начала войны всѣ ждали рѣшительнаго, генеральнаго сраженія и вѣрили, что, отдать его японцамъ нельзя,—не будетъ имъ отданъ. И если что и поддерживало еще духъ войскъ, угнаемый цѣлымъ рядомъ отступленій, такъ именно сближеніе съ Ляояномъ, ожиданіе боя подъ нимъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ самого Куропаткина и вѣра въ побѣду, послѣ которой пойдемъ впередъ—**„бить японцевъ"**.

Отправляя въ первыхъ числахъ Августа фельдъегеря Р. въ Петербургъ, Куропаткинъ поручилъ ему передать, что если тамъ недовольны высшими начальниками въ Арміи, то ихъ можно смѣстить: „Въ Россіи найдутся люди..... Мы же покойны и отступать больше не будемъ".....

Куропаткину было, очевидно, менѣе важно то обстоятельство, что это недовольство уже существовало въ арміи. Ему важно было то, что скажутъ тамъ, въ Петербургѣ.

И онъ продолжалъ удерживать на своихъ постахъ и Засулича, и Штакельберга, даже наканунѣ рѣшительнаго Ляоянскаго боя..... Онъ и въ этомъ вопросѣ „умывалъ свои руки", ожидая рѣшенія его „оттуда"—изъ Петербурга.

Удивительно, вообще, какая рѣзкая дисгармонія существовала между душевнымъ настроеніемъ вождя и духомъ его Арміи. Армія рвалась впередъ, рвалась къ побѣдѣ, къ выручкѣ своихъ братьевъ въ Артурѣ; Вождь былъ переполненъ осторожностью, граничащей съ трусостью.

Въ этой дисгармоніи, въ этомъ внутреннемъ духовномъ разладѣ вождя съ арміей и крылась одна изъ крупныхъ причинъ нашихъ неудачъ.

Тяжело и грустно вспоминать, чѣмъ все это завершилось.

ГЛАВА XI.

Прибытіе маршала Ойямы и наступленіе японскихъ армій къ Ляояну. Бой 13 августа и отступленіе на передовую ляоянскую позицію.

Въ половинѣ іюня 1904 года прибылъ изъ Японіи къ своей арміи главнокомандующій маршалъ Ойяма.

Къ этому времени армія его состояла изъ 4-хъ арміи:

I. **Армія Куроки**, состояла изъ: Гвардейской, 2 и 12 дивизіи и Гвардейской резервной бригады, всего 44 баталіона или 44.000 человѣкъ. Она была расположена въ 2-хъ группахъ: у Аіянамыня и Фынханчуэна.

II. **Армія Оку**, состояла изъ 3, 4 и 5-ой дивизіи, всего 36 баталіоновъ или 36.000 человѣкъ. Она была расположена у г. Сенючена.

III. **Армія Ноги**, состояла изъ 1, 9 и 11 дивизіи и 8-ой резервной бригады, всего 44 баталіона, или 44.000 человѣкъ, осаждала Портъ-Артуръ и вся была расположена на Квантунѣ.

IV. **Армія Нодзу**, состояла изъ 6 и 11-ой дивиз. и 10-ой резервной бригады всего 32.000 человѣкъ и была расположена въ г. Сюянѣ.

Такимъ образомъ, собственно, Манжурская Японская армія насчитывала 112.000 человѣкъ.

Въ Японіи, на островѣ, оставались нѣсколько резервныхъ бригадъ и 7 и 8-ая дивизіи, не вошедшія въ составъ дѣйствующей арміи Ойямы.

Въ 20-хъ числахъ іюня 1904 г. началось общее наступленіе къ Ляояну японскихъ арміи по слѣдующимъ тремъ основнымъ направленіямъ:

I. Куроки—отъ Фынханчуэна и Аіянамыня.

IV. Нодзу—отъ Сюяна на Симученъ и Хайченъ.

II. Оку—отъ Сенючена на Гайджоу -Дашичао—Хайченъ.

Это наступленіе происходило уступами съ праваго фланга, чтобы угрозами тылу и лѣвому флангу нашихъ силъ, расположенныхъ на пути наступленія Оку и Нодзу, облегчить послѣднимъ ихъ наступленіе къ сѣверу.

Куроки двигался тремя колоннами:

I. отъ Аіянамыня на Саймадзы—Сихеянъ,

II. отъ Фынханчуэна по большой дорогѣ на Фейшулинскій перевалъ,

III. на Модулинскій и Ланхелинскій перевалы.

Стратегическое положеніе сторонъ
къ 15-му апреля 1904 года
Мукденъ
Ляоянъ
Инкоу
Хайченъ
Гайчжоу
Сюянъ
Дагушанъ
Ахчжу
I-ая армія
Фынхуанченъ
Саходзы
Восточный отрядъ
Южный отрядъ
Бицзыво
Цзиньчжоу
Дальній
Портъ-Артуръ
Заливъ Ляодунскій
Заливъ Корейскій
Море въ рукахъ японцевъ
Пеньянъ
Ченампо
II-ая армія
Гензанъ
Хайчжу
Манджурія
Корея

Всѣми этими перевалами, послѣ незначительнаго нашего сопротивленія, овладѣли японцы.

Нодзу двигался къ Далинскому перевалу и, послѣ столкновенія съ дивизіей Левестама, овладѣлъ имъ.

Оку двигался къ Дашичао и, какъ уже знаемъ, овладѣлъ этимъ пунктомъ, а затѣмъ и Хайченомъ, отъ котораго мы отступили безъ боя.

И такъ, наша Манжурская армія къ концу мая 1094 г. занимала позиціи передъ Ляояномъ, которыя тянулись полукругомъ отъ ст. **Аньшаньжанъ** черезъ **Ляндясанъ** до **Анпинлина.**

Въ этомъ положеніи нашу армію засталъ двухнедѣльный перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, наступившій вслѣдствіе сильной жары и тропическихъ ливней.

За время сказаннаго перерыва на театрѣ войны успѣлъ сосредоточиться V Сибирскій корпусъ, что увеличило силы Манжурской арміи до 180.000 человѣкъ пѣхоты, 18.500 человѣкъ кавалеріи при 600-хъ орудіяхъ.

I. **Южная группа**—ген. Зарубаева, I, II и IV Сибирскіе корпуса и 3 казачьихъ полка, 67 баталіоновъ, 60 сот. и 152 ор. или 70.000 человѣкъ, расположились на **Аньшаньжанской** позиціи.

II. **Восточная группа**—ген. Бильдерлинга, III Сиб. корпусъ и X и XVII армейскіе корпуса, всего 88 баталіоновъ, 11 эскадроновъ, 295 орудій или 85.000 человѣкъ, на позиціи отъ **Кофынзы** до **Сакана.**

III. **Армейскій резервъ**—V Сибирскій корпусъ 30.000 человѣкъ, 18 орудій къ Югу отъ Мукдена.

IV. Наблюденіе за флангами:

За правымъ—Коссагорскій—(9 баталіоновъ 18 ор. 9 сотенъ) у Дована, Сяобехэ и Каолитуна.

За лѣвымъ—Любавина у Уйнюнина и Мадритова—у Ляочена.

V. Отрядъ Грулева—(5 баталіоновъ, 6 сот. и 6 ор.) у Бензиху.

VI. Конный отрядъ Мищенко на отдыхѣ у Ляояна.

Цѣлью предстоящихъ дѣйствій нашей арміи, по мысли Куропаткина, было пораженіе японскихъ армій и затѣмъ освобожденіе осажденнаго Портъ-Артура. Ближайшимъ объектомъ дѣйствій поэтому являлась армія Куроки. Войскамъ Бильдерлинга ставилась задача разбить эту армію и отбросить за Фейшулинскій хребетъ. Корпуса Зарубаева должны были содѣйствовать этой операціи переходомъ въ наступленіе противъ армій Оку и

Нодзу. V Сибирскій корпусъ могъ быть двинутъ туда, гдѣ обстановка потребовала бы его содѣйствія.

Такимъ образомъ, задача эта была не нова. Она сводилась къ той, которая предлагалась Куропаткину штабомъ Главнокомандующаго—Намѣстника еще въ первыхъ числахъ мая. Но какова была разница въ обстановкѣ! Тогда изолированный Куроки находился въ Фынханчуэнѣ. Армія Оку, только что высадившаяся, была отвлечена дѣйствіями противъ укрѣпленной Киньчжоуской позиціи въ разстояніи не менѣе 300 верстъ по прямому, горному совершенно недоступному для передвиженія большими массами, пути. Армія Нодзу только что приступала къ высадкѣ у Дагушаня въ разстояніи не менѣе 80 верстъ отъ Фынханчуэна по чрезвычайно трудному горному пути. Тогда Куроки ожидать своевременной поддержки не было отъ кого. И Куропаткинъ, обладавшій значительнымъ численнымъ превосходствомъ, обрушившись на Куроки, могъ безъ особаго труда разбить его армію и отбросить за Ялу.

Но тогда, какъ мы уже знаемъ, въ оригинальные расчеты Куропаткина это не входило, теперь же, когда было упущено три съ половиной мѣсяца драгоцѣннаго времени, когда всѣ три японскія арміи находились въ непосредственномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ, когда они получили единаго руководителя, когда японскія арміи висѣли надъ Лаояномъ въ разстояніи 20-ти верстъ, когда Киньчжоуская укрѣпленная позиція была взята японцами, когда, наконецъ, у Инкоу была устроена японцами база, онъ находилъ своевременнымъ разрѣшить эту задачу.

Капризъ или противорѣчіе это?.

Но изъ такихъ, впрочемъ, капризовъ и противорѣчій, свидѣтельствующихъ объ отсутствіи таланта, системы и общихъ идей, соткана вся фигура Куропаткина.

Справедливость, однако, требуетъ сказать, что, имѣя въ виду поставленную себѣ задачу, предстоящее наступленіе, Куропаткинъ размѣстилъ войска своей арміи хорошо. Хотя это расположеніе было очень неблагопріятно упорной оборонѣ въ случаѣ наступленія противника.

Въ самомъ дѣлѣ: **Аньшаньжанская** позиція тянулась по гребню горнаго хребта на 14 верстъ и съ фронта казалась очень сильной, но лѣвый ея флангъ легко обходился на р. Чилинзы.

Она была длинна для силъ южнаго отряда. Въ результатѣ получалось тонкое, растянутое расположеніе, легко подверженное прорыву.

Ляндясанская позиція III-го корпуса отъ д. Кофэнзы до высоты 300, длиною 12 верстъ, тоже своимъ протяженіемъ не соотвѣтствовала силамъ III-го корпуса. Получалось легко подверженное прорыву расположеніе. Если къ этому добавить, что впереди ея лежащая мѣстность представляла собой рядъ горныхъ массивовъ, удобныхъ для артиллерійскихъ позицій и весьма хорошихъ закрытыхъ подступовъ, то станетъ ясно, что для обороны этотъ участокъ не былъ выгоденъ.

Анпинлинская позиція X-го корпуса отъ высоты 300 до дер. Саканъ, протяженіемъ въ 20 вер., еще болѣе не соотвѣтствовала силамъ X-го корпуса, назначеннаго для ея обороны. Эта позиція, съ точки зрѣнія обороны, представляла собою однѣ лишь отрицательныя стороны, но какъ исходная для предполагавшагося наступленія,- она была выгодна потому, что корпусъ занималъ перевалы, за которыми на значительномъ протяженіи мѣстность не давала японцамъ ни одной оборонительной позиціи. Отступя нѣсколько назадъ, представлялась возможность занять позицію не столь растянутую и болѣе выгодную въ смыслѣ обороны, но тогда наступленіе X-го корпуса пришлось-бы начать съ трудной атаки переваловъ.

Кромѣ всего этого, между Аньшаньжанской позиціей и Ляньдясанской оставался незанятымъ нашими войсками промежутокъ въ 22 версты отъ д. Кусанзы до д. Кофензы. Не подлежало сомнѣнію, что японцы, въ случаѣ ихъ наступленія, именно въ этотъ промежутокъ направятъ главную массу своихъ войскъ съ цѣлью прорвать нашъ растянутый стратегическій фронтъ и отрѣзать отдѣльныя части нашей арміи отъ Ляояна и коммуникаціонной линіи. Особенной опасности въ этомъ случаѣ подвергалась группа Зарубаева. Обойденная съ лѣваго фланга, она могла быть отброшена на нейтральную Китайскую территорію.

Все это, повидимому, сознавалось даже Куропаткинымъ, такъ какъ онъ, на случай наступленія японцевъ, подготовилъ слѣдующую къ Ляояну позицію протяженіемъ въ 25 верстъ по линіи **Сяпу-Яючи-Кудяцзы-Шошаньпу,** а затѣмъ, въ случаѣ неудачи и на этой позиціи,— основную Ляоянскую позицію, состоявшую изъ линіи фортовъ и редутовъ временной профили, окаймлявшихъ Ляоянъ на лѣвомъ берегу Тайдзы-хэ по дугѣ въ 15 верстъ.

Недостатки нашего расположенія не ускользнули отъ взоровъ Японскаго Главнокомандующаго Ойямы, какъ равно и намѣреніе Куропаткина перейти въ наступленіе и взять инициативу въ свои руки.

Къ этому времени у Ояямы въ трехъ его арміяхъ числилось не болѣе 150.000 человѣкъ при 576 орудіяхъ противъ Куропаткинскихъ 196.000 человѣкъ и 600 орудій.

Не желая, однако, лишаться столь серьезнаго фактора успѣха, Маршалъ Ояяма, не занимаясь кропотливой статистикой и подсчетомъ силъ своихъ и противника, рѣшительно и быстро самъ переходитъ въ наступленіе.

11-го и 12-го августа правая колонна Нодзу и лѣвая—Куроки, стараясь войти между собой въ связь, котѣснили наши передовые отряды и къ 12-му августа заняли линію Елюлюнцзы—Ляндясань—Цаньдягоу.

Куиктатору, въ австрійскомъ вкусѣ, Куропаткину вмѣсто наступленія пришлось обороняться.

Уже въ ночь на 13-ое августа началось наступленіе японцевъ по всему фронту. Съ разсвѣтомъ 13-го августа на позиціяхъ III-го и X-го корпусовъ завязался кровавый бой, противъ же группы Зарубаева лѣвая колонна Оку продолжала медленно надвигаться съ фронта, а правая—начала тѣснить авангарды II-го корпуса, стремясь зайти во флангъ отряду Зарубаева.

Къ 12-ти часамъ дня на правомъ флангѣ III-го корпуса создалось очень критическое положеніе. Японцы массами насѣдали и готовы были уже ворваться въ наши позиціи, но **140 Зарайскій полкъ, находившійся въ резервѣ, по иниціативѣ своего полкового Командира Мартынова, заслышавъ сильную стрѣльбу справа, свернулъ на выстрѣлы и немедленно и рѣшительно атаковалъ обходную японскую колонну во флангъ.** Японцы пытались загнуть флангъ, но энергичное наступленіе зарайцевъ, вынудило ихъ къ спѣшному отступленію. Этой минутой воспользовался Столица и перешелъ въ атаку, обративъ отступленіе японцевъ въ безпорядочное бѣгство. Въ 8 ч. вечера бой прекратился. III-ій корпусъ сохранилъ всѣ свои позиціи и имѣлъ въ резервѣ свѣжій Нѣжинскій полкъ, слѣдовательно одержалъ побѣду. Ночью получено было приказаніе Куропаткина объ отступленіи на передовыя Ляоянскія позиціи.

На позиціяхъ X-го корпуса съ разсвѣтомъ 13-го августа завязался упорный бой, сопровождавшійся штыковыми схватками. Къ 7-ми ч. утра 9-ая дивизія, во время не поддержанная, должна была отойти на тыловую позицію. Вслѣдствіе этого командиръ корпуса приказалъ всему отряду занять тыловую позицію.

На позиціяхъ южной группы Зарубаева происходило слѣдующее:

Рано утромъ 13-го августа правая колонна Оку повела наступленіе на II корпусъ и оттѣснила авангардъ этого корпуса къ д. Кусандзы. Въ 4 часа утра 14-го августа Зарубаевъ получилъ слѣдующее приказаніе Куропаткина: „**Вслѣдствіе донесенія Бильдерлинга о трудномъ положеніи X-го корпуса, предлагаю Вамъ упорнаго боя на занимаемыхъ Вами позиціяхъ не принимать, а, ограничившись удержаніемъ противника арьергардами, отойти на Шахэ**“,— что и было исполнено 14-го и 15-го августа.

Вслѣдствіе этихъ распоряженій войска наши всю ночь съ 15-го на 16-ое августа сосредоточивались на передовой Ляоянской позиціи по линіи—**Шоушаньпу-Цофантунь-Сяпу**. Японскія же арміи расположились внѣ выстрѣла въ слѣдующемъ порядкѣ:

Нодзу—въ раіонѣ Сандянзы-Кудянзы-Вейдягоу.

Оку—сѣвернѣе Шахэ, протянувъ свой лѣвый флангъ въ охватъ нашего праваго фланга до дер. Виньмапьтунь.

Куроки—остался на правомъ берегу р. Танхэ, гвардейская же дивизія выдвинулась на линію Яючи-Татуньцзы.

Днемъ 16-го августа утомленный противникъ бездѣйствовалъ, ограничиваясь слабымъ обстрѣливаніемъ Цофантунской позиціи.

„И на какой чортъ мы стоимъ здѣсь“,—говорили офицеры частей, занимавшихъ Айсяндзянскую позицію.—„Все равно драться тутъ не будемъ. Не лучше-ли заблаговременно, спокойно отойти на Ляоянскію позицію. Японцы послѣ каждаго шага впередъ отдыхаютъ, устаиваются, закрѣпляютъ свой успѣхъ и насъ не преслѣдуютъ..... Стало быть мы могли-бы отойти спокойно, не спѣша занять передовую Ляоянскую позицію, на ней, укрѣпиться. А то, чего добраго, какъ погонятъ насъ, такъ мы на своихъ плечахъ принесемъ этихъ япошекъ въ Ляоянъ, да по дорогѣ еще потеряемъ нѣсколько орудій—вотъ и новая японская побѣда“.

Такъ оно, въ сущности, и случилось. Нельзя было не согласиться съ этими здравыми сужденіями заурядныхъ офицеровъ, такъ ясно понимавшихъ обстановку.

И тѣмъ болѣе страннымъ кажется, что этого не понималъ Куропаткинъ. И, не понимая, колебался въ своихъ рѣшеніяхъ. То, что было подъ Дашичао, гдѣ Куропаткинъ то собирался упорно защищать этотъ пунктъ, то очистить его безъ боя, то принять бой рѣшительный, то, наконецъ, принять бой аріергардный, повторилось цѣликомъ здѣсь. Первоначально Куропаткинъ предполагалъ наступать, когда же японцы его предупредили, онъ намѣревался ограничиться арьергардными боями на позиціяхъ Айсядзянъ-Ляндясянъ-Аншинлинъ и принять рѣшительный бой подъ самымъ Ляояномъ. Но 11-го августа онъ мѣ-

няетъ этотъ планъ и принимаетъ рѣшеніе дать на этихъ позиціяхъ упорный бой всѣми силами.

Какъ и слѣдовало ожидать, бой выходитъ не особенно упорнымъ. И Куропаткинъ 13-го августа уже отдаетъ приказъ всей арміи отходить на передовыя Ляоянскія позиціи. Отходимъ съ боемъ, съ большими затрудненіями, по отвратительнымъ дорогамъ послѣ ливня, теряемъ пушки, изнуряемъ людей.... Ради чего?

16 августа утромъ утомленныя пятидневнымъ непрерывнымъ походомъ и боемъ, подорванныя нравственно новымъ отступленіемъ и, какъ бы, новымъ успѣхомъ врага, войска собираются къ Ляояну. Спѣшно занимаютъ позиціи. Оглядѣться, устроиться уже некогда... Противникъ идетъ по пятамъ...

ГЛАВА XII.

Ляоянъ. 17-ое и 18-ое августа.

„Старшему начальнику передъ боемъ и въ теченіи боя слѣдуетъ, хотя-бы только разъ, но кстати и во время, проѣхать подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ въ передовыя позиціи, дабы лучше обозрѣть поле битвы и показать себя, передъ началомъ священнаго боя къ атакѣ, достойнымъ подавать столь страшный по послѣдствіямъ сигналъ".

(Приказъ Скобелева 15 Іюня 1882 г. № 58).

Уже 16 Августа можно было наблюдать изъ Ляояна разрывы японскихъ шрапнелей. Вечеромъ, когда стемнѣло, на высотахъ, кольцомъ окаймляющихъ Ляоянъ, верстахъ въ шести загорѣлись бивачные огни.... Тихо, тихо стало впереди. И эта тишина была и жуткая, и радостная вмѣстѣ. Для многихъ эта ночь была послѣдней. Но для тѣхъ, кто уцѣлѣетъ въ этой новой „**бородинской битвѣ**", грядущій разсвѣтъ долженствовалъ быть началомъ новаго, свѣтлаго періода кампаніи.

Въ памяти невольно вставало съ дѣтства знакомое стихотвореніе:

„Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
. . . . . .
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ.
Построили редутъ"....

Для сходства поэтической картины прошлаго съ дѣйствительностью не доставало только того „полковника“, который говорилъ:

„Ребята, не Москва-ль за нами!?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“....

Но, къ великой чести нашихъ войскъ, должно сказать, что и безъ этихъ воодушевляющихъ словъ полководца, пониманіе ими важности историческаго момента было полное;—что и безъ нихъ

„ . . . . умереть мы обѣщали
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Ляоянскій бой“....

Вечеромъ 16-го въ Ляоянскомъ саду за столиками сидѣло нѣсколько офицеровъ и, чокаясь, пили за предстоявшій успѣхъ.

„Чего добраго и отъ Ляояна отступимъ“, сказалъ кто-то.

— Ну нѣтъ, баста. . . . Довольно—раздались голоса.

„Жаль только, что даже теперь, когда отступленіе кончилось, рѣшительно никто не сказалъ войскамъ, что надо тутъ стоять до конца. Вѣдь это же традиція, славная историческая традиція, говорить лично съ войсками въ такой моментъ. А тутъ молчатъ.... Никого не видно.“

И другого добраго обычая не соблюли, сказалъ подошедшій къ столику.—Молебна не отслужили. Святыни Троицкой по позиціямъ не обнесли.—

„Скобелева нѣтъ на этихъ япошекъ. Ну и почесалъ-бы онъ ихъ,“ говорилъ кто-то за другимъ столикомъ.

Существованіе секретной диспозиціи Куропаткина, на случай отступленія отъ Ляояна, указывало на то, что даже въ этотъ моментъ въ душѣ Куропаткина не было рѣшимости, не было увѣренности ни въ себѣ, ни въ войскахъ. Да и откуда имъ было взяться: ни самъ Куропаткинъ, ни Сахаровъ, ни Харкевичъ не объѣхали позицій, не соприкоснулись съ душою войскъ, ихъ оборонявшихъ, и чудесно раскрывавшейся на каждомъ шагу. Никто изъ нихъ не могъ поэтому увидѣть того, что увидѣли-бы и Суворовъ, и Наполеонъ, и Скобелевъ, говорившій Драгомирову на переправѣ черезъ Дунай: **„Ты только на лицо солдата погляди, такая рожа у него только тогда, когда онъ одолѣлъ супостата“**....

Куропаткинъ со своимъ штабомъ все время оставался въ вагонахъ, по прежнему имѣлъ дѣло только съ бумагой донесеній и бесѣдовалъ съ крупными начальниками частей по телефону,

отдавая имъ мелочныя распоряженія о размѣщеніи на позиціяхъ отдѣльныхъ баталіоновъ и даже ротъ.

Такъ, поздно ночью 16-го Августа Куропаткинъ по телефону приказалъ командиру X-го корпуса занять двумя баталіонами сопку между Яючи и Кавлицуномъ, такъ какъ она ключъ его позиціи.

Неужели-же Случевскому не видиѣе было это на мѣстѣ, а у Куропаткина не было болѣе крупнаго дѣла, чѣмъ давать совѣты своимъ корпуснымъ командирамъ по элементарнымъ вопросамъ тактики для младшаго курса юнкеровъ?...

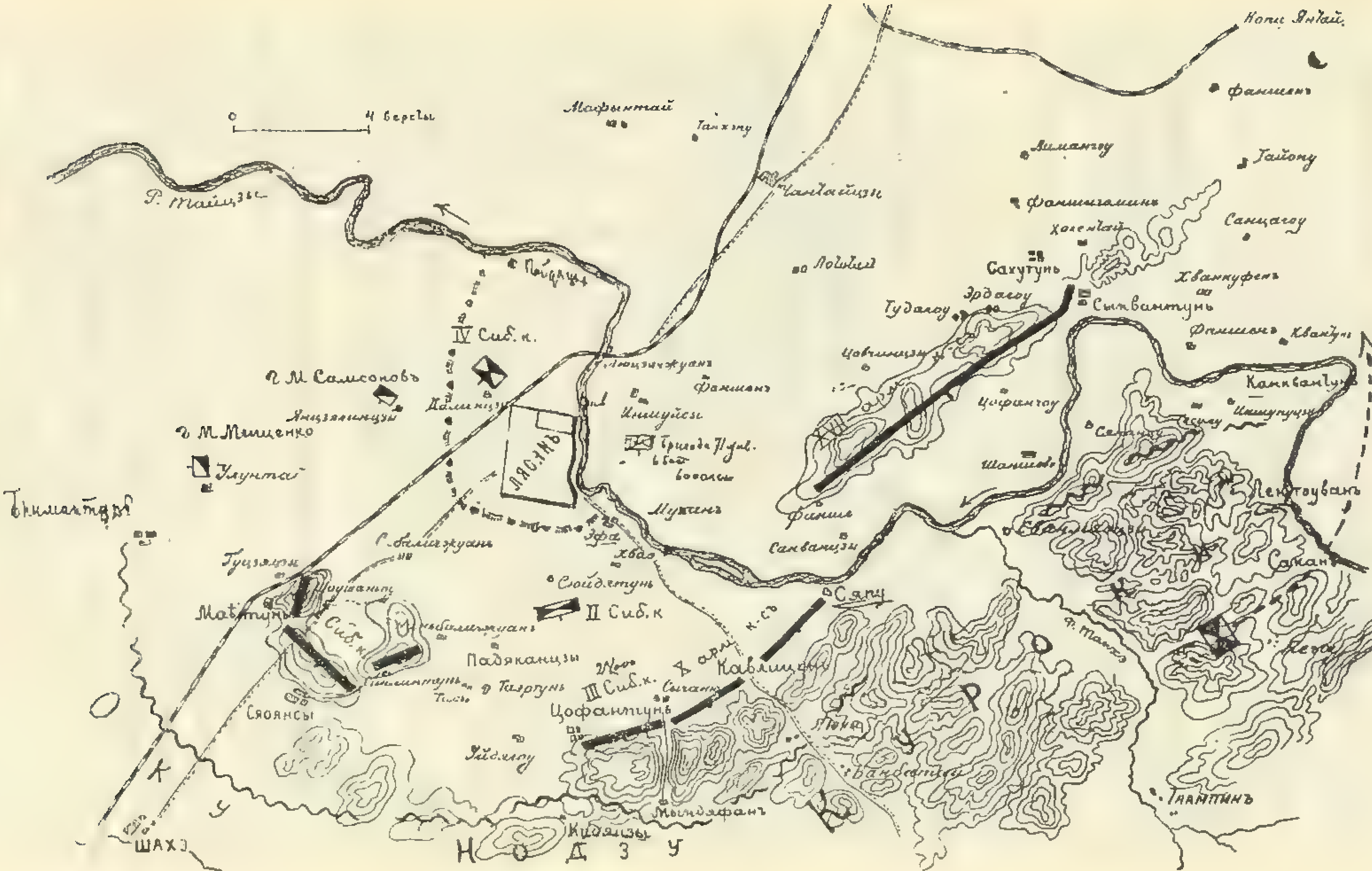
Не знаю, чѣмъ будетъ объяснять свою неподвижность въ эти дни Куропаткинъ.

Разсказываютъ, будто одинъ губернаторъ, обвинявшійся въ бездѣйствіи власти, въ томъ, что не выѣхалъ лично къ толпѣ, объяснялъ свое поведеніе тѣмъ, что онъ не могъ оторваться отъ телефона въ своемъ кабинетѣ, такъ какъ съ разныхъ концовъ города по телефону просили у него указаній. Такъ было, вѣроятно, и тутъ.

Могутъ, конечно, сказать, что Командующій Арміей не долженъ былъ рисковать въ эти и важные, и страшные дни своей жизнью. Позволю себѣ съ этимъ положеніемъ не согласиться. Всѣ великіе полководцы, одерживавшіе побѣды, въ извѣстные моменты рисковали собой, ибо этотъ рискъ былъ плодотворенъ. Укажу на Наполеона при Арколэ, на Суворова, всегда и вездѣ и даже многократно раненаго, на Скобелева, никогда не упускавшаго случая дать примѣръ личнаго мужества и тѣмъ воодушевить войска къ беззавѣтной храбрости. Конечно, нѣкоторые гибли: Густавъ Адольфъ, Тюрень, Жуберъ. Но развѣ это лишало ихъ войска побѣды? Развѣ это, порою не давало ее? И развѣ даже на побѣжденнаго смерть не надѣвала лавроваго вѣнка?! И что намъ изъ того, что нашъ командующій ни разу не былъ раненъ, когда мы проиграли такъ ужасно кампанію, не одержавъ ни единой побѣды?!

Передовая Ляоянская позиція, на которой расположилась Манчжурская Армія для боя 17-го Августа 1904 года, опоясывала Ляоянъ съ юга по дугѣ въ 20 верстъ и состояла изъ двухъ участковъ съ промежуткомъ въ три версты.

Правый участокъ состоялъ изъ отдѣльной высоты между селами: Мастунь и Шоушаньпу, возвышенности къ югу отъ нея до дороги Саоянсы-Сиплинтунь и подковообразной высоты къ сѣверу отъ этой дороги. Фронтъ этого участка представлялъ собою дугу, обращенную выпуклой стороной на юго-западъ. На гребнѣ возвышенностей были устроены окопы, передъ фронтомъ поста-


0 4 версты
Р. Тайцзы
Мафынтай
Чантайцзы
Копи Янтай
Фаншинъ
Лианьгоу
Тайгоу
Фаншигамин
Хогоутай
Сахутунь
Санцагоу
Лоцзедай
Хванпуфенъ
Сыквантунь
Эрдагоу
Тудагоу
Цовчинцзы
Фаншанъ
Кваньтунь
Цофангоу
Канквантунь
Шаншебо
Лентоуванъ
Финшия
Санвачцзы
Сакан
Гуяо
Сяпу
Кавлинганъ
Тхантинъ
IV Сиб. к.
Г. М. Самсоновъ
Г. М. Мищенко
Улунтай
Янцзянлинцзы
Даманчзы
ЛЯОЯНЪ
Лицзючжуан
Инициупэзы
Фаншанъ
Бригада II арм.
Мукенъ
Бекмагурзы
Гуцзяцзы
Маитунь
I Сиб. к.
II Сиб. к.
Сойдагунь
Падяканцзы
Тазрунь
Сяоянсы
III Сиб. к.
X арм. к-съ
Цофантунь
Мындяфанъ
Кудяцзы
Шахэ
О К У Н О Д З У
К У Р О К И
Р. Танхэ

влены проволочныя загражденія и волчія ямы, а на дорогѣ Саоянсы-Синлинтунь заложены фугасы. Мѣстность передъ фронтомъ давала хорошій обстрѣлъ. Оборона этого участка протяженіемъ въ 5 верстъ была поручена I-му Сибирскому корпусу.

Лѣвый участокъ—тянулся по горному кряжу отъ д. Цофантунь до д. Сяпу и прикрывалъ собою дорогу Вантабай-Ляоянъ: Особыхъ выгодъ для обороны онъ изъ себя не представлялъ. Позиціи здѣсь были мало укрѣплены, даже гаолянъ успѣли вытоптать только на 300-600 шаговъ передъ фронтомъ. Правую часть этой позиціи отъ дер. Цофантунь до Мындяфанскаго ущелья занималъ III-ій Сибирскій корпусъ, остальную—X-ый корпусъ.

Такимъ образомъ, боевая часть Арміи состояла изъ 3-хъ корпусовъ. Общій резервъ изъ II-го и IV-го корпусовъ расположился въ двухъ группахъ: II-ой корпусъ за центромъ у деревни Судятунь, IV-ый за правымъ флангомъ у дер. Далинзы.

XVII-ый корпусъ занималъ позицію фронтомъ на юго-востокъ на высотахъ праваго берега Тайдзы-хэ отъ дер. Санванзы до дер. Сыквантуня, охраняя лѣвый флангъ нашего расположенія и наблюдая рѣку до Бензиху.

Охрана праваго фланга была поручена генералу Мищенко (2 баталіона, 21 с. 16 ор.), отрядъ котораго расположился у дер. Улунтай. Болѣе далекая—на отрядъ генерала Грекова (1 бат., 14 с., 12 ор.)

Конный отрядъ генерала Самсонова (16 с. 6 ор.) сталъ уступомъ за правымъ флангомъ у дер. Янзалинзы.

54-я дивизія генерала Орлова прикрывала путь на Мукденъ и расположилась у Шахэ. Бригада 71-ой дивизіи у Ляояна на правомъ берегу Тайдзы-хэ, составляя третью группу резерва. Для скорой переправы черезъ рѣку Тайдзы-хэ у Ляояна было устроено 8 мостовъ.

На разсвѣтѣ 17 августа **Нодзу** съ необычайной энергіей и большими силами атаковалъ правый флангъ III-го корпуса.

Японскій полкъ началъ наступленіе на сопку у дер. Кутядзы, занятую баталіономъ стрѣлковъ. Головной баталіонъ, встрѣченный залпами, повернулъ назадъ, но два другіе—продолжали двигаться къ окопамъ.

Подпустивъ ихъ на 20-30 шаговъ стрѣлки бросились въ контръ-атаку, но японцы не приняли штыкового удара и повернули, когда же японцы снова двинулись впередъ, баталіонъ снова встрѣтилъ ихъ—контръ-атакой въ штыки. Завязалась рукопашная схватка съ втрое сильнѣйшимъ непріятелемъ. Остатки баталіона въ числѣ 198 человѣкъ въ порядкѣ отступили на главную позицію. Всѣ офицеры оказались перебитыми.

Батарея 6 бригады, желая оказать поддержку своей пѣхотѣ, заняла позицію на гребнѣ высоты, но черезъ нѣсколько минутъ потеряла половину состава прислуги. Пришлось спустить орудія внизъ. Начальникъ позиціи приказалъ поставить на позиціи хотя бы одно орудіе. Артиллеристы поставили три, а прислуга къ нимъ была набрана отъ другихъ орудій. Стрѣльбой руководилъ полковникъ Покотило. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ убитъ. Значительная часть прислуги тоже перебита: пришлось два орудія съ помощью пѣхоты спустить внизъ. На позиціи осталось одно. Штабсъ-капитанъ Костровъ продолжалъ изъ этого орудія осыпать шрапнелью долину, по которой шли японцы. Ихъ цѣпи отхлынули назадъ. Костровъ былъ раненъ, но оставался въ строю пока не былъ раненъ вторично. Его замѣстилъ фейерверкеръ Андрей Петровъ, искусстно и геройски продолжавшій стрѣльбу. Наконецъ, и Петровъ былъ раненъ два раза. Обезсилѣвшая прислуга свезла орудіе внизъ, но на его мѣсто выдвинула два другихъ, прислугу къ которымъ набрали изъ ѣздовыхъ и отъ ящиковъ. Этотъ взводъ подъ командой поручика Шаляпина до 8 ч. вечера велъ стрѣльбу подъ огнемъ бризантной японской батареи и стрѣлковыхъ цѣпей, сдерживая наступленіе японцевъ. Вечеромъ все, что осталось отъ этой геройской батареи, отправлено было въ Ляоянъ. Одновременно съ этимъ кипѣлъ бой съ такой же стойкостью и самоотверженіемъ по всему фронту III-го корпуса.

Армія Оку начала артиллерійскій бой въ 6 ч. утра 17-го августа. Въ 9 ч. пѣхота повела наступленіе на лѣвый флангъ перваго корпуса, а въ 10 ч. на центръ. Въ то же время лѣвая колонна Оку продолжала подвигаться къ сѣверу, обходя правый флангъ Маетунской позиціи. Въ 12 ч. японская батарея открыла огонь съ востока, со стороны деревни Ванертунь. Пѣхота двигалась на Улунтай, другая колонна - на деревню Гудзядзы. Дабы парировать обходъ одиннадцать баталіоновъ и 24 орудія, были двинуты изъ резерва четвертаго корпуса.

Около 12 ч., когда на Цофантунской позиціи бой притихъ, бой въ первомъ корпусѣ достигъ высшаго напряженія. Занявъ деревню Саоянзы, японцы тщетно пытались овладѣть высотами къ сѣверу: всѣ ихъ атаки были отбиты девятой дивизіей.

Въ то же время японцы истощались въ усиліяхъ завладѣть деревнями Моетунь и Гузядзы. И здѣсь они терпѣли неудачу за неудачей, не выдерживая огня стрѣлковъ и пулеметовъ.

Японцы несли огромныя потери, но и войска перваго корпуса находились въ тяжеломъ положеніи, въ виду непрекращав-

шихся бѣшеныхъ атакъ японцевъ и необходимости обороняться на два фронта.

Куроки въ тотъ же день, 17-го августа около 12 ч. атаковалъ правый флангъ десятаго корпуса у Мандяфанскаго ущелья, но эта атака была тоже отбита съ большимъ для японцевъ урономъ.

Всѣ атаки японцевъ въ теченіе 17-го августа на позиціи перваго, третьяго и десятаго корпусовъ были блестяще отбиты съ громаднымъ урономъ для нихъ. **Наши войска не уступили ни единой пяди своихъ позицій....**

Послѣ боевъ 15-го августа Гвардейская дивизія Армія Куроки переправилась на лѣвый берегъ р. Танхэ и расположилась противъ X-го корпуса. Одна же бригада 2-й дивизіи заняла лѣвый берегъ Тайдзыхэ отъ Сванмяоцзы до Иншупудзы. Остальныя войска арміи Куроки расположились въ районѣ Тампинъ-Сакань на правомъ берегу рѣки Танхэ.

Вечеромъ 17-го августа **двѣнадцатая** дивизія арміи Куроки начала переправляться черезъ р. Тайдзыхэ въ бродъ у Лентоувана. На слѣдующій день 18-го на разсвѣтѣ переправилась одна бригада 2-й дивизіи, а для артиллеріи и конницы наводили понтонный мостъ. Части эти по мѣрѣ переправы подвигались на сѣверъ и, занявъ утромъ 18-го августа высоты Каквантуня, приступили къ укрѣпленію ихъ. Въ тотъ же день 18-го августа Гвардейская резервная бригада переправилась на правый берегъ Тайдзыхэ выше, у Бенсиху и, оттѣснивъ передовыя части отряда генерала Любавина, двинулась по дорогѣ на копи Янтай. Гвардейская же дивизія и одна бригада 2-й дивизіи до 20-го августа оставались на прежнихъ своихъ мѣстахъ по лѣвую сторону Тайдзыхэ.

Чтобы маскировать операціи переправы арміи Куроки на правый берегъ Тайдзыхэ и отвлечь вниманіе нашего полководца на югъ, Оку и Нодзу съ разсвѣтомъ 18-го августа повели свои бѣшенныя атаки на позиціи I-го и III-го корпусовъ. Дѣйствія Нодзу были менѣе энергичны чѣмъ 17-го, но зато Оку велъ неимовѣрно стремительныя атаки на Маетунскую позицію. Это дѣлалось, понятно, чтобы приковать все вниманіе нашего полководца не къ центру, а именно къ его правому флангу,—въ противоположную сторону совершаемой въ это время Куроки переправы и заставить Куропаткина притянуть свои резервы на правый флангъ.

Атаки японцевъ повторялись одна за другой, несмотря на громадный уронъ, о которомъ свидѣтельствовали груды тѣлъ,

наваленныхъ передъ фронтомъ стрѣлковъ. Тѣмъ не менѣе японцы сыпались, точно изъ рога изобилія, и лѣзли впередъ очертя голову.

Въ свою очередь и наши роты, потерявъ офицеровъ, подъ командой унтеръ-офицеровъ, счастливо соперничали съ непріятелемъ въ упорствѣ и презрѣніи къ смерти.

Всѣ атаки на позиціи I-го и III-го корпусовъ были отбиты нашими **„чудо-богатырями“** съ громаднымъ урономъ для японцевъ и къ 6-ти часамъ вечера 18-го августа прекратились, но артиллерійскій огонь продолжался до наступленія сумерекъ главнѣйшимъ образомъ на Маетунскую позицію. Тамъ былъ настоящій адъ. Шрапнели десятками разрывались надъ окопами нашихъ стрѣлковъ, засыпая ихъ осколками и пулями. Фугасные снаряды **„шимозы“** разрушали укрытія, распространяя удушливые газы, отъ которыхъ задыхались наши войска. Къ 8-ми часамъ вечера бой совершенно стихъ и надъ Ляояномъ разразилась сильная гроза съ ливнемъ.

Результаты боевъ 18-го августа маршалъ Ойяма изобразилъ, въ своемъ донесеніи Микадо, слѣдующими словами: **„Битва продолжается. До сихъ поръ ни одной изъ сторонъ не удалось добиться рѣшительныхъ результатовъ“.**

Японскому Главнокомандующему не хотѣлось признать тактической побѣды, несомнѣнно, одержанной нашими войсками.

А между тѣмъ въ этотъ день, 18-го августа, **наша армія одержала первую свою побѣду** надъ дерзкимъ и смѣлымъ врагомъ. И если бы Куропаткинъ проѣхалъ по фронту I-го, III-го и X-го корпусовъ, онъ понялъ бы многое, чего онъ не понималъ, сидя въ своемъ вагонѣ, чего не чувствовалъ по **„телефону“** и чего не могли ему передать въ своихъ донесеніяхъ начальники частей.

Я не говорю уже о томъ благотворномъ впечатлѣніи, которое произвелъ бы на войска, только что отбившія всѣ атаки храбраго врага, видъ вождя, авторитетъ котораго стоялъ тогда еще довольно высоко.. Сознаніе, что ими руководитъ Куропаткинъ, а не Штакельбергъ и Засуличъ, еще глубже укрѣпило-бы ихъ вѣру въ успѣхъ...

Впрочемъ, войска не такъ нуждались въ этомъ моральномъ воздѣйствіи, въ этомъ непосредственномъ общеніи со своимъ вождемъ, сколько послѣдній. Тамъ, на позиціяхъ, а не въ вагонѣ роскошнаго поѣзда, ясно чувствовалось, что энергія противника надломлена, увѣренность его въ себѣ поколеблена и средства борьбы подходятъ къ концу.

А духъ нашихъ войскъ былъ очень высокъ. Беззавѣтная храбрость и страстное желаніе побѣды доходили до полнаго презрѣнія къ смерти. Они утеряли всякій страхъ и стояли въ окопахъ во весь ростъ, наблюдая за каждымъ движеніемъ противника, чтобы его встрѣтить каждую минуту или пулей, или штыкомъ...

Но японцы, потерпѣвъ неудачу и огромный уронъ въ цѣломъ рядѣ штыковыхъ атакъ и наполнивъ волчія ямы своими трупами, къ вечеру 18-го августа уже не склонны были къ нимъ. На правомъ флангѣ, вытянувшись вдоль полотна желѣзной дороги, они залегли за насыпью (точно при Остроленкѣ) и, за отсутствіемъ патроновъ, перебрасывались съ нами камнями. Было отчетливо слышно и видно, какъ японскіе офицеры въ своихъ коричневыхъ накидкахъ, тщетно старались поднять своихъ людей въ атаку. То одинъ изъ нихъ, то другой выскакивали на полотно насыпи, махали платками и звали ихъ за собой... Никто не шелъ—и смѣльчаки-офицеры скрывались обратно. Наши были въ такомъ экстазѣ благородной увѣренности въ себѣ, въ своей побѣдѣ, что щадили этихъ смѣльчаковъ-офицеровъ и не стрѣляли по нимъ.

По ихъ адресу въ нашихъ окопахъ слышались только то восторженныя, то добродушно-ироническія замѣчанія:

„Ахъ, молодцы! Ишь герой"!... „Махай, не махай, все равно не пойдутъ: нынче наша взяла"...

Вообще выдержка, съ которой вели себя наши войска, была изумительна. На нѣсколько ротъ 1-го полка у редута подъ **„Кулакомъ"**, внезапно вышли изъ гаоляна въ разстояніи 800 шаговъ два японскіе баталіона. Густой колонной они шли въ атаку, стрѣляя пачками. Нашимъ ротамъ приказано было не стрѣлять и онѣ молчаливо подпустили японцевъ на 150 шаговъ. Японцы не выдержали этой зловѣщей тишины, дрогнули и повернули... Тогда только наши роты открыли по нимъ убійственный огонь и почти всѣхъ уничтожили.

Въ другомъ мѣстѣ 18-го августа на нашу батарею шли японцы тоже густыми колоннами и стрѣляли пачками. Непріятель былъ отъ батареи ближе чѣмъ на 150 шаговъ Прислуга и офицеры обнажили шашки и вынули револьверы. Тогда на ихъ поддержку въ стройномъ порядкѣ вышелъ 19-й полкъ во главѣ со своимъ молодымъ и беззавѣтно храбрымъ командиромъ Сычевскимъ. Японцы не выдержали, повернули и побѣжали.

Когда одну изъ сильно потерпѣвшихъ батареи 1-го Сибирскаго корпуса хотѣли замѣнить другой, люди кричали: **„Не надо мы всѣ здѣсь умремъ"**.

Массы раненыхъ на перевязочныхъ пунктахъ разсказывали и радовались, что все идетъ отлично, что мы удержимся, что мы на этотъ разъ погонимъ японцевъ.

„Развѣ можно отдать Ляоянъ?“ говорили они, „ишь чего захотѣли нехристи“...

„Это ничего, что меня ранило,“—говорили другіе... „Нашихъ еще много осталось... За то ужъ сегодня наша взяла... Наворотимъ“.

Легко раненые не хотѣли уходить. Другіе сами ковыляли и не позволяли товарищамъ себя провожать.

Несли тяжело раненаго фельдфебеля. По дорогѣ онъ пришелъ въ себя и, увидавъ, что его несутъ двое, а двое идутъ сбоку, крикнулъ на нихъ:

„Вы зачѣмъ?“

— На подмогу, Тихонъ Семенычъ, перемѣнится на случай убыли.—

„Идите назадъ!„—строго приказалъ фельдфебель.

— Вамъ же хуже будетъ, коли кого изъ насъ убьютъ, нѣкому будетъ васъ же донести до пункта.—

„Назадъ!“—не слушая ихъ, грозно крикнулъ онъ.

— Да Ей-Богу, только донесемъ и вернемся.

„Стой.“ приказалъ фельдфебель, -„Я изъ носилокъ выйду“... Двое носильщиковъ поворачиваютъ и идутъ обратно на позицію.

Я не разсказываю вамъ исторіи Ляоянской битвы. Я хочу только сказать о томъ, какъ они дрались!... Какъ они умирали!... И я передаю вамъ только тысячную долю того, что было на полѣ Ляоянской битвы 17 и 18-го августа 1904 года.

Понятно, всѣ эти разсказы только блѣдная тѣнь, только слабый намекъ на реальную дѣйствительность, которая, пробуждая въ сердцахъ стремленіе не отстать отъ другихъ, не посрамить себя и Родину, создавали атмосферу чудеснаго героизма, насыщали воздухъ не только запахомъ крови, но и ароматомъ высокихъ благородныхъ качествъ человѣческой души. И я, какъ русскій, испытываю высокое чувство гордости и удовлетворенія, смѣшанное съ негодованіемъ противъ тѣхъ, которые ничего этого не слыхали, не чувствовали, и даже не могли видѣть изъ своихъ **„пульмановскихъ“** вагоновъ.

На разсвѣтѣ 18-го августа на позиціяхъ X-го корпуса стало очевиднымъ, что японцы за ночь отступили. Отъ начальника лѣво-фланговаго участка генерала Васильева пришла просьба разрѣшить ему атаковать отступающаго противника. Командирь корпуса Случевскій колебался. Но, пріученный къ вмѣшательству

Куропаткина въ каждый его шагъ, въ каждое его распоряженіе, въ передвиженіе каждаго его баталіона, Случевскій не рѣшился распорядиться самостоятельно. Онъ донесъ объ этой просьбѣ Куропаткину,—тотъ отказалъ.

Но до полученія отказа, Васильевъ уже подвинулся впередъ и занялъ двѣ деревни (Татунзы и Хатуй), прогналъ японцевъ изъ третьей (Сбаучензы) и намѣревался идти дальше. Онъ желалъ фактомъ своего успѣха, сломить колебанія корпуснаго командира. Но отказъ Куропаткина пресѣкъ развитіе успѣха. Васильеву было приказано отступить.

На позиціяхъ I-го и III-го корпусовъ было тоже бодрое и веселое настроеніе. Попытка японцевъ прорвать нашъ стратегическій фронтъ въ промежуткѣ между I-мъ и III-мъ корпусами была парализована. Деревни, занятыя, было, японцами, Тазы и Шандзяпу были очищены къ 12 ч. отъ противника огнемъ артиллеріи, подъ управленіемъ такого артиллериста, какъ самъ корпусный командиръ генералъ Ивановъ,—и прочно заняты нами.

Пользуясь затишьемъ, стрѣлки хоронили павшихъ со славою своихъ товарищей. Видимо увѣренные, что это мѣсто, купленное ихъ кровью, останется за нами, люди дѣлали свое дѣло прочно и основательно... **„на совѣсть“**. Могилы обкладывали дерномъ; на нихъ ставили кресты съ надписями... **„9-го Восточно-Сибирскаго полка поручикъ Іосифъ Дорожинскій и подпоручикъ Петръ Бирюковъ.“** Оба вмѣстѣ, какъ братья, въ одной могилѣ... Рядомъ:— **„Подполковникъ В. Н. Рыдинъ, убитъ 17 августа 1904 г.“**. Онъ временно командовалъ полкомъ и наканунѣ боя Куропаткинъ, будучи на него недоволенъ, хотѣлъ отрѣшить его отъ командованія... Смерть помѣшала... Что-же, быть можетъ, одной несправедливостью меньше, зато и однимъ героемъ—тоже!...

ГЛАВА XIII.

Отступленіе.

„Глазомѣръ! Быстрота! Натискъ! Атакуй съ чѣмъ Богъ послалъ. Въ атакѣ не задерживай... У насъ, русскихъ, нѣтъ тыла,—вездѣ фронтъ!“

Суворовъ.

.....„Большое счастье для насъ, что Куропаткинъ третьяго дня и даже еще вчера не атаковалъ насъ... Нашей удачѣ пока какъ то трудно вѣрить.“

(Слова, сказанныя сэру Гамильтону, Куроки 20 августа 1904 года).

„Почти всегда сраженіе проигрывается, если генералъ остается пассивнымъ въ своей оборонительной позиціи, какъ бы она ни была хорошо укрѣплена“...

Л. Тиваль.

„Это глубоко обдумать и, при случаѣ, никогда не забывать“...

Скобелевъ.

„Всякіе планы должны быть основаны на принципѣ пораженія непріятеля. Мудрое правительство должно простить неудачу генералу, потерпѣвшему пораженіе вслѣдствіе чрезмѣрной широты его плановъ. Но генералъ, ожидающій событій, старающійся обезпечить себя на всякомъ пунктѣ, предпочитающій лучше упустить благопріятный случай, чѣмъ взять на себя отвѣтственность, которой можно избѣжать, такой генералъ хорошъ только съ точки зрѣнія врага.“

Сэръ Гамильтонъ т. II.

О переправѣ японцевъ черезъ р. Тайдзы-хэ стало извѣстно въ Штабѣ XVII-го корпуса въ **9 ч. утра 18-го августа,** тогда, когда переправа еще была въ полномъ разгарѣ, однако, никакихъ попытокъ къ активнымъ дѣйствіямъ со стороны этого корпуса, противъ переправляющагося непріятеля, это извѣстіе не вызвало. Все дѣло ограничилось пассивнымъ обстрѣливаніемъ японскихъ колоннъ, разворачивавшихся на высотахъ Хванкуфэна, и бивуаковъ ихъ на лѣвомъ берегу Тайдзы-хэ.

Нельзя не удивляться, какъ могло случиться, что переправа столь значительныхъ силъ непріятеля, на разстояніи какихъ нибудь шести верстъ отъ расположенія **семнадцатаго** корпуса, силою въ 30. 000 человѣкъ, начатая еще 17-го вечеромъ и продолжавшаяся всю ночь съ 17-го на 18-е августа, могла быть обнаружена только къ 9-ти часамъ утра 18-го августа. Вѣдь наблюденіе за переправами черезъ рѣку Тайдзы-хэ выше Сыквантуня и до Бензиху была спеціальною цѣлью этого корпуса.

Надо полагать, что наблюденіе и развѣдка въ семнадцатомъ корпусѣ велись по французской методѣ 1870 года. Тогда французская кирасирская дивизія, посланная для изслѣдованія переправъ черезъ одну рѣченку, донесла своему маршалу, что всѣ переправы на этой рѣкѣ до 15-го августа находятся въ рукахъ французовъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, всѣ переправы на этой рѣкѣ уже съ 11-го августа были заняты прусаками. **„Очевидно“,** вполнѣ основательно, говоритъ генералъ Леверъ, **„что дивизія французскихъ кирасиръ вовсе и не видѣла этой рѣки“.**

Преступное бездѣйствіе семнадцатаго корпуса утромъ 18-го августа было, какъ нельзя болѣе, на руку Куроки, долгое время

остававшемуся на правомъ берегу безъ артиллеріи, еще поджидавшей окончанія наводки понтоннаго моста. Кромѣ того, войска его тогда еще не успѣли создать опорнаго пункта на случаіі атаки съ нашей стороны.

Штабъ Манчжурскоі арміи узналъ о переправѣ Куроки къ **одиннадцати часамъ утра 18-го августа.** Запоздалость донесенія благородно объясняется одновременнымъ перерывомъ и телеграфнаго, и телефоннаго сообщеній. Впрочемъ, обходъ Куроки не являлся неожиданностью для руководителя нашей арміи. Во-первыхъ, еще наканунѣ, по самому характеру боя 17-го августа, бездѣйствіе Куроки на фронтѣ десятаго корпуса, наводило на мысль о движеніи его въ обходъ нашего лѣваго фланга, во-вторыхъ, уже по привычкѣ, начиная отъ Дашичао и Хайчена, Куропаткинъ всегда предполагалъ обходъ нашего лѣваго фланга, и подъ Ляояномъ, ожидая его, нарочно расположилъ семнадцатыі корпусъ на правомъ берегу Тайдзы-хэ у Сыквантуня, а 54-ую дивизію у Шахэ.

Въ положеніи, создавшемся къ 12-ти часамъ 18-го августа, нашему полководцу надлежало приступить рѣшительно и безъ всякаго промедленія къ одноі изъ слѣдующихъ двухъ операцій по его выбору: или немедленно наличными силами семнадцатаго корпуса, при поддержкѣ 71-оі дивизіи, стоявшей резервомъ у Ляояна на правомъ берегу Тайдзы, притянувъ и 54-ую дивизію Орлова, стремительно атаковать, еще не закончившаго переправу Куроки съ его полутора дивизіями и разбить на голову, или, оставивъ противъ Куроки семнадцатый корпусъ и дивизію Орлова, всѣми своими силами обрушиться на Ходзу и Оку и, нанеся имъ пораженія, обратиться къ уничтоженію арміи Куроки.

Несомнѣнно въ такоі обстановкѣ такъ поступилъ-бы и Суворовъ, и Наполеонъ и Скобелевъ,—всѣ истинные полководцы съ волею, темпераментомъ, со священнымъ огнемъ и вдохновеніемъ.

Но вѣчно апатичныі, медлительныі, черезъ край осторожныі и предусмотрительныі, а главное, всегда нерѣшительныі Куропаткинъ, вмѣсто того, чтобы немедленно приступить къ дѣйствіямъ, терялъ драгоцѣнное время „**полета фортуны**“ и занимался статистикоі. Онъ прекрасно понималъ, что ему придется приступить къ одноі изъ единственно возможныхъ въ этомъ случаѣ операціі, но колебался, такъ какъ не зналъ какую изъ этихъ операціі предпочесть съ меньшимъ рискомъ и съ большимъ шансомъ на успѣхъ. Затѣмъ, рѣшивъ остановиться на первоі, на наступленіи противъ Куроки, Куропаткинъ сталъ подсчитывать тѣ силы, съ которыми ему слѣдовало обрушиться на армію Куроки.

По его мнѣнію для успѣха операціи противъ Куроки силъ **семнадцатаго** корпуса, дивизіи Орлова и бригады 71-ой дивизіи, всего 42.000 человѣкъ, противъ 18.000—Куроки, бывшаго въ то время безъ артиллеріи, было недостаточно. И, дабы собрать для этой операціи не менѣе 75.000 человѣкъ, теряетъ невознаградимое никакою численностью драгоцѣнное время 18-го и 19-го августа.

Для атаки арміи Куроки Куропаткинымъ былъ принятъ слѣдующій планъ:

I, III, X и XVII корпуса развертываются на линіи Копи-Янтай-Сыквантунь, подъ личнымъ начальствомъ Командующаго Арміей и, сдѣлавъ захожденіе лѣвымъ плечомъ, атакуютъ Куроки, отбрасывая его къ рѣкѣ Тайдзыхэ.

Въ это время Зарубаевъ со **вторымъ** и **четвертымъ** корпусами оборонятъ основную Ляоянскую позицію.

Во исполненіе этого плана въ ночь съ 18-го на 19-ое августа I, III и X корпуса снимаются съ позицій и въ суматохѣ ночью безъ сна и отдыха, по дурнымъ дорогамъ послѣ ливня, подавленные духовно, вслѣдствіе новаго отступленія послѣ одержанной ими несомнѣнной побѣды, переправляются черезъ рѣку на правый берегъ ея.

Въ мирное время съ академическихъ кафедръ и на страницахъ военной печати мы очень любимъ повторять изрѣченіе Наполеона, что на войнѣ моральный элементъ относится къ матеріальному, какъ 3:1. Этотъ афоризмъ стоитъ эпиграфомъ ни на одномъ десяткѣ изслѣдованій о войнѣ. Но, заучивъ его какъ посредственные школьники, они, гнавшіе духъ творческій, свободный, сильный и оригинальный, во всемъ, что нарушало сладкій ихъ покой и ихъ самообольщеніе, не выработали въ себѣ умѣнія руководить этимъ афоризмомъ на войнѣ. Они упустили изъ виду, что каждый шагъ назадъ съ позиціи хотя-бы и дурной на лучшую, на болѣе сильную, есть шагъ не къ побѣдѣ, а къ пораженію, въ особенности, если и на первой позиціи войска чувствовали себя побѣдителями. Конечно, и рѣчи быть не можетъ, что окопы и рвы передовой Ляоянской позиціи были несравненно слабѣе основной оборонительной линіи, но ихъ неглубокіе рвы и невысокіе валы стали сильны воодушевленіемъ войскъ и, это было чудомъ,—ихъ сила не убывала, а росла въ теченіе двухъ дней, съ каждымъ часомъ Ляоянской битвы. **Духъ сильнѣе бэтона**—этого и не понималъ Куропаткинъ. Линія фортовъ, построенныхъ генераломъ Величко, манила къ себѣ его теоретическій умъ, и онъ страшился обвиненія въ нарушеніи правилъ военнаго искусства, которыя вычиталъ въ книжкахъ, а не въ сердцахъ солдатъ.

Пусть назовутъ меня **„старовѣромъ“**, но я смѣю думать, что если Куропаткинъ дѣйствительно желалъ **„погнать“** японцевъ 20-го, ему не слѣдовало въ ночь на 19-ое отводить войска съ передовыхъ позицій на форты и тѣмъ вызывать реакцію въ духѣ войскъ. А вѣдь только этой реакціей, неизбѣжно наступающей послѣ высокаго подъема силъ и духа, и можно объяснить вялыя дѣйствія **перваго** корпуса, направленнаго къ Янтаю на поддержку дивизіи Орлова.

Говорятъ, на одной телеграммѣ 19-го августа утромъ Куропаткинъ положилъ такую резолюцію: **„Сегодня подготовляться, завтра сближаться, послѣзавтра атаковать“.**

Куропаткинъ, видимо, хотѣлъ подражать Суворову, сказавшему подъ Измаиломъ: **„Сегодня молиться, завтра учиться, послѣзавтра побѣда или славная смерть“!**

Но сопоставляя эти двѣ формулы, раздѣленныя цѣлымъ вѣкомъ, мы можемъ и здѣсь видѣть какъ далекъ былъ ученикъ отъ **„великаго учителя“.**

Формула Суворова полна внутренняго духовнаго смысла и содержанія. Въ ней вылилось вполнѣ опредѣленное рѣшеніе: **побѣдить** или **славно умереть.** Резолюція Куропаткина бездушна: она опредѣляетъ только механическія дѣйствія, но не содержитъ указаній на конецъ, вѣнчающій все дѣло. И въ то время, какъ Суворовъ свою программу штурма Измаила проводилъ въ сознаніе каждаго бойца, объявивъ ее войскамъ, Куропаткинъ дѣлалъ изъ своей резолюціи секретъ, извѣстный только немногимъ.

Зато и результаты были столь противоположны.

Вслѣдствіе крайняго утомленія нашихъ войскъ и необходимости разсортировать части войскъ, перемѣшавшіяся во время ночного движенія, наступленіе противъ арміи Куроки могло начаться **лишь 20-го августа.**

Но покуда Куропаткинъ колебался и рѣшался, составлялъ планъ атаки и расписывалъ свои диспозиціи, японцы не дремали.

Безвыходно-критическое положеніе Куроки на правомъ берегу Тайдзы улучшилось настолько, что уже 19-го, имѣя въ своемъ распоряженіи не болѣе 20.000 человѣкъ, онъ опять предупреждаетъ Куропаткина и самъ переходитъ въ наступленіе. Оттѣснивъ передовые отряды **семнадцатаго** корпуса, японцы открыли огонь, продолжавшійся весь день. Однако, рискнувъ наступать, Куроки не смѣетъ двигаться впередъ, поджидая къ себѣ гвардейскую резервную бригаду, переправившуюся 18-го у Бензиху и двигавшуюся на Янтай. Какъ извѣстно, она была задер-

жана въ этомъ движеніи отрядомъ Любавина и втянулась въ бой до 5 часовъ дня 19-го августа.

Къ 20-му августа отрядъ Куроки состоялъ изъ: **двѣнадцатой** дивизіи у Санцагоу, **одной** бригады 2-ой дивизіи у Хванктфена и гвардейской **резервной бригады** на полъ пути между Бензиху и Копи-Янтаи, всего 26 баталіоновъ или около 26.000 человѣкъ. Остальныя войска арміи Куроки были еще на лѣвомъ берегу Тайдзы: гвардейская дивизія у Яючи, вторая бригада 2-ой дивизіи у Каквантуна.

У Куропаткина къ этому времени было въ распоряженіи: XVII-ый корпусъ у Цофангоу, 35-ая дивизія на Сыквантунской позиціи, 54-ая дивизія Орлова южнѣе Копи-Янтаи всего 60 баталіоновъ или около 15.000 человѣкъ. Кромѣ I, III и X корпусовъ, уже стоявшихъ у Ляояна на правомъ берегу Тайдзы, а также конницы Мищенко и Самсонова и отряда Любавина.

Съ наступленіемъ сумерокъ съ 19-го на 20-ое августа японцы открыли огонь и двинулись въ атаку на Нѣжинскую высоту у д. Сыквантунь. Будучи два раза отбиты, они повели третью атаку и, наконецъ, овладѣли этой высотой около полуночи. Вслѣдствіе этого Начальникъ 35-ой дивизіи отвелъ на развѣтъ всѣ войска праваго участка къ д. Сахетунь.

Такимъ образомъ, Сыквантуньская позиція, предназначенная служить точкой опоры праваго фланга арміи Куропаткина и осью захожденія ея лѣвымъ плечомъ, была потеряна. **„Умѣя танцовать только отъ печки“**, ввиду неожиданно нарушеннаго росписанія, наши начальники, не взирая на подавляющее численное превосходство силъ, растерялись и стремятся не къ разбитію непріятеля какимъ бы то ни было путемъ, а выбиваются изъ силъ во что-бы то ни стало возстановить въ точности нарушенное росписаніе.

Поэтому командиръ XVII-го корпуса приказываетъ снова непремѣнно овладѣть Нѣжинской высотой, занятой шестью баталіонами японцевъ (бригада 2 дивизіи). Ему для этого оказывается мало силъ корпуса и онъ предлагаетъ дивизіи Орлова къ 5 час. дня поддержать атаку его корпуса наступленіемъ на Хванкуфенъ.

Прибывшій авангардъ X-го корпуса Куропаткинъ тоже посылаетъ на помощь войскамъ, назначеннымъ для овлядѣнія Сыквантунской Нѣжинской высоты. Въ общемъ для атаки этой Нѣжинской высоты собрали 20 баталіоновъ. И это противъ 6 баталіоновъ японцевъ, занявшихъ эту злополучную **„Нѣжинскую высоту“**, эту, предположенную Куропаткинымъ по росписанію, ось.

0
4 версты
Р. Тайцзы
Мафынтай
IV Сиб. к.
Ляоянъ
Сахутунь
Сыкванътунь
Каньванъ
Ленгтоуванъ
Сакань
II Сиб. к.
Матытунь
Падяканцзы
III Сиб. к.
Цофантунь
Кавлицзы
Сяонисы
ШАХЭ
Н О Д З У
О К У
Тханптинъ
Улунтай

I, III и X корпуса выступили отъ Ляояна во всемъ согласно диспозиціи и продвигались къ полю сраженія. 54-ая дивизія Орлова, въ 8 час. утра начала наступать къ югу отъ Янтайскихъ копей, имѣя въ виду полученное приказаніе содѣйствовать XVII-му корпусу въ предстоящей къ 5 час. дня атакѣ Сыквантунской Нѣжинской высоты.

Около часу дня взаимная группировка силъ на восточномъ фронтѣ была для насъ чрезвычайно благопріятна. Положеніе Куроки можно было признать отчаяннымъ и безнадежнымъ. Еще-бы.

Противъ 6-ти японскихъ баталіоновъна Сыквантунской позиціи было нацѣлено 20 баталіоновъ генерала Добржинскаго. За ними въ 3-хъ верстахъ находились главныя силы X-го корпуса у Тудангоу. Лѣвѣе у Сахетуня стоялъ Зарайскій полкъ (1 баталіона), правѣе—отрядъ генерала Янжула (16 бат.). Такимъ образомъ, въ раіонѣ Сыквантуня со стороны японцевъ было **6 баталіоновъ** съ нашей же стороны—**37 баталіоновъ**

Двѣнадцатая японская дивизія была на высотахъ у Сацогоу, туда же съ востока подошла гвардейская резервная бригада. Всего тамъ собралось **20 баталіоновъ**. Противъ нихъ мы имѣли: 54-ю дивизію Орлова, къ югу—отъ Фаншина (16 бат.). Отряды Самсонова и Орбельяни и **первый** Сибирскій корпусъ 18 бат. у Фаншигоминя. **Всѣго 34 бат. 28 сот.**

Кромѣ этого мы еще имѣли въ общемъ резервѣ **третій** корпусъ, находившійся у Чжансутуня, въ 2-хъ часахъ отъ поля битвы, и конный отрядъ Мищенко. Резервъ силою въ **18 бат 25 сот.**

Въ общемъ къ **часу** дня мы имѣли на полѣ сраженія подавляющій численный перевѣсъ надъ противникомъ. Планъ атаки арміи Куроки хорошо задуманный, хотя и очень запоздавшій и дурно приводившійся въ исполненіе, все таки осуществлялся. Оставалось только рѣшительно ударить и армія Куроки не избѣжала-бы катастрофы. Но ударить то долженъ былъ никто иной, какъ Куропаткинъ... И онъ ударилъ.

Произошла такая каша, что вообразить себѣ трудно и тяжело о ней разсказывать: мы цѣлый день толкались о Нѣжинскую высоту, а главную цѣль,--разбитіе Куроки съ его **двѣнадцатой** дивизіей и резервной бригадой, упустили. Произошло нѣчто, чего и самъ Куропаткинъ не ожидалъ.

Къ ночи 20-го августа наши 5 корпусовъ находились на фронтѣ **Лилінгоу—Эрдагоу, двѣ съ половиной** дивизіи же Куроки-занимали высоты отъ Сыквантуня до Янтайскихъ копей.

Такимъ образомъ, фронтъ японцевъ былъ гораздо длиннѣе нашего и потому первоначальный планъ захожденія лѣвымъ пле-

чомъ съ цѣлью взять непріятеля во флангъ, не могъ уже быть выполненъ. Теперь Куроки занималъ Янтайскую позицію, сѣлъ у насъ на флангѣ и, яко-бы, угрожалъ пути отступленія на Мукденъ. Все это, конечно, не исключало дальнѣйшихъ операцій, такъ какъ у насъ было подавляющее преимущество въ силахъ, а оборона Зарубаевымъ Ляояна шла настолько успѣшно, что, въ этомъ отношеніи, можно было не опасаться за будущее.

Куропаткинъ, очевидно, отъ неожиданности окончательно растерялся и уже не соображалъ, что слишкомъ растянутый фронтъ отряда Куроки отъ Сыквантуня до Янтая, собственно говоря, и былъ его слабымъ мѣстомъ, такъ какъ былъ тонокъ и разумѣется, подвергался въ любой его точкѣ стратегическому прорыву съ угрозою разбитія по частямъ.

Но, такъ какъ Куропаткинъ все время боялся различныхъ обходовъ со стороны противника,—даже численно слабаго, то и въ этотъ разъ, онъ предпочелъ отступленіе на Мукденъ.—Оно и лучше: и болѣе спокойно, и менѣе опасно, ибо преслѣдованія со стороны слабаго Куроки онъ, конечно, не боялся.

21-го августа наши 5 корпусовъ готовились къ отступленію и занимали арьергардами позиціи, Куроки-же, имѣя въ своемъ распоряженіи всего **только двѣ съ половиною дивизіи**, безсиленъ былъ не позволить намъ совершить образцовое отступленіе **„безъ трофеевъ“**. Самъ Куропаткинъ послѣ дѣла у Сыквантунскихъ высотъ т. е. съ вечера 20-го августа по 23-е число находился въ **„безвѣстной отлучкѣ“**.

22-го августа изъ Харбина въ Мукденъ спѣшно прибылъ Главнокомандующій — намѣстникъ въ тревогѣ за участь генерала Куропаткина. И только 23-го августа, послѣ обѣда, когда увидѣли въ Мукденѣ генералъ-квартирмейстера Харкевича, всѣ вздохнули свободно: Командующій арміей, очевидно, нашелся.

Объ этомъ отступленіи **„безъ трофеевъ“** потомъ много говорилось и писалось. За это отступленіе Куропаткина восхваляли, словно побѣдителя. Но тѣ, кто отступалъ, свидѣтельствуютъ, что Куропаткину и его штабу они ничѣмъ, ни единымъ сухаремъ, не обязаны.

Спокойное отступленіе, безъ катастрофы, обезпеченно было нашимъ войскамъ генераломъ Зарубаевымъ и упорнымъ боемъ нашихъ войскъ подъ Ляояномъ и за Ляояномъ, да еще слабымъ силамъ отряда Куроки.

Такъ печально окончилось, это дѣло, сулившее еще въ часъ дня 20-го августа, столь блестящій успѣхъ.

И слѣдуетъ считать пустой, фальшивой фразой заключительныя строки телеграммы Куропаткина въ Петербургъ, что „**въ настоящее время армія расположилась подъ Мукденомъ, провела спокойно нѣсколько ночей, обезпечена довольствіемъ и—готова къ новому бою.**

Нѣтъ, армія не была готова къ новому бою: ея духъ былъ надломленъ, неоправдавшейся надеждой на побѣду—и неоправдавшейся не по ея винѣ. Ея вѣра въ своего вождя была подорвана и многіе уже тогда сознавали свое заблужденіе относительно полководническихъ талантовъ Куропаткина. Всѣ искали виновника неудачъ и спорили съ горечью, со злобою и раздраженіемъ. Были случаи даже самоубійствъ и психическаго разстройства.

Виновный же былъ одинъ: это тотъ, кто въ своемъ самомнѣніи держалъ въ своихъ неумѣлыхъ и нерѣшительныхъ рукахъ всѣ нити кампаніи. Но онъ не хотѣлъ въ этомъ сознаться, и дѣлалъ все, чтобы сложить свою вину на другихъ и не дать правдѣ обрисоваться въ ея возмутительной наготѣ.

Полковника Н., пославшаго, въ припадкѣ нервнаго возбужденія, со ст. Янтаи телеграмму въ Петербургъ о томъ, что надо смѣнить Куропаткина, разславили и объявили сумасшедшимъ.

Генерала Орлова, обвинявшагося въ томъ, что его 54-ая дивизія, будто-бы, бѣжала съ поля битвы, отрѣшили отъ командованія, но оставили при арміи, чтобы онъ въ Петербургѣ не сталъ оправдываться и не раскрылъ глаза на дѣйствительность.

Однако, надо сказать, что въ Ляоянскомъ дѣлѣ, руководимомъ все время исключительно только Куропаткинымъ, полководническіе таланты его вырисовались и опредѣлились съ необыкновенной яркостью и полнотой. Было наглядно доказано, что какого бы высокаго качества и достоинства не были войска ввѣрены командованію его, и при какихъ бы выгодныхъ тактическихъ и стратегическихъ условіяхъ имъ не пришлось дѣйствовать подъ его руководствомъ, Куропаткинъ оказывался способнымъ водить ихъ только къ пораженіямъ.

„**Канъ второе лицо ты, Алексѣй Николаевичъ, хорошъ, но да хранитъ тебя Богъ браться когда нибудь за командованіе, ты нерѣшителенъ, у тебя нѣтъ воли, тебя всякій собьетъ и ты никогда, даже хорошо задуманнаго плана не доведешь до конца**“.

Эти слова оказались, къ сожалѣнію, пророческими словами нашего славнаго и незабвеннаго „**Бѣлаго генерала**“.

Командующій Манчжурскою арміей.
Генералъ-Адъютантъ
Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ.

ГЛАВА XIV.

Подъ Мукденомъ. Шахэ. Назначеніе Куропаткина главнокомандующимъ. Бездѣйствіе.

Огромное напряженіе силъ, вызванное цѣлой серіей Ляоянскихъ боевъ, было причиною почти мѣсячнаго перерыва въ военныхъ дѣйствіяхъ. За это время къ нашей арміи прибыли **первый** армейскій и **шестой** сибирскій корпуса. Убыли въ полкахъ укомплектовались и къ 19-му сентября наша армія состояла изъ 9-ти корпусовъ. **Всего 268 бат 143 эск. и сотенъ, 862 орудія и 32 пулемета.** Боевая численность ея доходила до **220.000 чел.** и **862** орудій.

Японскій главнокомандующій тоже получилъ значительныя подкрѣпленія въ видѣ нѣсколькихъ резервныхъ бригадъ и 8-ой дивизіи. Его армія насчитывала 160 бат., 49 эск. и 612 ор. Боевая численность японцевъ доходила до **170.000** чел. и **612**-ти орудій.

Когда у насъ улеглось возбужденіе, причиной котораго были неудачи операцій Куропаткина противъ Куроки и отступле-

ніе отъ Ляояна, вопросы: что-же дальше? къ чему готовится? возникли сами собой.

Куропаткинъ все время обѣщаль начать наступленіе, разбить армію Оямы и освободить отъ осады Портъ-Артуръ.

Понимая, что эта задача далеко не по плечу талантамъ нашего полководца, многіе, однако, вѣрили, страстно желали вѣрить этому.

Посмотримъ на что-же былъ употребленъ этотъ мѣсяцъ перерыва въ смыслѣ подготовки нашей арміи къ наступленію.

Опять, какъ раньше въ Ляоянѣ, теперь въ Мукденѣ слышалось по утрамъ куропаткинское:

„Здорово, молодцы! Надѣюсь, братцы, постараетесь“!

— Рады стараться!.. Постараемся!—кричали „братцы“, потные, запыленные и навьюченные, по прежнему, какъ мулы.

Гяжело и больно становится думать объ этихъ ихъ обѣщаніяхъ Куропаткину: „**постараться**“ умереть, въ возможно большемъ количествѣ, безъ всякой надежды на славную побѣду, на выручку братьевъ въ далекомъ Портъ-Артурѣ.

Были составлены самимъ Куропаткинымъ и затѣмъ разосланы въ войска „**Указанія начальникамъ частей арміи до ротнаго и сотеннаго командира включительно и всѣмъ начальникамъ штабовъ**“.

Эти „**Указанія**“, которыя, остроумно, кто-то назвалъ „**тактической таблицей умноженія**“, не представляли никакой практической цѣнности, но зато онѣ были любопытны и характерны въ другомъ отношеніи.

Первая частъ ихъ, **лирическая**, содержала прежде всего признаніе, что мы „**отстояли занятыя нами позиціи у Дашичао, Ляндясаня и особенно геройски, какъ передовыя, такъ и главную подъ Ляояномъ**“.

Спрашивается: какимъ же образомъ мы очутились подъ Мукденомъ?

Объясненіе этого содержится въ слѣдующихъ строкахъ „**Указаній**“.

„Основною причиною нашихъ неудачъ я признаю непринятіе **нами** мѣръ къ раскрытію силъ и расположенія противника, поэтому **мы** наносили удары ему недостаточно и терпѣли неудачи. Не принимая въ расчетъ воли противника, **мы** рѣшали направленіе главнаго удара слишкомъ заблаговременно. Были случаи, что **мы**, не зная расположенія противника, расписывали войска по мелкимъ колоннамъ до баталіоновъ включительно. Въ другихъ случаяхъ **мы** дѣйствовали безъ опредѣленнаго плана...“.

Ко всему этому слѣдовало бы Куропаткину добавить: что никогда не зная ни силъ противника, ни его намѣреній, **мы** всегда боялись всякихъ обходовъ со всѣхъ сторонъ. Что **мы** въ теченіе всей компаніи главное наше вниманіе обращали не на армію противника, а на нашъ тылъ и, безъ всякихъ причинъ, дрожали за нашу коммуникаціонную линію.

Что **мы** во всѣхъ случаяхъ и всегда были нерѣшительны, а потому и запаздывали въ выполненіи даже хорошо задуманныхъ операцій.

И все это надлежало написать **не отъ имени перваго лица множественнаго числа, а отъ имени перваго лица единственнаго числа.** Такъ какъ въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это отъ Куропаткина, какъ отъ полководца, зависѣло „**принятіе мѣръ къ раскрытію силъ, и расположенія противника**"; вѣдь это онъ создаетъ „**опредѣленный планъ атаки и проводитъ его въ сознаніе войскъ**" вѣдь это онъ долженъ „**принимать въ расчетъ волю противника**" и „**своевременно рѣшать направленіе главнаго удара**". Вѣдь это онъ же росписывалъ войска „**по мелкимъ колоннамъ до баталіоновъ включительно, не зная расположенія противника и его намѣреній**", вѣдь это онъ заставлялъ ихъ дѣйствовать „**безъ опредѣленнаго плана**"; вѣдь это, наконецъ, онъ, а не они, войска, отстоявшіе позиціи у Дашичао, Ляндясаня и Ляояна, проявлялъ „**мало упорства въ достиженіи поставленной задачи**", отказываясь отъ успѣха передъ призракомъ неудачи.

Отдавая себѣ съ полной откровенностью отчетъ въ причинахъ нашихъ неудачъ при наступленіи, не скрывая сдѣланныхъ ошибокъ, авторъ „**Указаній**" шлетъ, однако, свои обвиненія не по точному адресу и старается спрятать себя за спину своей арміи.

Вотъ до чего можетъ довести зазубриваніе книжныхъ истинъ при отсутствіи способностей воспользоваться услугами ихъ на дѣлѣ. Куропаткинъ отлично знаетъ, какъ онъ долженъ поступить въ томъ и другомъ случаѣ, но не можетъ и не умѣетъ поступить. И точно школьникъ, вызубрившій „**тройное правило**" и неумѣющій рѣшить самую простую задачу на это же правило, спѣшитъ свалить свою неудачу на другихъ. У него всѣ виноваты: и мѣшающіе шумомъ товарищи, и учитель, и даже само „**тройное правило**". Одинъ онъ не виноватъ, такъ какъ отлично знаетъ теорію.

Вторая часть „**Указаній**" состоитъ изъ „**уроковъ прошлаго**" и по параграфамъ содержитъ перечень самыхъ элементарныхъ, азбучныхъ правилъ по тактикѣ.

Чтобы не утомлять васъ этими выписками изъ любой „справочной книжки по тактикѣ", я скажу только, что эти „**куропат-**

кинскія указанія" лишены всякой искры творческаго таланта, въ нихъ не чувствуется вдохновенія мастера и что **„уроки прошлаго"** преподаны имъ съ добросовѣстностью посредственнаго учителя, безжизненно и сухо.

Другою заботою при подготовкѣ арміи къ наступленію было снабженіе ее картами раіона предстоящихъ военныхъ дѣйствій.

Карты мѣстностей южнѣе Ляояна у насъ были: ихъ приказалъ составить еще за два года до войны генералъ Холщевниковъ, но раіонъ между Ляояномъ и Мукденомъ освѣщенъ былъ плохо и съемками этаго раіона пришлось заняться только теперь. Издано было двѣ карты: одна—съ помѣткой: **„исправлена по японскимъ источникамъ"**. Другая—**„Штабная"** нѣсколько даже илюминованная: синія рѣки, черныя дороги и деревни и коричневыя горизонтали горъ. На этой значилось: **„изданіе второе исправленное и дополненное Управленіемъ Генералъ-Квартирмейстера къ 9-му сентября 1904 года"**.

Всѣ недостатки этой карты сказывались очень рельефно. На ней былъ рядъ черныхъ вертикальныхъ линій съ сѣвера на югъ и ни одной горизонтальной; боковыя дороги, соединяющія магистральныя направленія между собою, образуя такимъ образомъ сѣть дорогъ, нанесены на эту карту не были.

Какъ то итальянскій военный агентъ Камперіо, находясь въ д. Хаолинзы, захотѣлъ сократить себѣ путь въ Мукденъ, для чего прибѣгъ къ помощи этой карты, но оказалось, что она помочь ему въ этомъ дѣлѣ не можетъ. А между тѣмъ проводники китайцы увѣряли его, что можно значительно сократить путь и въ одинъ день добраться до Мукдена. Камперіо послушалъ проводниковъ—и не раскаялся. Черезъ 6 часовъ ѣзды по дорогамъ, не нанесеннымъ на нашу карту, онъ былъ уже въ Мукденѣ. Но все это вздоръ сравнительно съ той **„услугой"**, какую эта карта оказала при наступленіи 3-го корпуса генерала Иванова къ Бензиху. Слѣдуя указаніями ея, онъ уперся въ непроходимые горные массивы и долго не могъ изъ нихъ выбраться. Между тѣмъ планъ наступленія нашей арміи, въ которомъ своевременное занятіе 3-мъ корпусомъ Бензиху имѣло существенное для успѣха значеніе, былъ нарушенъ и потому вся операція окончилась неудачей.

Мы, однако, знаемъ, что Куропаткинъ, будучи тогда еще военнымъ Министромъ, въ 1903 году пріостановилъ работы генерала Холщевникова по освѣщенію и исправленію генеральныхъ картъ всей Манжуріи 20 и 40 верстнаго масштаба, находя болѣе важнымъ и спѣшнымъ выполнить эти работы въ раіонѣ р. Амура.

Такова была уже и тогда прозорливость нашего Военнаго Министра и будущаго полководца!

Въ чемъ же еще выражалась подготовка наступленія?

По приказанію Куропаткина священникъ о. Сергій объѣзжалъ корпуса и произносилъ рѣчи.

„Не забудьте", говорилъ онъ, „что здѣсь, на горахъ и поляхъ Манчжуріи, честь нашей родины, если свято исполните присягу. Но здѣсь и наше горе и позоръ, если уклонитесь отъ долга"...

Но развѣ они раньше уклонялись отъ долга и не жертвовали своими жизнями? Это-ли напоминаніе было нужно нашимъ **„чудо-богатырямъ"!**

Свой долгъ передъ Царемъ и Родиной они помнили и исполнили. Божью милость они заслужили своими трудами и кровью.

Имъ нужны были хорошія карты, шимозы, легкая ноша за спиной, все, что было у врага и чего не было у нихъ.

Имъ нуженъ былъ вождь—близкій къ нимъ, прозорливый, смѣлый, сильный духомъ...

А его-то и не было.

Обыденный умъ, робкій, безхарактерный, порабощенный теоретическими знаніями и мелочами жизни, смущаемый постоянно сомнѣніями и холодное сердце управляли ими раньше изъ Ляояна, теперь изъ Мукдена, а позже будутъ управлять изъ Чансямутуня.

Послѣ описанной выше подготовки нашей арміи къ наступленію, 21-го Сентября началось само наступленіе, носящее названіе, **„бои на р Шахэ"**. Я не стану подробно останавливаться на описаніи этихъ боевъ и послѣдующихъ при Сандепу и Мукденѣ, такъ какъ эти бои не дали намъ ничего новаго, въ смыслѣ обрисовки полководнической личности Куропаткина. Та же беззавѣтная храбрость русской арміи и та же тактика и стратегія нашего Полководца, показавшія, что **„уроки прошлаго"**, остались совершенно не использованы имъ. Передъ переходомъ въ наступленіе, о которомъ Куропаткинъ возвѣстилъ всему міру, онъ разработалъ свой наступательный планъ въ предположеніи, что японцы будутъ ждать его на своихъ позиціяхъ, въ окопахъ, а онъ будетъ свободно маневрировать. Онъ, очевидно, мѣрялъ ихъ на свой аршинъ—пассивной обороны.

А они взяли да и проявили активную оборону: сами 28-го сентября перешли въ наступленіе, и этимъ совершенно испортили весь планъ Куропаткина, захвативъ опять въ свои руки инициативу дѣйствій. Опять Куропаткину пришлось отвести свою

армію на линію Шахэ и стать въ положеніе обороняющагося.

Для наступленія Манжурская армія была Куропаткинымъ раздѣлена на 3 группы:

1) **Западная—отрядъ Бильдерлинга** (X и XVII корпуса) долженъ былъ демонстративно наступать по Мандаринской дорогѣ и привлечь на себя вниманіе арміи Оку.

2) **Восточная—отрядъ Штакельберга** (I, II и III и часть V-го Сибир. корпусовъ), долженъ былъ обойти правый флангъ японцевъ въ направленіи на Бензиху и атаковать противника, направляя ударъ вдоль рѣки Тайдзыхэ.

3) **Общій резервъ Зарубаева** (I Арм. и IV Сиб. корпуса) долженъ былъ слѣдовать въ одномъ переходѣ за интерваломъ между Западнымъ и Восточнымъ отрядами.

Конный отрядъ Мищенко долженъ былъ поддерживать связь между Восточнымъ и Западнымъ отрядами, прикрывая промежутокъ между ними и идти въ направленіи къ Янтайскимъ копямъ.

VI-ой Сибир. корпусъ былъ сосредоточенъ за правымъ флангомъ Западнаго отряда и былъ въ непосредственномъ распоряженіи Куропаткина.

V-ый Сиб. корп. Дембовскаго охранялъ правый флангъ арміи и долженъ былъ наступать внизъ по правому берегу р. Хуньхэ.

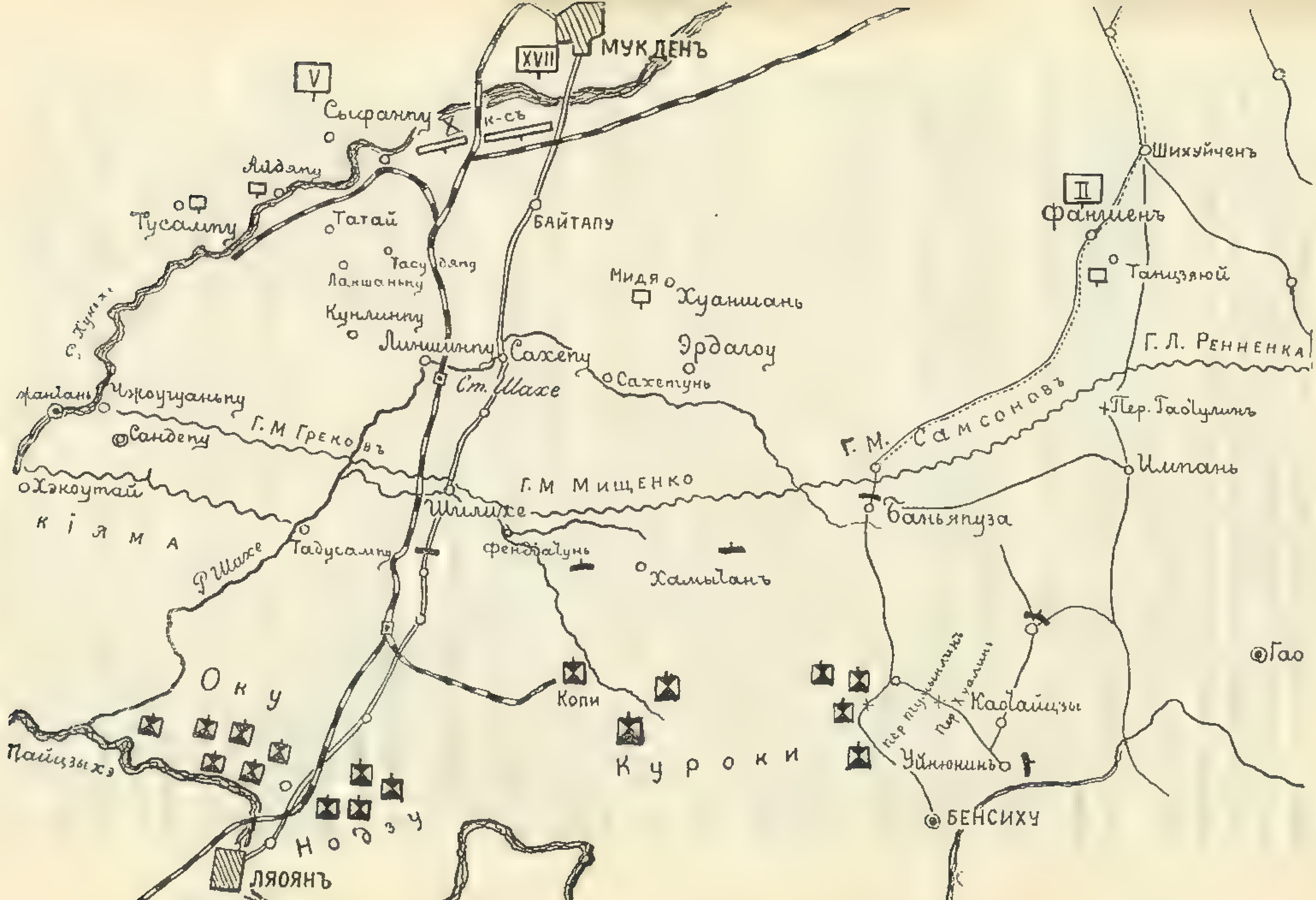
Такимъ образомъ, главный ударъ предполагалось направить на правый флангъ японцевъ, т. е. со стороны Восточнаго отряда.

Взглянемъ теперь насколько эта основная идея, выработаннаго Куропаткинымъ наступательнаго плана, соотвѣтствовала обстановкѣ.

Пространство вдоль мандаринской дороги и къ Западу отъ нея представляло равнину, весьма удобную для маневрированія большими массами и для дѣйствій нашей прекрасной и многочисленной кавалеріи. Къ Востоку мѣстность была чрезвычайно гориста и весьма удобна для упорной обороны, а не наступленія. Поэтому Куропаткину, при бывшемъ численномъ соотношеніи силъ, легче было при наступленіи одержать побѣду въ западной части театра, чѣмъ въ восточной.

Организація нашей арміи была приноровлена значительно въ большей степени къ дѣйствіямъ на равнинѣ. Поэтому основная идея плана не соотвѣтствовала также и свойствамъ нашей организаціи.

Идея эта не соотвѣтствовала и стратегической обстановкѣ: единственная наша коммуникаціонная линія пролегала въ западной, равнинной части театра. Направляясь для главнаго удара въ горы, къ Бензиху, Восточный отрядъ удалялся отъ своихъ сооб-



МУКДЕНЪ
XVII
V
к-съ
II
Шихуйченъ
БАЙТАПУ
Татай
Ланшаньпу
Кунлинпу
Сахепу
Мидя
Хуаншань
Эрдагоу
Сахетунь
Ст. Шахе
Г. Л. РЕННЕНКА
Пер. Габулинъ
Г. М. Самсоновъ
Импань
Г. М МИЩЕНКО
Шилихе
Хамытанъ
Тадусанпу
Кiяма
Р. Шахе
Г. М Грековъ
Сандепу
Хэкоутай
Тусанпу
Оку
Копи
Куроки
Пайцзыхэ
Нодзу
ЛЯОЯНЪ
БЕНСИХУ
Гао

щеній и во время самой операціи, какъ говорится, висѣлъ на воздухѣ. Конечно, лѣвый флангъ японцевъ въ стратегическомъ отношеніи былъ значительно важнѣе праваго, т. к. за нимъ находилась коммуникаціонная линія японцевъ, рѣка Ляохэ съ базою у Инкоу и желѣзная дорога.

Такимъ образомъ, все говорило за то, что Куропаткину надлежало главный ударъ направить по равнинѣ на лѣвый флангъ Ойямы, а не на правый—по трудно доступнымъ горамъ.

Разработка невѣрнаго по самой идеѣ плана была тоже не удовлетворительна:

I-ый и II-ой Сибирскіе корпуса въ предыдущемъ все время дѣйствовали преимущественно въ равнинной части театра, а X-ый —въ горахъ. Теперь I и II корпуса были назначены въ горы, а X-ый на равнину.

Генералу Штакельбергу, уже нѣсколько разъ разбитому, ввѣрялся Восточный отрядъ, съ самой отвѣтственной задачей; генералъ-же Зарубаевъ, герой Дашичао и Ляояна, со своимъ IV-мъ корпусомъ былъ назначенъ въ резервъ.

Армейскій резервъ изъ **трехъ** корпусовъ былъ слишкомъ великъ. Эшелонированіе войскъ въ глубину ослабляло ударъ и вело къ пораженію ихъ по частямъ.

Ширина фронта наступленія доходила до 50-ти верстъ и была опасна, въ смыслѣ стратегическаго прорыва, въ особенности, для Восточнаго отряда.

Ойяма быстро оцѣнилъ всѣ эти недостатки Куропаткинскаго плана и расположилъ свои арміи въ ожиданіи наступленія слѣдующимъ образомъ:

Первая армія Куроки расположилась отъ Кои до Бензиху у Туменлинскаго перевала и Янтайскихъ копей.

Четвертая армія Нодзу къ Югу отъ Янтайскихъ копей.

Вторая армія Оку по лѣвую сторону Мандаринской дороги, къ сѣверу отъ Ляояна.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ наши войска должны были двигаться, разбросанными на громадномъ пространствѣ, Ойяма держалъ всѣ силы сосредоточенными въ своихъ рукахъ.

21-го сентября началъ наступать Восточный отрядъ, а 22-го Западный.

Опасаясь прорыва японцевъ между Западнымъ и Восточнымъ отрядами, Куропаткинъ выдвинулъ въ этотъ промежутокъ **четвертый** корпусъ Зарубаева.

Къ вечеру 27-го сентября Маньжурская армія находилась въ слѣдующихъ пунктахъ:

Западный отрядъ — на рѣкѣ Шелихэ отъ Фендіатуня до устья

Отрядъ Зарубаева у Хаметана.

Восточный отрядъ на Туменлинскомъ и Хуанлинскомъ перевалахъ.

Общій рѣзервъ у Ліофантуня и Куанлипу.

Отрядъ Дембовскаго (V корпусъ) у Сыньтайдзы.

28-го сентября Оіяма перешелъ въ наступленіе и заставилъ наши отряды обратиться къ оборонѣ.

Въ 6 ч. утра бой загорѣлся по всему фронту. Японцы огромными массами устремились въ промежутокъ между Восточнымъ и Западнымъ отрядами, желая прорвать нашъ стратегическій фронтъ, но въ своемъ стремленіи наткнулись на упорную, геройскую защиту этого слабаго нашего пункта **четвертымъ** корпусомъ Зарубаева, который только къ вечеру 30-го сентября отодвинулся къ Эрдагоу.

Въ это время на правомъ флангѣ Западный отрядъ началъ отступать подъ напоромъ арміи Оку; Восточный же истощался въ геройскихъ, но безплодныхъ атакахъ на неприступныя скалы Туменлинскаго и Хуанлинскаго перевалова.

Въ Западномъ отрядѣ 28-го сентября въ 9 ч. утра ясно обозначалось наступленіе Оку на д. Ендоніулу и Яндіаванъ.

Къ 7 ч. вечера японцы бросились въ атаку на д. Яндіаванъ, но были отбиты. Въ центрѣ же имъ удалось занять деревню Ендоніуму. Для выбитія ихъ оттуда было назначено 6 бат. Моршанскаго и Зарайскаго полковъ. Двинувшись въ совершенной темнотѣ по гаоляну и подойдя къ рѣкѣ Шелихэ, они рѣшительно скатились съ полуторасаженнаго обрыва и бросились въ штыки. Японцы открыли огонь, но пули летѣли высоко. Моршанцы ворвались въ деревню съ фронта и Запада. Зарайцы съ Востока. Ошеломленные японцы бросились бѣжать, не разобравъ даже изъ козелъ ружей. Роты дрались исключительно штыками. На утро было насчитано 1000 японскихъ труповъ. Нашихъ выбыло 60 человѣкъ.

Къ утру 29-го сентября обходъ японцами нашего праваго фланга **семнадцатаго** корпуса опредѣлился отчетливо: лѣвая колонна Оку заняла дер. Юзунпу. Однако положеніе Западнаго отряда не было не только критическимъ, оно даже угрожало противнику полнымъ пораженіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ:

На фронтѣ XVII-го и X-го корпусовъ были сохранены всѣ

Мукдэнь
Масштабъ
10 0 10 20 вер.
Р. Хуньхе
Сяохуанди
Синтайцзы
V с.к.
Орбельяни
Кунлинпу
VI с.к.
Далиантунь
Линшинпу
Сахепу
Ламатунь
Хунбоасань
I ар.к
Ліофантунь
Эрдагоу
Ямандапу
Сунцзятай
Цунлунянтунь
Ліутхангоу
Чентхангоу
XVII к.
Грековъ
Я.діавань
Ердоніупу
Шилихэ
X к
Фендіатунь
Хамытанъ
IV
Мау
Падгаза
Миц.
Р. Шахе
О к у
Нодзу
Копи
12
26
К у р о к и
2
Баньяпуза
II с.к.
Имп
I с.к
Саншанцзы
Тумынлинъ
III с.к
Каотайцзы
Уинюнинъ
Ренненк.
Бенсиху
Любавинъ
Рез. бр.
Ляоянъ

позиціи. Противъ обходящей части арміи Оку находились уступомъ за правымъ флангомъ Западнаго отряда:

1) Отрядъ Стаховича ($2^1/_2$ бат. 6 эск. 10 ор.) у дер. Цунляпянтунь.

2) VI-ой Сиб. корп. (24 бат. 80 ор.) у дер. Вандіоноза.

3) Казачья дивизія Грекова у дер. Ямандапу.

4) V-ый Сиб. корп. (18 бат. 48 ор.) у дер. Сипгаїдзы.

5) Бригада Орбильяни у дер. Саохуанди.

Всего противъ лѣвой колонны Оку было **75 бат. 138 ор. и 40 эск.**, тогда какъ во всей арміи Оку, состоящей изъ 3-хъ див. и 3-хъ резерв. бригадъ было всего **45 баталіоновъ.**

Очевидно, что наши части простымъ фронтальнымъ наступленіемъ могли раздавить лѣвое крыло Оку и для этого не надо было никакихъ эволюцій и сложныхъ маневровъ, нужна была только рѣшимость, нужно было только приказаніе двинуться впередъ. Но такого приказанія эти войска не получили, напротивъ, VI-ой корпусъ получилъ напоминаніе свыше, что онъ, составляя армейскій резервъ, можетъ двинуться исключительно только по приказанію Куропаткина. Ввиду этого, на неоднократныя просьбы Стаховича и Грекова поддержать ихъ отряды, а генерала Бильдерлинга—прикрыть его правый флангъ, командиръ VI-го корпуса отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, ссылаясь на полученныя отъ Куропаткина приказанія.

Такимъ образомъ, войска, отъ которыхъ зависѣла безусловно побѣда, благодаря приказаніямъ Куропаткина, сберегались имъ для прикрытія отступленія. Между тѣмъ наступленіе VI-го корпуса до того казалось всѣмъ необходимымъ и естественнымъ, что по распоряженію Бильдерлинга было послано развести костры на томъ мѣстѣ, гдѣ, въ мечтахъ у всѣхъ, долженъ былъ расположиться VI-ой корп. и отсутствіе котораго объяснялось лишь временной задержкой.—Положеніе дѣлъ на фронтѣ Зарубаева не могло въ этотъ день внушать никакихъ опасеній: доблестные сибиряки упорно дрались на своихъ позиціяхъ, а за ними въ армейскомъ резервѣ стоялъ свѣжій **первый** корпусъ.

И такъ, 29-го утромъ побѣда, а съ нею, быть можетъ, и участь всей кампаніи была, внѣ всякаго сомнѣнія, въ рукахъ Куропаткина. Нужна была только рѣшимость отдать соотвѣтствующее, и всѣми рѣшительно понимаемое, приказаніе **шестому** и **пятому** корпусамъ.

Вмѣсто такого приказанія войска получили совершенно другое:

„Западному отряду Бильдерлинга немедленно отступить на главную оборонительную позицію Ліутхангоу-Хунбоосанъ“.

Не сморя на такое приказаніе Куропаткина, Бельдерлингъ, прекрасно понявшій обстановку, рѣшается остаться на своей позиціи и заводитъ переговоры со штабомъ арміи съ просьбой о подчиненіи ему VI-го корпуса.

Въ 5 ч. утра японцы атакуютъ правый флангъ **семнадцатаго** корпуса, но, не смотря на внезапность атаки, она была отбита съ огромнымъ урономъ для японцевъ. Около полудня они снова повторили атаку и опять были отбиты. Лишь къ вечеру, не дождавшись поддержки VI-го корпуса, Бильдерлингъ приказалъ XVII-му корпусу отойти на позиціи, указанныя Куропаткинымъ.

Послѣ этого положеніе X-го и IV-го корпусовъ оказалось выдвинутымъ впередъ, а потому Бильдерлингъ приказалъ отойти X-му корпусу на упомянутую выше позицію, а IV-ой—отошелъ къ Эрдагоу.

30 сентября, какъ уже было сказано, отрядъ Зарубаева отошелъ къ Эрдагоу, а потому Куропаткинъ приказалъ и Восточному отряду Штакельберга отойти къ Бенъяпузѣ.

Такимъ образомъ Манчжурская армія начинала постепенно вытягиваться вдоль рѣки Шахэ.

Приблизительно къ этому времени генералъ Бильдерлингъ получилъ распоряженіе о подчиненіи ему VI-го корпуса. Грубая ошибка, сбереганіе VI-го корпуса для прикрытія отступленія, начинала исправляться только теперь, когда она уже принесла свои плоды, вызвавъ отступленіе XVII-го корпуса, а за нимъ и всего западнаго отряда.

1-го октября маршалъ Ойяма перешелъ въ рѣшительное наступленіе по всему фронту Манжурской арміи, послѣдствіемъ чего былъ рядъ упорныхъ кровавыхъ боевъ и отступленій нашей арміи на рѣку Шахэ.

Въ этихъ бояхъ мы потеряли 45.000 нижнихъ чиновъ.

6-го октября прекратились бои и началось **„Шахэйское сидѣніе“**.

Характеризуя дѣйствія нашей арміи, надо сказать, что онѣ стояли внѣ упрека; войска сражались геройски и отступали только тогда, когда имъ было приказано отступать.

Главная причина неудачи нашего наступленія была все одна и та же: 1) Планъ наступленія не соотвѣтствовалъ обстановкѣ, 2) неумѣлое распредѣленіе войскъ, вслѣдствіе котораго вся тяжесть боевъ упадала на передовые корпуса, а значительная масса арміи держалась для прикрытія отступленія на случай неуда-

чи и 3) неопредѣленность цѣлей, инертность и нерѣшительность полководца.

Стратегія нашего полковóдца здѣсь, какъ и въ Ляоянскоій операціи, опредѣлилась съ необыкновенною, почти скульптурною, выпуклостью:

Неясность цѣлей, колебанія, и нерѣшительность въ достиженіи ихъ и крупныя техническія ошибки въ разработкѣ идей—вотъ тѣ данныя, которыми характеризуются дѣйствія Куропаткина въ этихъ бояхъ и остаются величиною постоянною и до конца войны.

Нельзя, однако, не указать на особенно выдающуюся доблесть, проявленную полками Зарубаева у Хамынтана и Сяуліуходзы, гдѣ они приняли на себя ударъ двухъ японскихъ армій. Подъ твердымъ, талантливымъ управленіемъ Зарубаева, сибиряки стяжали себѣ неувядаемую боевую славу и снова выручили армію изъ труднаго положенія, въ которое она могла попасть, если бы японцамъ удался прорывъ нашего стратегическаго фронта.

Не могу также не указать на одно чрезвычайно характерное распоряженіе Куропаткина, отданное по арміи въ дни боевъ на рѣкѣ Шахэ. Оно гласило: **„Первая Восточно-Сибирская стрѣлковая дивизія производитъ сегодня усиленную рекогносцировку подъ начальствомъ генерала фонъ-деръ Бринкена. Войскамъ арміи поддержать ее демонстраціей по всему фронту арміи безъ огня и потерь“.**

Какъ, однако, слѣдуетъ производить такія мудреныя демонстраціи, въ распоряженіи, къ сожалѣнію, указаній не было. И потому, конечно, со стороны арміи по всему ея фронту ничего и сдѣлано не было.

Вообще руководство операціей наступленія Куропаткинымъ было слабое, такъ какъ если подъ Ляояномъ онъ руководилъ арміей по **„телефону“**, то здѣсь онъ непосредственно руководилъ **баталіонами** и **ротами**. Это была, конечно, другая крайность, какъ и первая.

И результатъ былъ тотъ же. Нашей арміи не удалось продвинуться за рѣку Шахэ.

Послѣ неудачныхъ боевъ на р. Шахэ, Генералъ-Адъютантъ Алексѣевъ, видимо, не пожелалъ болѣе дѣлить съ генераломъ Куропаткинымъ ни лавры **„блестящихъ отступленій“**, ни отвѣтственность за темное будущее,—и возобновилъ свои ходатайства о сложеніи съ него званія Главнокомандующаго. На этотъ разъ ходатайства его были уважены и 10-го октября 1904 года послѣдовало соизволеніе **Государя Императора** на освобожденіе адмирала Алексѣева отъ обязанностей Главнокомандующаго воору-

женными силами на Дальнемъ Востокѣ. Тогда же эти обязанности были возложены на генерала Куропаткина, который, получивъ теперь **„полную мочь власти“**, долженъ былъ показать, на что онъ одинъ, безъ помѣхъ и сторонихъ вліяній, способенъ.

Какъ же однако, отнеслись наши враги къ новому назначенію Куропаткина?

Они, видимо, давно разгадали его характеръ, и его таланты.

Въ одномъ изъ номеровъ японской **„Фукуока ничи-ничи синбунъ“** отъ 6-го сентября н. с. вотъ что было написано о Куропаткинѣ и его стратегіи: „Вникая въ планъ дѣйствій Куропаткина, мы приходимъ къ заключенію, что послѣ каждаго сраженія, потерпѣвъ неудачу, онъ ждетъ подкрѣпленій и опять стремится дать новый бой, съ цѣлью вновь отступать. Значитъ онъ пассивно отступаетъ. Если это такъ, то, мы думаемъ, что планъ Куропаткина во всемъ потерпитъ неудачу“.

Въ другой статьѣ писали, что **„Куропаткинъ страшно боится обходовъ, а арміи Куроки—какъ скорпіона“**.

Понятно, новое назначеніе Куропаткина было японцамъ какъ нельзя болѣе на руку. Весьма остроумно это было выражено въ одной каррикатурѣ. На рисункѣ изображена внутренность палатки. Въ ней собрались ликующіе японскіе вожди по случаю **„радостнаго извѣстія“**. Толстый Ойяма, прислонившись къ стойкѣ и схватившись за животъ, хохочетъ во все горло, хохочетъ Ходзу, согнувшись „въ три погибели“... Хохочетъ Куроки... Хохочетъ Оку... Хохочетъ даже слуга китаецъ, стоящій у входа. И сквозь смѣхъ они повторяютъ одно: „Куропаткинъ остается, Куропаткинъ остается“...

Нѣмецкое происхожденіе каррикатуры указываетъ, какъ оцѣнили это назначеніе и въ Европѣ.

Съ назначеніемъ Главнокомандующимъ на долю Куропаткина выпадала благодарная роль, рѣшительной побѣдой надъ сильнымъ и хитрымъ врагомъ, реабилитировать свою поколебленную репутацію полководца.

Да, нужна была только побѣда, но для побѣды надо было чтобы во главѣ арміи стоялъ не Куропаткинъ, а человѣкъ рѣшительный, не только на словахъ, но и на дѣлѣ, энергичный, дѣятельный въ полѣ, а не въ кабинетѣ и въ вагонѣ, способный не только создавать хорошіе планы, но и осуществлять ихъ. Нуженъ былъ человѣкъ смѣлой инціативы, способный рисковать безъ оглядки, безъ смущенія, свободный отъ постороннихъ вліяній, вѣрящій не только въ себя, но и въ свою армію. Хорошо подготовившійся къ войнѣ врагъ, расчетливый, осторожно-

методичный, фанатически проникнутый идеями пользы и славы Отечества, требовалъ для борьбы съ собою полководца исключительныхъ дарованій. Оцѣнивая же Куропаткина съ точки зрѣнія этихъ требованій, невольно вспоминаются заключительныя строки Державинской пѣсни на смерть Суворова:

„Львинаго сердца, крыльевъ орлиныхъ,
Нѣтъ уже съ нами. Что воевать"?..

И всѣ послѣдующія событія на театрѣ войны только доказали правдивость словъ поэта. Что-же, въ самомъ дѣлѣ, было воевать съ такимъ вождемъ, какимъ былъ Куропаткинъ? Не къ побѣдамъ онъ могъ вести славную традиціями и высокую нравственнымъ духомъ Русскую армію.

„Ляоянъ," „Шахэ," „Сандепу" и **„Мукденъ"** вотъ неизбѣжный удѣлъ такихъ талантовъ, такихъ характеровъ"!

ГЛАВА XV.

Январское наступленіе. Операція ген. Гриппенберга у с. Сандепу.

Послѣ боевъ на рѣкѣ Шахэ наступилъ перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, который продолжался до начала января 1905 г. Въ это время Портъ-Артуръ палъ. Вмѣстѣ съ нимъ погибли и остатки нашей первой Тихо-океанской эскадры. На главномъ театрѣ войны шла усиленная подготовка къ рѣшительному бою. За это время наши силы въ Манчжуріи увеличились еще на 3 корпуса, прибывшіе на театръ войны изъ Европейской Россіи: **восьмой, сводный-стрѣлковый** и **шестнадцатый.**

12 корпусовъ, входившихъ теперь въ составъ нашей арміи и **два** отдѣльныхъ кавалерійскихъ отряда, т. е. 14 самостоятельныхъ единицъ, не могли уже подчиняться **непосредственно** одному лицу, явилась необходимость раздѣлить эти войска на **три арміи**

Въ первую армію генерала Линевича вошли: 1-ый армейскій, II-ой, III-ій и IV-ый Сибирскіе корпуса и конный отрядъ ген. Ренненкампфа.

Во вторую армію ген. Гриппенберга вошли: VIII-ой, X-ый, I-ый Сибирскій и сводный-стрѣлковый корпуса, отрядъ ген. Коссаговскаго и конный отрядъ ген. Мищенко.

Въ третью армію ген Каульбарса вошли: XVII-ый армейскій, V-ый и VI-ой Сиб. корпуса.

XVI-ый корпусъ остался въ непосредственномъ распоряженіи Куропаткина, составляя армейскій резервъ.

Расположеніе нашихъ войскъ было прикрыто на всемъ фронтѣ сильными окопами, редутами и деревнями, приведенными въ оборонительное состояніе.

Силы и составъ японскихъ армій къ этому времени не измѣнились, но къ февралю къ нимъ ожидались большія подкрѣпленія, а именно: **армія Ноги**, уже освободившаяся отъ осады Портъ-Артура, и **двѣ резервныя бригады** изъ Японіи.

Ясно было, что обстановка требовала немедленнаго перехода нашихъ армій въ наступленіе, дабы, воспользовавшись превосходствомъ силъ, разбить противника до подхода этихъ подкрѣпленій.

Японскія арміи были расположены слѣдующимъ образомъ:

Первая армія Куроки—отъ Бензиху черезъ Беньяпуза до Фендяпу.

Четвертая армія Нодзу—лѣвѣе первой до Кудядзы.

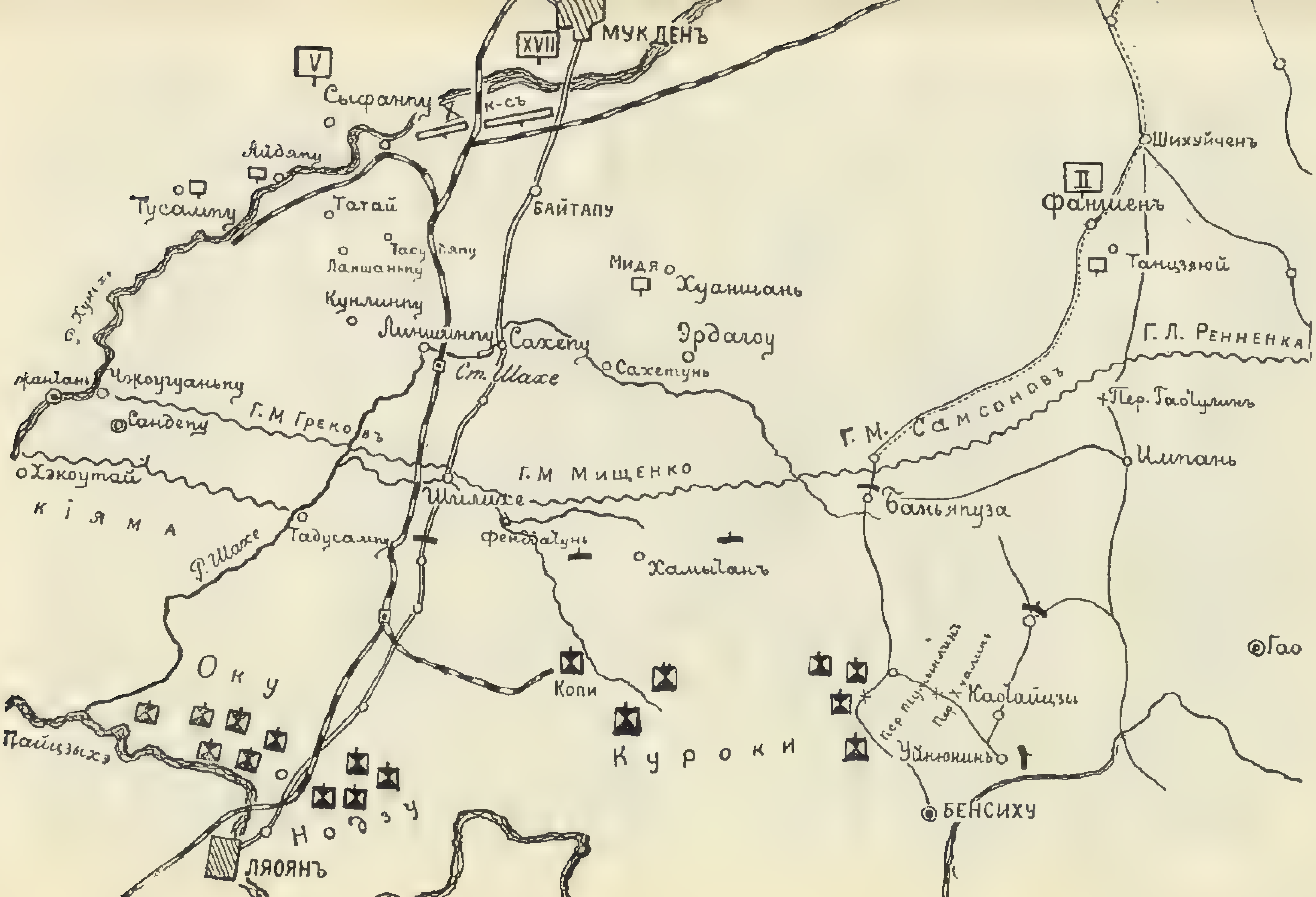
Вторая армія Оку—на лѣвомъ флангѣ до Лидіатуня.

5-ая и 8-ая дивизіи съ нѣсколькими резервными бригадами составляли резервъ арміи у Ляояна, гдѣ находилась и главная квартира маршала Ойямы.

Правый флангъ японскаго расположенія обезпечивался резервными войсками, занимавшими Ванфулинскій и Далинскій перевалы. Лѣвый—кавалерійской бригадой Акіамы отъ Хэгоутая до Тадусанпу и Лидіатуня и бригадой Тамура на правомъ берегу р. Хуньхэ.

Такимъ образомъ, главная масса японскихъ войскъ находилась въ центрѣ. Фронтъ японцевъ былъ прикрытъ укрѣпленіями и деревнями, тоже приведенными въ оборонительное состояніе, съ устроенными внутри редюитами.

Послѣ паденія Портъ-Артура въ нашей главной квартирѣ усиленно заговорили о необходимости перейти въ наступленіе. Душой партіи, настаивавшей на этомъ, былъ ген.-ад. Гриппенбергъ, полагавшій, что надо совершить обходъ лѣваго, равнинаго фланга японцевъ, а по выполненіи обхода, произвести общее наступленіе. Нерѣшительный и пассивный Куропаткинъ, по обыкновенію, колебался. Рѣшаясь, однако, перейти въ наступленіе, Куропаткинъ запросилъ мнѣнія всѣхъ командующихъ арміями о направленіи главнаго удара и группировкѣ силъ. Въ представленныхъ соображеніяхъ и на общемъ совѣщаніи командующіе арміями **единогласно** высказались за направленіе главнаго удара на лѣвый флангъ арміи Оку, причемъ считали необходимымъ сосредоточить для этого **семь** корпусовъ на нашемъ правомъ флангѣ.


МУКДЕНЪ
XVII
V
Сыфанпу
к-съ
Айдяпу
Тусампу
Татай
Тасу ... пу
Ланшаньпу
Кунлинпу
Линшинпу
Сахепу
Ст. Шахе
БАЙТАПУ
Мидя
Хуаншань
Эрдагоу
Сахетунь
Шихуйченъ
II
Фаншенъ
Танцзяюй
Г. Л. Ренненка
Пер. Гаоулинъ
Г. М. Самсоновъ
Импань
Г. М. Мищенко
Бальяпуза
р. Хуньхэ
Чжоучуаньпу
Сандепу
Г. М. Грековъ
Хэкоутай
Кіяма
р. Шахе
Тадусампу
Шилихе
Фендяцунь
Хамытанъ
Оку
Копи
Куроки
Пайцзыхэ
Нодзу
ЛЯОЯНЪ
Каотайцзы
Уйнюнинь
БЕНСИХУ
Гао

Этотъ планъ, первый разъ, за все время кампаніи, вполнѣ соотвѣтствовалъ обстановкѣ: мѣстность на лѣвомъ флангѣ японцевъ наиболѣе благопріятствовала наступленію, а охватывающее расположеніе **второй арміи** давало возможность почти фронтальной атакой ударить во флангъ Оку.

Общая идея наступленія была утверждена Куропаткинымъ, но при самой разработкѣ плана снова были сдѣланы крупныя ошибки:

1) Для главнаго удара назначено было не **семь** корпусовъ, а всего **два съ половиной**—второй арміи, а именно: 1-й Сибирскій, сводный—стрѣлковый и **четырнадцатая** дивизія VIII-го корпуса, подъ начальствомъ генерала **Гриппенберга**.

Остальные **полтора** корпуса арміи Гриппенберга были прикованы Куропаткинымъ къ своимъ позиціямъ съ **запрещеніемъ переходить въ наступленіе** до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнутъ первый успѣхъ. Это, какъ показали послѣдствія, и дало возможность маршалу Ойяма сосредоточить большую часть своихъ силъ противъ наступавшихъ войскъ Гриппенберга и отразить его атаками на намѣченные пункты.

2) **Третья** и **первая** арміи должны были содѣйствовать наступленію Гриппенберга вначалѣ только огнемъ, не трогаясь со своихъ позицій, и, лишь по мѣрѣ успѣховъ **второй** арміи, должны были переходить въ наступленіе. Но успѣховъ **второй** арміи не могло быть, разъ бездѣйствовали—**первая** и **третья**, т. к. это давало возможность маршалу Ойяма двинуть всѣ свои резервы и даже часть силъ Нодзу и Куроки противъ наступающаго Гриппенберга.

3) Два корпуса (XVI и III) оставлены были въ общемъ резервѣ за центромъ, а не за правымъ флангомъ, гдѣ они были дѣйствительно нужны по основной идеѣ плана.

4) Въ случаѣ наступленія японцевъ, нашимъ арміямъ было строго запрещено переходить въ наступленіе. Это послѣднее распоряженіе уже окончательно угрожало проигрышемъ всему дѣлу.

Кромѣ только что указанныхъ дефектовъ въ разработкѣ плана наступленія Куропаткинъ, въ дополненіе къ диспозиціи, сообщилъ командующимъ арміями подробности выполненія предположенной операціи, а именно: группировку силъ, задачи отдѣльнымъ частямъ войскъ и постепенность наступательныхъ дѣйствій. Въ силу этого командующіе арміями лишены были возможности проявить какую бы то ни было инициативу.

Наступленіе было назначено на 12-е января. Согласно полученнымъ указаніямъ, Гриппенбергъ отдалъ своей арміи слѣдующую диспозицію:

1) **Первому** Сибирскому стрѣлковому корпусу въ ночь съ 11-го на 12-е января овладѣть деревнями: Хуанлотадзы и Тутайдзы, послѣ чего атаковать дер. Хэгоутай. Послѣ овладѣнія этой деревней выдѣлить въ распоряженіе командира 8-го корпуса бригаду стрѣлковъ для атаки с. Сандепу. Остальнымъ частямъ корпуса прикрывать правый флангъ отряда Мылова во время его атаки с. Сандепу и оказывать ему поддержку въ достиженіи этой цѣли.

2) **Четырнадцатой** пѣхотной дивизіи, послѣ овладѣнія **первымъ** корпусомъ д. Хэгоутай, развернуться на фронтѣ дд. Тутайдзы-Чжантань и атаковать с. Сандепу.

3) **Пятнадцатой** пѣхотной дивизіи содѣйствовать атакѣ с. Сандепу сильнымъ огнемъ съ сѣвера съ линіи дд. Чжоугуаньпу-Гудзяцзы.

4) **Десятому** корпусу содѣйствовать атакѣ **восьмого** корпуса на Сандепу огнемъ противъ линіи дд. Хуанди-Фуцзячжуанцзы, отвлекая на себя вниманіе противника.

5) **Сводному стрѣлковому корпусу** составить общій резервъ войскъ, назначенныхъ для атаки д. Хегоутай и с. Сандепу, расположившись у д. Чжантань.

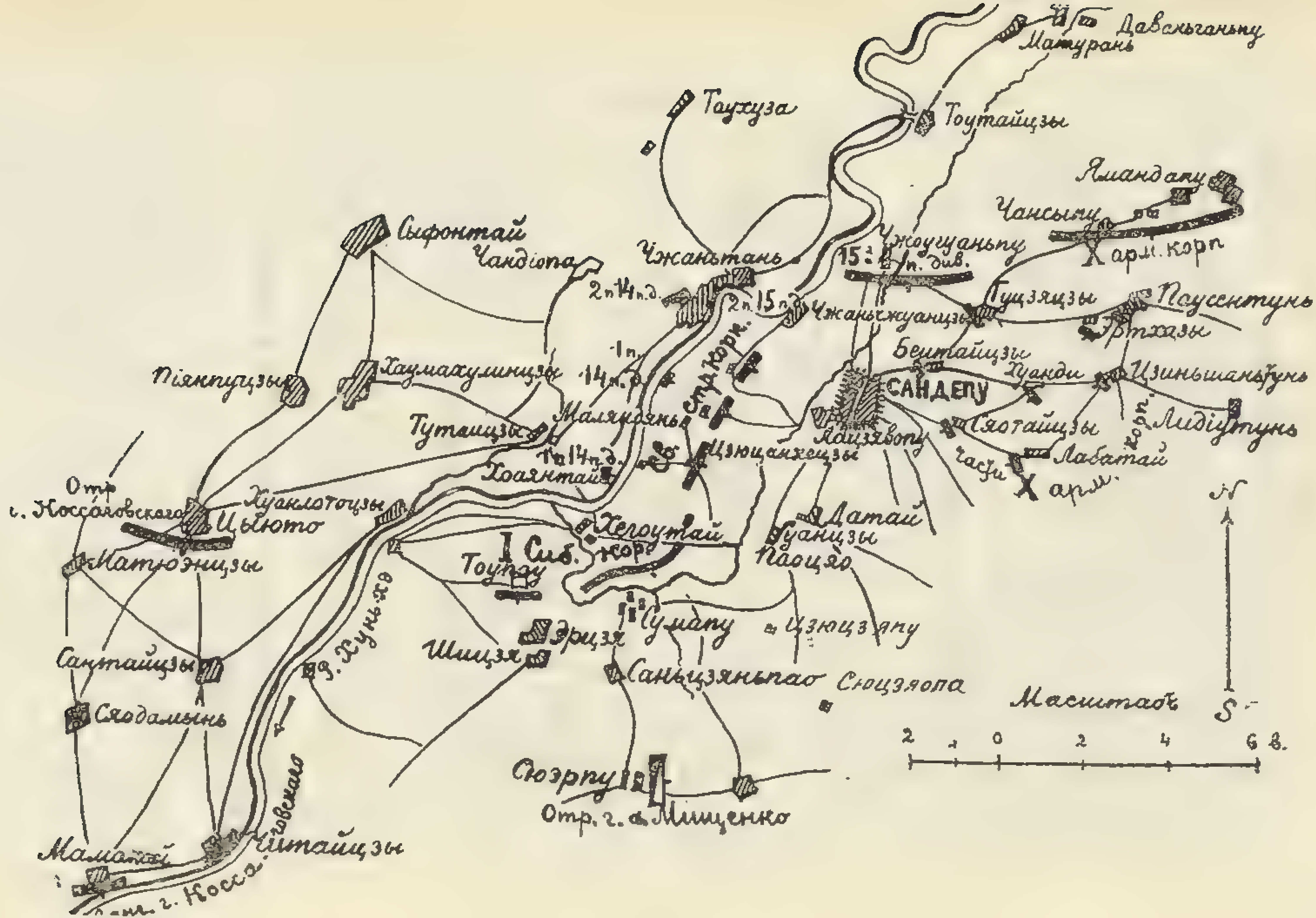
6) **Отряду г.-м. Коссаговскаго,** оставаясь на позиціи южнѣе д. Сыфонтай, охранять тылъ 8-го арм. и I-го Сиб. корпусовъ, наблюдая въ то же время пространство между р. р. Ляохэ и Хуньхэ.

7) **Конному отряду Г.-ад. Мищенко,** содѣйствовать I-му Сиб. корпусу при атакѣ с. Хуанлотацзы, послѣ чего переправиться на лѣвый берегъ р. Хуньхэ и освѣщать пространство между р. Тайцзыхэ и линіей д.д. Хегоутай—Тадусампу; въ случаѣ же наступленія противника къ Сандепу—дѣйствовать ему во флангъ и тылъ.

Наступленіе началось съ 11-го на 12-е января. Рѣка Хуньхэ находилась подо льдомъ.

Первый Сибирскій корпусъ наступалъ двумя колоннами и овладѣлъ д.д. Хуанлотацзы и Тутайцзы. Незначительные отряды японцевъ, бывшіе въ этихъ пунктахъ, застигнутые врасплохъ, бѣжали на лѣвый берегъ рѣки Хуньхэ. Послѣ этого вся артиллерія корпуса сосредоточила свой огонь по д. Хегоутай.

Отряды г.-ад. Мищенко и г.-м. Коссаговскаго совмѣстно овладѣли д.д. Читайцзы, Мамакаи и Уцзяганцза. По занятіи первыхъ двухъ пунктовъ авангардами отряда г.-м. Коссаговскаго,


Даваньганьну
Матурань
Тоутайцзы
Таухуза
Ямандапу
Чансыпу
Х арм. корп
Чжоуцуаньпу
15 п. див.
Сыфонтай
Чандіопа
Чжаньтань
2 п 14 п.д.
2 п.15 п.д.
Чжаньчжуанцзы
Пуцзяцзы
Паусентунь
Эртхазы
Бейтайцзы
Хуанди
Цзиньшаньтунь
САНДЕПУ
Пінкпуцзы
Хаумахуминцзы
14 п.д.
Сиб. корп.
Маляндянь
Лидіутунь
Туташцзы
Сяотайцзы
Лабатай
Хоаянтай
Цзюцзанхецзы
Яоцзявопу
Х арм.
Отр. г. Коссаговскаго
Хуанлотоцзы
Цыюто
Датай
Хегоутай
I Сиб. кор.
Уанцзы
Паоцзао
Матюэнцзы
Тоупау
Р. Хунь-хэ
Сумапу
Цзюцзяпу
Шицзя
Эрцзя
Сантайцзы
Саньцзяньпао
Сюцзяопа
Сяодамынь
Масштабъ
N
S
2 0 2 4 6 в.
Сюэрпу
Отр. г. Мищенко
Маматай
Читайцзы
Отр. г. Коссаговскаго

г.-ад. Мищенко со своей конницей переправился черезъ р. Хуньхэ на участкѣ Читайцзы—Хуанлотацзы, и двинулся на д. Сюэрпу.

Въ часъ дня 12-го января I-й Сиб. корпусъ переправился черезъ р. Хуньхэ у д. Хуанлотацзы и началъ наступленіе на д. Хегоутай, имѣя I-ю В.-Сиб. стр. дивизію въ боевой части, а три полка 9-й—въ резервѣ. Несмотря на сильный ружейный огонь противника, I-я В.-Сиб. стр. дивизія быстро продвинулась до д. Тоупао, но отсюда неожиданно подверглась обстрѣливанію во флангъ, Вслѣдствіе этого явилась необходимость овладѣть д. Тоупао, для чего артиллерія, расположенная на лѣвомъ берегу р. Хуньхэ, получила приказаніе немедленно перенести огонь по названной деревнѣ, а изъ резерва были выдвинуты необходимыя для ея атаки силы.

Однако, всѣ усилія, направленныя къ тому, чтобы засвѣтло овладѣть д.д. Тоупао и Хогоутай, оказались тщетными. Лишь съ наступленіемъ темноты удалось штыками выбить японцевъ сначала изъ первой, а около одиннадцати часовъ вечера—изъ второй.

Наступившую ночь войска I-го Сиб. корпуса провели на занятыхъ съ боя мѣстахъ:—I-я дивизія у д. **Хегоутай**, а 9-я -у д. **Тоупао**.

Передовыя части X-го корпуса заняли въ этотъ день д.д. Хуанди и Цзиньшаньтунь.

На слѣдующій день 13-го января I-я бригада I-й В.-Сиб. стр. дивизіи съ артиллеріей, подъ общимъ начальствомъ командира I-го В.-Сиб. полка полковника Леша, выступила на присоединеніе къ 14-й пѣх. дивизіи, которая ночевала съ 12-го на 13-е въ д.д. Маландянъ—Чимпотань. Утромъ 13-го января 14-я дивизія начала наступленіе на сел. Сандепу.

2-я бригада I-ой В.-Сиб. стр. дивизіи должна была вслѣдъ за первой выступить изъ д. Хегоутай, овладѣть д.д. Пяоцяо, Датай и Гученцзы и образовать заслонъ къ югу, обезпечивая съ этой стороны атаку на Сандепу, но въ это время обнаружилось наступленіе значительныхъ силъ японцевъ съ юга и Юго-востока на д.д. Тоупао, Хегоутай и Пяоцяо.

I-й Сиб. корпусъ немедленно развернулся въ боевой порядокъ. 2-я бригада I-й В.-сиб. стр. дивизіи и 33-й В.-Сиб. стр. полкъ составили боевую часть впереди д. Хегоутай, а 36-й В.-Сиб. стр. полкъ занялъ д. Тоупао. Въ это время японцы уже заняли д.д. Сумапу, Шидзы и Пяоцяо, откуда стремительно атаковали позицію I-го корпуса, но были отбиты. Всѣ послѣдующія атаки японцевъ также были для нихъ неудачны.

Въ это время конный отрядъ г.-ад. Мищенко, увлекаемый примѣромъ своего доблестнаго начальника, появлявшагося всю-

ду, гдѣ была малѣйшая заминка, постепенно заходилъ въ тылъ арміи Оку, выбивая спѣшенныхъ драгунъ и пѣхоту Акіямы изъ д.д. Сантвопа, Нюге Пахудіопа, Пахуанди, и Сюэрпу.

Маршалъ Ойяма считалъ наступленіе нашего праваго фланга за демонстрацію и потому ожидалъ извѣстій изъ района другихъ армій. Донесенія, поступившія къ нему за ночь, о потерѣ укрѣпленныхъ деревень Мамакая и Хегоутая и о продолжающемся угрожающемъ наступленіи нашихъ войскъ въ тылъ арміи Оку

Доблестный начальникъ кавалерійскаго отряда
Генералъ Адъютантъ
Мищенко.

заставляютъ, однако, Ойяму двинуть на поддержку лѣваго фланга двѣ резервныя бригады; одна изъ нихъ атакуетъ I-й Сиб. корпусъ, но терпитъ неудачу, другая—занимаетъ промежутокъ между Хегоутаемъ и Сандепу. Послѣ посылки сказанныхъ подкрѣпленій у Ойямы остается въ резервѣ только 8-ая дивизія и двѣ резервныя бригады.

13-го января **первая** бригада I-й В.-Сиб. дивизіи подъ начальствомъ полковника Леша, выступивъ утромъ изъ дер. Хегоутай къ полудню достигла д. Маландянъ, гдѣ и вошла въ связь съ 14-й пѣх. дивизіей. Получивъ здѣсь отъ г.-л. Мылова приказаніе податься къ юго-востоку, для атаки с. Сандепу съ юга, одновременно съ атакой 14-й пѣх. дивизіи съ сѣверо-запада, полковникъ Лешъ двинулся въ этомъ направленіи, но уже у д. Цзюпанхэц-

зы былъ атакованъ превосходными силами японцевъ и принужденъ перейти къ оборонѣ.

На поддержку ему ген. Гриппенбергъ выдвинулъ 2-ю стрѣлковую бригаду (Своднаго корпуса), которая развернулась лѣвѣе I-й. Въ это время 14-я пѣх. дивизія уже вела упорный и жестокій бой противъ с. Сандепу.

Около 4 час. дня 13-го января ген. Гриппенбергъ вызвалъ изъ резерва 5-ю стр. бригаду и расположилъ ее между 2-й стр. бригадой и 14-й пѣх. дивизіей, опасаясь прорыва японцевъ въ этотъ промежутокъ.

Съ наступленіемъ темноты бой по всему фронту прекратился.

Однако, начальникъ 14-й пѣх. дивизіи, не успѣвъ овладѣть с. Сандепу за день, рѣшилъ добиться этого ночью.

Двинувшись въ атаку, 14-я дивизія вскорѣ овладѣла большею частью селенія, но въ центрѣ его наткнулась на редютъ ввидѣ прочнаго зданія, обнесеннаго высокой стѣной и тройнымъ рядомъ искусственныхъ препятствій. Редютъ оказался почти не поврежденнымъ огнемъ нашей артиллеріи, а потому попытка овладѣть имъ штурмомъ окончилась неудачей.

X-й корпусъ и 15-я дивизія VIII-го,—не смѣя тронуться со своихъ позицій, ограничивались лишь стрѣльбой. Однако обстановка была настолько выгодна, что передовыя части 15-й дивизіи, забывъ полученное отъ Куропаткина приказаніе, все таки овладѣли деревней Бейтацзы въ тылу японцевъ, оборонявшихся фронтомъ на западъ.

Вторичная атака с. Сандепу назначена была на 15-е января; слѣдующій же день 14-го предполагалось употребить на артиллерійскую подготовку.

Къ утру 14-го января обѣ стороны находились въ слѣдующемъ положеніи:

Около 4-хъ резервныхъ японскихъ бригадъ занимали расположеніе отъ д. Эрцзя до с. Сандепу включительно. Передъ фронтомъ ихъ находились отъ д. Тоупао до с. Чжаньчжуанцзы I-ый Сибирскій и сводный-стрѣлковый корпуса; на лѣвомъ флангѣ отрядъ ген.- маіора Коссаговскаго у Мамакая; въ тылу лѣваго фланга японцевъ у д. Сюэрпу—кавалерійскій корпусъ ген. Мищенко; въ тылу праваго фланга ихъ д.д. Байтацзы, Хуанди и Цзяньшаньтунь были заняты частями 15-й дивизіи и X-го корпуса. Такимъ образомъ, эта частъ японскихъ войскъ была почти окружена, хотя храбрый противникъ, не только не сдавался, но, опираясь на укрѣпленныя селенія, самъ производилъ контръ-ата-

Даваньганьпу
Матурань
Тоутайцзы
Таухуза
Ямандапу
Чансыпу
X арм. корп
Сыфонтай
Чандюпа
Чжаньтань
Чжоуцзяньпу
15 п. див.
2 п 14 п. д.
2 п. 15 п. д.
Чжаньжуанцзы
Гуцзяцзы
Паусентунь
Эртхазы
Беитайцзы
Хуанди
Изиньшаньтунь
САНДЕПУ
Пiяннуцзы
Хаумахуминцзы
1 п.
14 п. д.
Сп. к. корп.
Маляндянь
Туташцзы
Сяотайцзы
Лидiутунь
Лабатай
VIII корп.
Цзюцанхецзы
X арм.
Хоаянтай
Отр г. Коссаловского
Хуаклотоцзы
Цыюто
Датай
Хегоутай
I Сиб. корп.
Гуанцзы
Паоцзяо
Матюэнцзы
Тоупоу
р. Хунь-хэ
Гумапу
Цзюцзяпу
Эрцзя
Шицзя
Сантайцзы
Саньцзяньпао
Сюцзяопа
Масштаб
2 0 2 4 6 в.
N
S
Сяодамынь
Сюэрпу
Отр. г. а. Мищенко
Мамакай
Читайцзы
Отр. г. Косса-говского

ки, очевидно, хорошо понимая, что лучшій способъ обороны—наступленіе.

Очевидно, что при этой обстановкѣ группа японскихъ войскъ, сражавшихся противъ арміи Гриппенберга, могла быть совершенно окружена простымъ фронтальнымъ наступленіемъ X-го корпуса и 15-й дивизіи со своихъ позицій у Ямандапу и Чжауганьпу.

Прекрасно понимая весьма выгодное положеніе своихъ войскъ, ген. Гриппенбергъ ясно, однако, видѣлъ, что, съ однѣми силами, подчиненными ему, онъ не будетъ всостояніи достигнуть рѣшительныхъ результатовъ, а потому и обратился къ Куропаткину съ просьбой о поддержкѣ, но получилъ отъ него рѣшительный отказъ. Между тѣмъ въ 20-ти верстахъ отъ сраженія находился резервъ арміи изъ 60-ти баталіоновъ, 15-я-же дивизія и X-ый корпусъ, въ силу категорическихъ приказаній Куропаткина, не смѣли тронуться со своихъ позицій, а I-я и III-я арміи, въ силу того-же распоряженія, ожидали рѣшительныхъ успѣховъ Гриппенберга и, не трогаясь съ мѣста, только обстрѣливали позиціи арміи Нодзу и Куроки.

Такое инертное положеніе остальной части арміи Куропаткина давало возможность Ойямѣ стянуть всѣ свои войска противъ арміи Гриппенберга и если онъ медлилъ съ этимъ, то только потому, что не могъ уразумѣть смысла нашихъ операцій у Сандепу, не похожихъ ни на главный ударъ, ни на демонстрацію.

Чтобы не задерживать своей операціи, ген. Гриппенбергъ **14-го января** рѣшается продолжать свое стремительное наступленіе, которое велъ **съ небывалой** съ нашей стороны въ эту кампанію **энергіей**. Упорное стремленіе нашихъ войскъ продвинуться впередъ и весьма угрожающее положеніе занятое отрядомъ Мищенко, вынудило, наконецъ, Ойяму двинуть противъ арміи Гриппенберга весь свой резервъ и 5-ю дивизію изъ арміи Оку. Утромъ **15-го января** японцы перешли въ наступленіе противъ нашихъ I-го Сиб. и Своднаго Стрѣлк. корпусовъ. На поддержку имъ Гриппенбергъ посылаетъ два полка изъ своего резерва и вторично обращается съ просьбой къ Куропаткину о поддержкѣ. Въ отвѣтъ на эту просьбу, вмѣсто подкрѣпленій, получаетъ отъ Куропаткина **замѣчаніе за слишкомъ активныя дѣйствія**.

Желая использовать очень выгодное положеніе и довести до конца начатую съ такимъ успѣхомъ операцію., ген. Гриппенбергъ рѣшается на послѣдній шагъ и нарушаетъ приказаніе Куропаткина. Онъ приказываетъ командиру **десятаго** корпуса овладѣть д.д. Лаботай и Сяотайдзы въ тылу японскаго расположенія. Коман-

диръ X-го корпуса ген. Церпицкій, имѣя непосредственное приказаніе Куропаткина не оставлять своей позиціи безъ его, Куропаткина, приказанія, не могъ, однако, не соблазниться слишкомъ выгодно слагавшейся обстановкой и занимаетъ съ боя объ деревни, прорвавъ, такимъ образомъ, японское расположеніе.

С. Сандепу было окружено со всѣхъ сторонъ.

15-го января японцы опять находились въ такомъ же отчаянномъ положеніи, какъ и подъ Ляояномъ: лѣвый флангъ ихъ съ переходомъ въ наступленіе корпуса Церпицкаго былъ отрѣзанъ и подавленъ численно. Японскій Главнокомандующій ясно понималъ критическое положеніе его войскъ и близость возможной для нихъ катастрофы, если Куропаткинъ поддержитъ Гриппенберга, а потому рѣшаетъ произвести немедленно лѣвымъ крыломъ контръ-атаку. Отдавая это приказаніе, Ойяма сознавалъ, что этимъ подвергаетъ свои войска печальной участи.

Вотъ что пишетъ онъ въ своемъ донесеніи Микадо по поводу этого боя:

„Утромъ 15-го января русскіе обстрѣливали тылъ японскаго центра. Сраженіе продолжалось въ теченіе всего дня и всей ночи 15-го января. Японцы повсюду были придавлены численностью русскихъ. Тогда я рѣшилъ произвести общую атаку ночью. Всѣ эти наши войска были готовы къ тому, что будутъ уничтожены.“

Когда ночью 15-го января началась контръ-атака японцевъ противъ I-го корпуса, совершенно неожиданно было получено приказаніе Куропаткина объ отступленіи, причемъ приказаніе это командиру 10-го корпуса было передано не черезъ Гриппенберга, а непосредственно изъ главной квартиры.

Такое свое распоряженіе объ отступленіи, Куропаткинъ объяснялъ опасеніемъ, что японцы могутъ прорваться на участкѣ Каульбарса, гдѣ, по его мнѣнію, маршалъ Ойяма сосредоточилъ всѣ свои силы. Не смотря на всѣ доказательства и горячія убѣжденія Гриппенберга, что противъ второй арміи находятся главныя силы непріятеля, что эти силы уже охвачены его арміей, что надо только дѣйствовать рѣшительно и полная побѣда будетъ наша, Куропаткинъ въ этомъ случаѣ проявилъ несвойственную ему твердость, остался непреклоненъ, и властно повторилъ Гриппенбергу свое приказаніе объ отступленіи. Ген. Гриппенбергъ передалъ это приказаніе своей арміи, а самъ уѣхалъ въ Матурань. Здѣсь надо замѣтить, что опасенія Куропаткина о возможности прорыва японцами нашего стратегическаго фронта на участкѣ арміи Каульбарса, не только не соотвѣтствовали дѣйствительному расположенію японскихъ силъ, но и не могли явиться для

насъ серьезною угрозою даже въ томъ случаѣ, если бы, согласно предположенію Куропаткина, японцы дѣйствительно вздумали противъ этого участка перейти въ энергичное наступленіе, т. к. позиціи **третьей** арміи были сильно укрѣплены, а за ними былъ сосредоточенъ весь нашъ армейскій резервъ.

Въ тяжеломъ состояніи духа войска **второй** арміи начали отступленіе. Мысль, что даромъ принесено столько жертвъ, не давала никому покоя. Японцы же, не зная причины нашего отступленія, приписали его своимъ атакамъ. Въ сраженіи при Сандепу мы потеряли 380 офицеровъ и 10,500 нижнихъ чиновъ. Японцы—7.000 человѣкъ.

17-го января ген. Куропаткинъ, какъ говорятъ, прислалъ ген. Гриппенбергу слѣдующую телеграму:

„Ради Бога, помогите мнѣ выяснить, гдѣ же, наконецъ, находятся главныя силы японцевъ?“

Гриппенбергъ на эту телеграмму не отвѣтилъ, а изъ Матурани съ **Высочайшаго соизволенія** уѣхалъ въ Петербургъ, минуя главную квартиру, хотя Куропаткинъ, только теперь понявъ свою грубую ошибку, извинялся передъ Гриппенбергомъ и умолялъ его остаться во главѣ **второй** арміи.

Детальное изученіе операціи у Сандепу съ полной убѣдительностью доказываетъ, какъ сраженіе это было близко къ **полной нашей побѣдѣ**, если бы было развито Куропаткинымъ въ общій переходъ всѣми его силами въ наступленіе. Несомнѣнно, что маршалъ Ойяма былъ бы вынужденъ поспѣшно отступить со своей арміей на лѣвый берегъ р. Тайдзы, и война приняла бы совершенно иной оборотъ.

Такимъ образомъ нерѣшительность, инертность и неумѣстная осторожность нашего главнокомандующаго уже **третій** разъ **вырывали безусловную побѣду** изъ рукъ нашей славной арміи.

ГЛАВА XI.

Мукденъ. Телинъ. Сипингай.

Послѣ отъѣзда въ Петербургъ ген.-ад. Гриппенберга, въ командованіе **второй** арміей вступилъ ген. Каульбарсъ, а вмѣсто него командованіе **третьей** арміей принялъ командиръ 17-го корпуса ген. Бильдерлингъ.

Всѣ войска наши послѣ боевъ у Сандепу заняли тѣ позиціи, какія они занимали до январскаго наступленія.

Стали довольно опредѣленно говорить о предстоящей перемѣнѣ Главнокомандующаго.

3-го февраля въ Петербургъ прибылъ ген. Гриппенбергъ.

Вскорѣ послѣ этого были вызваны въ столицу виднѣйшіе русскіе генералы для участья въ военномъ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА по вопросу о перемѣнѣ Главнокомандующаго. Уже было все готово, но засѣданіе Совѣта пришлось отложить, такъ какъ въ Манчжуріи начался новый, ужасный, единственный въ исторіи бой.

Уже 16-го января, т. е. на слѣдующій день послѣ отступленія нашей **второй арміи** отъ с. Сандепу, съ безусловной отчетливостью выяснилось, что ген. Гриппенбергъ былъ совершенно правъ въ своихъ настойчивыхъ совѣтахъ Куропаткину немедленно всѣми силами перейти въ рѣшительное наступленіе, т. к. никакого сосредоточенія японцевъ противъ нашего центра (участокъ арміи Каульбарса), съ цѣлью прорыва его, какъ предполагалъ ген. Куропаткинъ, не было.

Убѣдившись, насколько наша армія была близка къ полной побѣдѣ, Куропаткинъ рѣшилъ въ точности повторить наступленіе по тому плану, по какому велъ его ген. Гриппенбергъ.

Такимъ образомъ, планъ наступленія остался прежній со всѣми его недостатками: **послѣдовательнымъ вступленіемъ армій въ бой, лишеніемъ командующихъ арміями и корпусныхъ командировъ иниціативы дѣйствій и обязательнымъ переходомъ къ оборонѣ, въ случаѣ наступленія японцевъ.**

Какъ только полностью прибылъ на театръ войны свѣжій XVI-ый корпусъ (Топорина), Куропаткинъ отдалъ приказъ о наступленіи, которое назначилъ на 12-ое февраля.

Такъ какъ, лишенный вдохновенія и священнаго воинскаго огня, ген. Куропаткинъ объяснялъ неуспѣшное развитіе во время январскихъ боевъ наступательныхъ дѣйствій войскъ ген. Гриппенберга **только** неудачной, безъ надлежащей артиллерійской подготовки, атакой укрѣпленнаго с. Сандепу, а не крупнѣйшими ошибками, сдѣланными имъ сначала въ отношеніи детальной разработки плана всей операціи, а затѣмъ въ близорукомъ и бездарномъ выполненіи его, то теперь передъ началомъ новаго наступленія, онъ приказалъ построить противъ Сандепу 19 батарей, вооруженныхъ сотней орудій, въ числѣ которыхъ находилось сорокъ осадныхъ. Войска знакомились съ характеромъ укрѣпленій этого селенія и съ пріемами овладѣнія ими. Для этого производился цѣлый рядъ рекогносцировокъ с. Сандепу даже съ воздушнаго шара и составлялись планы его укрѣпленій.

Сосредоточенная дѣятельность нашихъ войскъ около этого одного пункта дѣлала для всѣхъ, не исключая и японцевъ, оче-

видным, что наступленіе наше начнется опять съ атаки на это селеніе.

Но, покуда нашъ Главнокомандующій готовился къ наступленію и, по обыкновенію, колебался, активные и рѣшительные японцы, всегда прекрасно освѣдомленные о нашихъ планахъ и предположеніяхъ, и на этотъ разъ предупредили насъ.

Къ концу января наши арміи были расположены слѣдующимъ образомъ:

1) **На лѣвомъ флангѣ**, отъ Шанлензы до Гаутолинскаго перевала, а отдѣльные отряды у Цинхечена, Синдзитина и Мадзядания, находилась **первая армія ген. Линевича** (128 бат. 53 эск. и сот. 360 ор., 24 пул. и 22 тяжел. ор.).

2) **Въ центрѣ**, отъ с. Холянтая до с. Шанленцзы, находилась **третья армія ген. Бильдерлинга** (72 бат. 19 эск. и сот. 232 ор. и 18 пол. мор.).

3) **На правомъ флангѣ**, отъ д. Сыфонтай до д. Холянтай, а конный отрядъ у д. Убанюлу,—**вторая армія ген. Каульбарса** (126 бат. 53 эск. и сот. 376 ор. 28 пул. и 118 тяж. ор.).

4) **Армейскій резервъ** (44 бат. 2 сот. 120 ор. 16 пул.) находился у д. Байтапу, за центромъ **третьей арміи**.

Всего въ нашей арміи было: 370 бат., 127 эск. и сот., 1088 пол. и гор. ор., 158 тяж. ор., 68 пул. и 10 сап. бат., численностью около **350.000** чел..

Къ 6-му февраля японскія арміи находились въ слѣдующемъ положеніи:

1) **Противъ нашего лѣваго фланга**: въ окрестностяхъ Цзянчана—V-ая армія ген. **Кавамура** (29 бат., 5 эск. 84 пол. и гор. ор.) и въ окрестностяхъ Хаматана, Таншайши, Сяшичауза — I-ая армія ген. **Куроки** (54 бат., 9 эск. 118 пол. и гор. ор.).

2) **Противъ нашего центра** въ раіонѣ Линшипу—Лютзятунь —Тапу—IV-ая армія ген. **Нодзу** (54 бат 7 эск., 204 пол. и гор. орудій.).

3) **Противъ нашего праваго фланга** въ раіонѣ Хуанлотоцзы Сандепу—Линшипу—Тадусанпу—II-ая армія **Оку** (54 бат. 21 эск. и 132 пол. ор.).

4) **Правѣе нашего праваго фланга** у д. Сяобехэ—III-ья армія ген. **Ноги** (42 бат. 21 эск., 264 пол. и гор. ор. 6 кр. ор.).

5) **Резервъ маршала Ойямы** (30 бат. 12 ор.) въ окрестностяхъ Шилихэ и Янтая.

Всего въ пяти японскихъ арміяхъ насчитывалось: 263 бат. 66 эск. 892 ор. 200 пул. численностью **300.000** человѣкъ.

Планъ маршала Ойямы для атаки нашихъ армій заключался, въ общихъ чертахъ, въ слѣдующемъ: при полномъ затишьѣ въ центрѣ и на правомъ флангѣ нашего расположенія, сначала производятся энергичныя атаки—демонстраціи только на нашъ крайній лѣвый флангъ съ цѣлью убѣдить Куропаткина, что японцы желаютъ, сбивъ и обойдя въ этомъ мѣстѣ наши войска, прорваться въ направленіи Фушунъ—Телинъ и выйдти въ тылъ Мукдену и всему нашему расположенію. Когда же эти операціи, прикovавъ вниманіе Куропаткина къ его крайнему лѣвому флангу, заставятъ его притянуть туда свои резервы, армія ген. Ноги двинется форсированнымъ маршемъ отъ Сяобихэ долиною рѣки Ляохэ на Мукденъ въ обходъ нашего праваго фланга съ дѣйствительною цѣлью отрѣзать наши арміи отъ путей сообщенія на Телинъ. Наконецъ, чтобы замаскировать и прикрыть обходное движеніе арміи Ноги и, на время совершенія его, удержать наши арміи на своихъ позиціяхъ, арміи Куроки, Нодзу и Оку должны будутъ производить усиленныя атаки по всему фронту нашего расположенія и особенно энергично на нашъ крайній лѣвый флангъ, дабы укрѣпить увѣренность Куропаткина въ томъ, что именно здѣсь онъ долженъ ожидать главнаго удара.

Надо сказать, что планъ Ойямы былъ задуманъ превосходно и маршалъ имѣлъ достаточное основаніе расчитывать на полный успѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ: крайній лѣвый флангъ нашего расположенія, намѣченный Ойямой для демонстраціи, былъ слишкомъ важенъ для насъ въ стратегическомъ отношеніи: здѣсь проходили пути къ Мукдену и Телину, къ нашей единственной коммуникаціонной линіи. Понятно, что энергичныя атаки японцевъ на этотъ пунктъ могли быть сочтены Куропаткинымъ за главный ударъ. Кромѣ того выборъ этого пункта былъ очень удаченъ еще и потому, что, такъ какъ онъ находился отъ нашего крайняго праваго фланга (мѣсто дѣйствительнаго главнаго удара) на разстояніи девяносто верстъ, то,даже въ случаѣ своевременнаго обнаруженія Куропаткинымъ ошибки, она могла быть исправлена только съ огромнымъ трудомъ.

Получивъ 6 го февраля въ подкрѣпленіе всю армію Ноги, маршалъ Ойяма, желая удержать за собою инициативу и осуществить задуманный имъ планъ обхода нашихъ арміи, рѣшилъ самъ повести общее наступленіе.

Теперь прослѣдимъ, какъ Ойяма въ дѣйствительности выполнитъ этотъ планъ.

11-го февраля японцы энергично атаковали нашъ крайній лѣвый флангъ, такъ называемый **„Цинхеченскій“** отрядъ и послѣ

цѣлаго ряда фанатическихъ атакъ, наконецъ, штурмомъ взяли сильно укрѣпленную „Бересневскую“ сопку, являвшуюся тактическимъ ключемъ всей позиціи „Цинхеченскаго“ отряда. Вслѣдствіе этого генералъ Алѣксѣевъ, полагавшій, что имѣетъ противъ себя подавляющія силы, очистилъ Цинхеченъ и поспѣшно отступилъ къ Далинскому перевалу. **12-го февраля** японцы повели наступленіе почти по всему фронту нашего лѣваго фланга (армія Линевича) и большими силами атаковали Гаутулинскій перевалъ, стремясь прорвать фронтъ арміи ген. Линевича, но успѣли лишь только нѣсколько оттѣснить передовые посты III-го корпуса.

На остальномъ фронтѣ первой арміи происходила только усиленная орудійная канонада. На фронтахъ же **второй** и **третьей** арміи все было спокойно. Стремительный натискъ японцевъ на нашъ лѣвый флангъ далъ желанные для нихъ результаты.

Уже какъ только была взята „Бересневская“ сопка, ген, Куропаткинъ отмѣнилъ свой приказъ о переходѣ 12-го февраля въ наступленіе и занялъ выжидательное положеніе.

Получивъ подробныя донесенія съ нашего крайняго лѣваго фланга, Куропаткинъ сейчасъ-же рѣшилъ, что японцы главными своими силами ведутъ наступленіе на нашъ лѣвый флангъ съ цѣлью обойти и сбить его, а затѣмъ выйти въ тылъ Мукдену.

Вслѣдствіе такого рѣшенія Куропаткинъ немедленно сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

1) I-му Сиб. корпусу ген. Гернгроса, занимавшему крайній правый флангъ, форсированнымъ маршемъ идти къ атакованному крайнему лѣвому флангу въ Чансамутунь.

2) 2-ой бригадѣ 72 дивизіи направиться къ Шихуйчену, Царицынскому полку—къ Импани, а 2 ой бригадѣ 6-ой В.-Сиб. стр. дивизіи ген. Данилова съ крайняго праваго фланга, изъ Матурани,—въ Фушунъ и далѣе къ д. Шидахэза.

3) Командованіе надъ войсками крайняго лѣваго фланга принять отъ Алексѣева ген. Рененкампфу.

Изъ этихъ распоряженій Куропаткина видно, что онъ сразу попялся на удочку хитраго Ойямы.

Узнавъ о передвиженіи нашихъ войскъ къ крайнему лѣвому флангу, маршалъ Ойяма приказалъ:

1) Арміи Кавамуры продолжать энергичное наступленіе на нашъ крайній лѣвый флангъ;

2) Арміи Куроки поддержать наступленіе Кавамуры усиленными атаками позицій лѣваго фланга арміи ген. Линевича (раіонъ III-го Сиб. корпуса).

3) Арміи ген. Ноги, сосредоточенной у д. Сяобихэ, начать

МУКДЕНЪ

I армія

II армія

III армія

IV армія

V армія

глубокій обходъ нашего крайняго праваго фланга долиною р. Ляохэ, а правыми колоннами въ промежутокъ между рѣками Ляохэ и Хуньхэ.

4) Для отвлеченія вниманія русскихъ отъ операцій арміи ген. Ноги, арміямъ ген. Нодзу и Оку произвести наступленія противъ центра и праваго фланга русскихъ, начавъ это наступленіе съ арміи Нодзу.

Во исполненіе этого приказанія Ойямы **Армія Кавамуры** 12-го и 13-го февраля повела наступленіе по тремъ направленіямъ:

1) Съ фронта на Далинскій перевалъ.

2) Правой колонной въ обходъ лѣваго фланга Далинскаго перевала на Попанлинскій перевалъ и

3) Лѣвой колонной въ промежутокъ между лѣвымъ флангомъ арміи ген. Линевича и Далинскимъ переваломъ на Бейдалинскій и Уанфулинскій перевалы.

Обойденный и съ праваго и съ лѣваго фланговъ, генералъ Ренненкампфъ приказалъ своему отряду **13-го февраля** очистить Далинскій перевалъ, весьма важный стратегическій пунктъ, открывавшій японцамъ путь на Фушунь, а затѣмъ и въ тылъ Мукдену, и отступить въ с. Тюпинтай.

14-го февраля закипѣлъ упорный и жаркій бой у деревень: Беньяпуза, Тюпинтай, и Кутяцзы. Въ послѣднихъ двухъ пунктахъ наши войска, подъ командой доблестныхъ начальниковъ генераловъ: Ренненкампфа и Данилова дрались геройски и всюду отбили бѣшеныя атаки японцевъ. Но на фронтѣ III-го Сиб. корпуса войскамъ Куроки къ вечеру удалось овладѣть однимъ редутомъ. Въ этотъ день, **14-го февраля**, на остальномъ фронтѣ нашихъ армій все оставалось безъ перемѣнъ и только въ нашемъ центрѣ, противъ д. Сахепу и Новгородской и Путиловской сопокъ, японскій орудійный огонь нѣсколько усилился: здѣсь японцы бомбардировали наши позиціи **изъ осадныхъ орудій, привезенныхъ изъ подъ Портъ-Артура.**

Это было крупной ошибкой со стороны японцевъ:

Ошибка эта открывала глаза нашему Главнокомандующему и непосредственно указывала на то, что армія ген. Ноги уже прибыла къ арміи маршала Ойямы и, несомнѣнно, должна была предпринять что либо въ начавшейся битвѣ.

Сосредоточеніе арміи Ноги естественнѣе было предположить гдѣ либо на лѣвомъ флангѣ японскаго расположенія, (въ дѣйствительности такъ оно и оказалось,—она была сосредоточена на лѣвомъ флангѣ японцевъ у д. Сяобихэ), такъ какъ, очевидно, она двигалась изъ Артура на сѣверъ **не кружнымъ путемъ** трудно до-

ступнаго горнаго раіона, совершенно лишеннаго дорогъ въ направленіи съ юга на сѣверъ, а **по кратчайшему разстоянію**, вдоль весьма удобной во всѣхъ отношеніяхъ коммуникаціонной линіи, какую изъ себя представлялъ южный участокъ Восточно-Китайской жел. дор.: **Портъ Артуръ—Киньчжоу,—Дашичао—Хайченъ Шахэ—Ляоянъ.**

Но ген. Куропаткинъ, съ самонадѣянностью достойной лучшей участи, всѣ свои помыслы устремилъ на лѣвый флангъ и совершенно пересталъ обращать вниманіе на все то, что совершалось въ центрѣ и на правомъ флангѣ нашего расположенія.

Не одаренный воинской прозорливостью и способностью изъ отдѣльныхъ фактовъ создавать общія идеи, разгадывать планы и проникать въ замыслы противника, онъ продолжалъ все больше и больше запутываться въ искусстно разставленныя ему японскимъ маршаломъ сѣти.

Полная тишина противъ нашего праваго фланга, только бомбардировка противъ центра и стремительныя атаки противъ нашего лѣваго фланга и чрезвычайная интенсивность ихъ на нашъ крайній лѣвый флангъ, окончательно убѣдили ген. Куропаткина въ томъ, что онъ совершенно правильно понялъ планъ японскаго Главнокомандующаго.

Вслѣдствіе этого ген. Куропаткинъ еще 13-го февраля, т. е. въ самый день наступленія арміи ген. Ноги, отдалъ приказаніе **„за миованіемъ въ немъ надобности“** расформировать нашъ наблюдательный **„Ляохейскій“** отрядъ ген. Коссаговскаго, дежурившій на р. Ляохэ въ теченіе всей войны. Такимъ образомъ, въ промежуткѣ между р.р. Ляохэ и Хуньхэ, для освѣщенія этой мѣстности, былъ оставленъ только слабый казачій отрядъ ген. Грекова. Само собою разумѣется, что это распоряженіе Куропаткина, какъ будто нарочно, способствовало скрытому движенію колоннъ ген. Ноги и успѣху всей его смѣлой обходной операціи.

13-го февраля армія ген. Ноги, переправившись черезъ р. Хуньхэ у д. Бейдагоу и Мамакая, четырьмя колоннами двинулась уступами слѣва, въ промежутокъ между р. Ляохэ и Хуньхэ на сѣверъ, на деревни: Калама, Талантацзы, Шагоутцзы и Сяодамынь.

14-го февраля ночью разъѣзды отряда ген. Грекова обнаружили головныя части этихъ колоннъ на пространствѣ отъ д. Каламы до д. Талантацзы, а утромъ 15-го февраля, этими разъѣздами было замѣчено движеніе японцевъ въ количествѣ болѣе 2-хъ дивизій.

Получивъ 15-го февраля донесеніе отъ ген. Каульбарса, о совершающемся обходѣ нашего праваго фланга, ген. Куропаткинъ не придалъ этому движенію серьезнаго значенія и остался при

твердомъ убѣжденіи, что японскій главнокомандующій все таки свой главный ударъ направляетъ на нашъ крайній лѣвый флангъ.

Вслѣдствіе такого убѣжденія ген. Куропаткинъ **15 го февраля** посылаетъ къ д. Каолитуню только одну бригаду подъ начальствомъ ген. Биргера для прикрытія Мукдена съ запада, и предлагаетъ ген. Каульбарсу выяснить силы и намѣренія японцевъ на нашемъ правомъ флангѣ, но не предпринимаетъ никакихъ серьезныхъ мѣръ къ своевременному парированію уже совершающагося обхода.

Но утромъ **16-го февраля** картина сразу и рѣшительно перемѣнилась: японцы большими силами повели очень стремительное наступленіе противъ нашего праваго фланга. Армія Оку наступала долиною по обоимъ берегамъ р. Хуньхэ и въ этотъ день вступила въ жаркій бой съ правымъ флангомъ арміи Каульбарса, а правая колонна арміи ген. Ноги весьма энергично атаковала съ юго-запада Сыфонтайскую позицію и вынудила къ вечеру нашъ отрядъ отойти къ ст. Таухуза. Въ это время остальныя колонны арм. Ноги совершали дальній обходъ и къ вечеру были на линіи Сандіаза-Таминтунь, въ тылу праваго фланга арміи Каульбарса. Одновременно съ началомъ этихъ операцій противъ нашего крайняго праваго фланга, бой на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ потерялъ прежнюю свою напряженность. Сразу стало ясно, что на лѣвомъ нашемъ флангѣ японцы только энергично демонстрировали и, оттянувъ туда наши силы, ударили своими главными силами на нашъ правый флангъ. Но для ген. Куропаткина ударъ по нашему правому флангу оказался полной **неожиданностью**.

Въ тотъ же день, **16-го февраля**, маршалъ Ойяма, стремясь удержать ген. Куропаткина отъ мысли, послать противъ обходныхъ колоннъ ген. Ноги часть войскъ изъ центра, приказалъ ген. Нодзу произвести рядъ атакъ на нашъ центръ у Путиловской сопки.

Къ вечеру произошли для Куропаткина опять „**новыя неожиданности**“: Армія Ноги, совершивъ свое обходное движеніе, очутилась въ тылу арміи Каульбарса у д. Салипу (къ западу отъ Мукдена).

Только теперь, послѣ цѣлаго ряда самыхъ тревожныхъ донесеній, ген. Куропаткинъ, наконецъ, разобрался въ истинныхъ намѣреніяхъ маршала Ойямы.

Съ фактомъ, обхода праваго фланга нашего расположенія и, еще болѣе, съ занятіемъ японцами нѣкоторыхъ пунктовъ въ тылу арміи ген. Каульбарса, откуда они угрожали желѣзной до-

рогѣ Мукденъ-Телинъ, нашей единственной коммуникаціонной линіи, положеніе нашихъ армій сразу сдѣлалось очень серьезнымъ.

Необходимо было немедленно принять цѣлый рядъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ для предотвращенія назрѣвавшей катастрофы (ген. Маккъ въ Ульмѣ).

Въ такомъ положеніи 16-го февраля ночью ген. Куропаткинымъ было отдано слѣдующее приказаніе:

1. 25-ой дивизіи резерва немедленно идти къ Каолитупю на соединеніе съ отрядомъ ген. Биргера.

2. Двумъ бригадамъ 9-ой и 31-ой дивизіи (изъ арміи Каульбарса) немедленно двинуться тоже къ Каолитуню.

3. Всѣмъ этимъ частямъ поступить подъ начальство командира XVI-го корпуса ген. Топорина.

4. Ген. Каульбарсу отдѣлить изъ своей арміи еще 32 баталіона и отрядъ этотъ немедленно двинуть въ направленіи на д. Салинпу на перерѣзъ движенію колоннъ ген. Ноги.

5. Ген. Каульбарсу принять общее руководство дѣйствіями войскъ западнаго фронта, а ген. Ляунцу поручить командованіе оставшимися частями **второй** арміи.

6. I-му Сиб. Корп. немедленно идти съ лѣваго фланга къ правому въ д. Байтапу и составить стратегическій резервъ.

Разбирая эти распоряженія ген. Куропаткина нельзя не обратить вниманія на то, что всѣ они носятъ характеръ поспѣшности и малой обдуманности, свидѣтельствующей о нѣкоторой неожиданности и растерянности въ нашей главной квартирѣ.

Въ самомъ дѣлѣ: съ цѣлью противодѣйствія обходу, на западный фронтъ направляется большинство частей почему-то изъ **второй** арміи, ослаблять которую, въ виду рѣшительныхъ событій, разыгрывающихся именно въ раіонѣ ея расположенія, было болѣе чѣмъ опасно. Несравненно цѣлесообразнѣе было взять для этой цѣли войска изъ **третьей и первой** арміи гѣмъ болѣе, что, создавшаяся къ этому времени, обстановка не внушала никакой опасности отъ нѣкотораго численнаго ослабленія ихъ, ибо, на прекрасно укрѣпленныхъ позиціяхъ этихъ армій, онѣ могли свободно держаться даже противъ превосходныхъ силъ противника.

Съ разсвѣтомъ **17-го февраля** японцы опять атаковали правый флангъ **второй** арміи и вынудили наши войска податься назадъ къ д. Цаенза.

Ввиду того, что японцы, продвигаясь къ сѣверу, заняли къ исходу этого дня пункты, расположенные въ тылу нашего праваго фланга, ген. Куропаткинъ вечеромъ приказалъ нашимъ вой-

скамъ, находившимся въ д. Цаензы, отодвинуться еще болѣе назадъ на линію д.д. Тусампу-Туэльпу.

Въ этотъ-же день XVI-ый корпусъ, получившій приказаніе Куропаткина идти на д. Салинпу и затѣмъ далѣе, продвинулся только до этой деревни и, найдя ее занятой японцами, атаковалъ ихъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ атакъ ген. Топоринъ расположилъ свои войска восточнѣе этого селенія.

17-го же отряду ген. Биргера приказано было возвратиться отъ Каолитуня къ Мукдену. Пробившись съ боемъ черезъ японскія части, уже продвинувшіяся къ Синминтинской дорогѣ, отрядъ этотъ былъ сейчасъ же направленъ ген. Куропаткинымъ на ст. Хушитай, для прикрытія желѣзной дороги.

Кромѣ этого ген. Куропаткинъ приказалъ изъ войскъ XVII-го корпуса (III армія) немедленно образовать отрядъ силою въ 12-ть баталіоновъ, который подъ начальствомъ ген. Де-Витта двинуть форсированнымъ маршемъ къ Мукдену для занятія позиціи у **„Императорскихъ Могилъ“**.

Утромъ **18-го февраля вторая** армія расположилась на новыхъ, назначенныхъ для нея, позиціяхъ. При перемѣнѣ фронта на Западъ, на правомъ флангѣ этой арміи и отступленіи ея въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ, правый флангъ **третьей** арміи оказался слишкомъ выдвинутымъ впередъ, а потому, для установленія связи между нимъ и лѣвымъ крыломъ **второй** арміи, его пришлось загнуть къ сѣверу, къ д. Ланьшаньпу.

Между тѣмъ армія ген. Ноги, въ теченіе болѣе пяти сутокъ непрерывно, продвигаясь все дальше и дальше къ сѣверу, растянулась на огромномъ пространствѣ, разстроилась и начала ощущать недостатокъ въ продовольствіи.

Это былъ самый удобный моментъ для нападенія на нее энергичнымъ переходомъ въ наступленіе войсками нашего западнаго фронта.

Прекрасно понимая критическое положеніе своей обходной арміи на маршѣ, Маршалъ Ойяма, дабы предотвратить нападеніе на нее войскъ нашего западнаго фронта при поддержкѣ частями войскъ изъ **третьей** и **первой** нашихъ арміи, **18-го февраля**, приказалъ генералу Куроки произвести рядъ атакъ на позиціи арміи ген. Линевича, а генералу Нодзу на позиціи **третьей** арміи ген. Бильдерлинга.

Во исполненіе этого приказанія **18-го февраля армія ген. Куроки** повела рядъ атакъ на позиціи 2-го корпуса ген. Засулича (I армія), стремясь прорваться къ д. Кандолисану и на дорогу

Кандолисанъ-Кіузань-Телинъ, а **армія Нодзу** — на Путиловскую сопку въ центрѣ нашей **третьей арміи.**

Къ вечеру этого дня всѣ **тринадцать** бѣшенныхъ атакъ Куроки были окончательно отбиты мужественными войсками II-го корпуса съ огромнымъ урономъ для японцевъ.

Такая же участь постигла и всѣ атаки войскъ Нодзу на Путиловскую сопку.

Но главная цѣль маршала Ойямы была достигнута:

Начавшій, по иниціативѣ своего командира ген. Топорина, рано утромъ **18-го февраля**, энергичное наступленіе противъ арміи ген. Ноги на участкѣ у д. Салинпу, XVI-й корпусъ, не только не былъ поддержанъ остальными частями войскъ западнаго фронта, но даже и самъ былъ вскорѣ остановленъ въ своемъ благородномъ порывѣ генераломъ Каульбарсомъ, приказавшимъ этому корпусу прекратить наступленіе и немедленно отступить на линію мукденскихъ укрѣпленій.

Не знаю какими соображеніями руководился этотъ почтенный годами генералъ, отдавая такое свое распоряженіе, но вся обстановка утромъ **18 го февраля** не только говорила, но громко **кричала** о необходимости рѣшительнаго натиска всѣми силами на утомленную непрерывными маршами и слабую своею растянутостью армію ген. Ноги.

Отдавая 18-го февраля свое приказаніе объ отступленіи XVI-го корпуса къ мукденскимъ укрѣпленіямъ, генералъ Каульбарсъ этимъ не только позволилъ себѣ, безъ серьезнаго основанія, нарушить, на сей разъ цѣлесообразное и вполнѣ опредѣленное распоряженіе Главнокомандующаго объ упорной оборонѣ позиціи (Дембовскаго) по линіи стараго желѣзнодорожнаго полотна, но и, что еще важнѣе, упустилъ случай прорвать походно фланговое движеніе арміи ген. Ноги и отрѣзать части этой арміи, уже успѣвшія продвинуться сѣвернѣе д. Салинпу, отъ ихъ коммуникаціонныхъ линій.

Отвѣтственность за это распоряженіе, несомнѣнно, ложится всею своею тяжестью только на этого генерала: оно, быть можетъ, было причиною проигрыша нами мукденскаго сраженія, и, затѣмъ, еще разъ—и всей кампаніи

19-го февраля всѣ части войскъ, въ количествѣ не менѣе 110.000 человѣкъ, предназначенныя для операцій противъ обходной арміи ген. Ноги, заняли укрѣпленную мукденскую позицію, на правомъ берегу р. Хуньхэ, отъ д. Мадяпу до Императорскихъ могилъ. На лѣвомъ флангѣ этой позиціи у д. Мадяпу расположился отрядъ ген. Гершельмана, сѣвернѣе его—ген. Русанова

и т. д., а у „Императорскихъ Могилъ“—отрядъ ген. де-Витта.

Въ тылу первой линіи, ближе къ Мукдену, составляя, какъ-бы, резервъ первой,—расположились: за правымъ флангомъ у мукденскаго вокзала I-ый Сиб. корпусъ, за лѣвымъ—у д. Сат-

хоза—отрядъ ген. Мылова. Позиціи на лѣвомъ берегу р. Хунь-хэ, составлявшія промежутокъ между войсками **западнаго фронта** и **третьей** арміей ген. Бильдерлинга, заняли части войскъ, оставшіяся въ составѣ **второй** арміи. **Третья** и **первая** наши арміи къ этому дню занимали прежнее положеніе.

Такимъ образомъ, драгоцѣннѣйшее время, весь день **19-го февраля**, было нами потеряно на отдачу различныхъ распоряженій и на передвиженія войскъ.

Вечеромъ, когда назначенное ген. Куропаткинымъ размѣщеніе нашихъ войскъ закончилось, онъ отдалъ приказаніе, чтобы утромъ 20-го февраля войска западнаго фронта начали наступленіе противъ ген. Ноги, направляя главный ударъ на лѣвый флангъ его арміи.

Какъ ни страннымъ покажется, но, по мысли ген. Куропаткина (это видно изъ приказаній, отданныхъ имъ на 20-ое февраля), конечною цѣлью операціи 100.000 арміи на 20-ое число ставилось не разбитіе арміи ген. Ноги, а лишь овладѣніе позиціями вдоль стараго желѣзнодорожнаго полотна, оставленными нами японцамъ безъ боя по приказанію ген. Каульбарса 18-го февраля.

Получивъ къ вечеру 19-го февраля точныя свѣдѣнія о передвиженіяхъ и расположеніи нашихъ войскъ, маршалъ Ойяма сразу увидѣлъ, что положеніе, занятое къ этому времени обходными колоннами арміи ген. Ноги, не позволяетъ ему считать подготовку, къ задуманному имъ обходу законченной, т. к. позиціи этихъ колоннъ оказались южнѣе нашего праваго фланга у „Императорскихъ могилъ".

Чтобы все таки осуществить свой планъ обхода, рѣшительный и крайне настойчивый, японскій маршалъ не остановился ни передъ серьезной опасностью, ни передъ крайними трудностями, которыми должны были сопровождаться весьма сложные подготовительные маневры войскъ арміи ген. Ноги.

Предпринимая столь рискованную операцію, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ превосходными силами русскихъ, маршалъ Ойяма не рискнулъ, однако, поставить успѣхъ этого дѣла въ зависимость только отъ уже неоднократно имъ испытаннаго, инертнаго и пассивнаго образа дѣйствій ген. Куропаткина.

Основывая несомнѣнно свой главный расчетъ на этихъ свойствахъ характера нашего Главнокомандующаго, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, принялъ и рядъ мѣръ, долженствовавшихъ содѣйствовать успѣху его цѣли.

Чтобы принудить Куропаткина отказаться отъ предпринимаемаго имъ 20-го февраля наступленія противъ арміи ген. Ноги, т. е. на время сложныхъ подготовительныхъ маневровъ ея, а нашу **вторую** армію—отъ содѣйствія этому наступленію, маршалъ Ойяма приказалъ: Арміи ген. Ноги, совершивъ предварительно необходимое перестроеніе войскъ, лѣвыми своими колоннами

продвинуться къ сѣверу въ раіонъ д. д. Ташичао—Пинлопу, армейскому резерву немедленно двинуться форсированнымъ маршемъ на поддержку арміи ген. Ноги, а арміи ген. Оку съ разсвѣтомъ 20-го февраля произвести энергичную атаку—демонстрацію на позиціи **второй** нашей арміи у д. Мадяпу вдоль обоихъ береговъ р. Хуньхэ.

Опять пунктъ для демонстраціи маршаломъ Ойямой былъ выбранъ чрезвычайно удачно. Позиціи у д. Мадяпунъ имѣли для насъ огромное значеніе: онѣ прикрывали кратчайшіе пути къ Мукдену и прорывъ нашего фронта въ этомъ мѣстѣ ставилъ въ почти безвыходное положеніе наши **третью** и **первую** арміи. Понятно, что стремительный натискъ японцевъ на этотъ пунктъ легко могъ быть принятъ ген. Каульбарсомъ за мѣсто главнаго удара.

На разсвѣтѣ **20-го февраля**, когда войска нашего западнаго фронта еще только приготовлялись къ предстоящему наступленію, противъ позиціи ген. Церпицкаго началась орудійная пальба, а въ пять часовъ утра ген. Оку уже повелъ свои рѣшительныя атаки на лѣвое крыло отряда ген. Церпицкаго, направляя главный ударъ вдоль рѣки Хуньхэ.

Получивъ донесеніе отъ ген. Церпицкаго о положеніи дѣлъ у д. Мадяпу и опасаясь прорыва японцевъ въ этомъ мѣстѣ къ дорогамъ на Мукденъ, ген. Каульбарсъ тотчасъ-же посылаетъ въ распоряженіе ген. Церпицкаго одну бригаду, взятую имъ изъ центра Западнаго фронта и приказываетъ отмѣнить назначенное на этотъ день наступленіе нашихъ войскъ противъ арміи ген. Ноги.

На этотъ разъ уже не ген. Куропаткинъ, а, лишенный полководническихъ дарованій, ген. Каульбарсъ попался въ тенета умнаго и даровитаго японскаго главнокомандующаго.

Дѣйствительно, къ вечеру атаки ген. Оку на позиціи корпуса ген. Церпицкаго совершенно прекратились и цѣль Маршала Ойямы была блестяще достигнута:

1) **Вторая** армія была удержана на своихъ позиціяхъ.

2) Наступленіе войскъ нашего западнаго фронта не состоялось и

3) Колонны ген. Ноги, спокойно совершивъ свои сложные маневры, двигались на сѣверъ, въ обходъ и охватъ нашихъ позицій у „Императорскихъ могилъ“.

Вечеромъ 20-го февраля, когда ген. Куропаткинъ узналъ и о результатахъ дня, и объ ошибочныхъ распоряженіяхъ ген. Каульбарса, то, вполнѣ основательно, остался очень недоволенъ ими.

„Сегодня", писалъ онъ ген. Каульбарсу, **„по разнымъ причинамъ сдѣлано Вами очень мало; необходимо, чтобы завтра задача, на войска второй арміи возложенная, была выполнена"**.

Эта мягкость, эта почти великосвѣтская деликатность, этотъ скорѣе дружескій упрекъ, чѣмъ безусловно заслуженное ген. Каульбарсомъ, суровое замѣчаніе начальника своему подчиненному, становятся положительно непонятными въ столь отвѣтственномъ и серьезномъ дѣлѣ, какимъ было, именно въ этотъ періодъ Мукденскихъ боевъ, руководительство операціями войскъ западнаго фронта и **второй** арміи.

На самомъ дѣлѣ ген. Каульбарсомъ 20-го февраля **„по разнымъ причинамъ"** было сдѣлано вовсе **не „очень мало"** имъ было сдѣлано **рѣшительно все**, чтобы какъ будто нарочно, содѣйствовать японскому главнокомандующему въ осуществленіи задуманнаго имъ плана: 18-го февраля онъ остановилъ драгоцѣнное по времени и обстановкѣ наступленіе ген. Топорина и приказалъ ему отступить на линіи Мукденскихъ укрѣпленій, тогда же онъ сдѣлалъ распоряженіе, вопреки указаніямъ ген. Куропаткина, объ оставленіи нашими войсками, весьма цѣнныхъ для насъ, позицій вдоль стараго желѣзнодорожнаго полотна, а 20-го февраля поймавшись въ ловушку маршала Ойямы, онъ отмѣнилъ наступленіе войскъ нашего западнаго фронта противъ обходной арміи ген. Ноги, находившейся въ весьма критическомъ и очень уязвимомъ положеніи, во время совершенія ею своихъ сложныхъ подготовительныхъ маневровъ.

Отсутствіе у ген. Каульбарса воинскаго чутья, вдохновенія, таланта и дарованій въ эти два дня мукденскихъ боевъ, сказалось съ почти скульптурною выпуклостью. И становится послѣ этого непонятнымъ, какимъ образомъ ген. Куропаткинъ могъ рискнуть поручать ему и въ дальнѣйшемъ чрезвычайно отвѣтственную задачу на нашемъ западномъ фронтѣ.

21-го февраля войска нашего западнаго фронта были усилены еще нѣсколькими отрядами, а армейскій (стратегическій) резервъ ген. Куропаткинымъ еще 20-го февраля былъ передвинутъ къ ст. Мукденъ.

Теперь на западномъ фронтѣ была сосредоточена нами внушительная армія, силы которой опредѣлялись до 150,000 человѣкъ.

Утромъ 21 февраля отрядъ ген. Гергросса началъ наступленіе вдоль большой дороги Мукденъ—Сипингинъ. Въ 9 часовъ утра правая колонна этого отряда атаковала японцевъ у д. Людзыхуаня. На помощь этой колоннѣ ген. Гергроссъ немедленно направилъ остальныя свои колонны.

Завязался упорный, жаркій бой, но дружныя усилія нашихъ войскъ потерпѣли неудачу. Оказалось, что за время нашего выжиданія 18-го, 19-го и 20-го февраля японцы успѣли очень сильно укрѣпить позиціи на Синминтинской дорогѣ, а потому отряду ген. Гернгросса и не удалось овладѣть дер. Ташичао. Понеся огромныя потери въ этомъ бою, отрядъ ген. Гернгросса отложилъ рѣшительную атаку японскихъ позицій на ночь.

Къ вечеру ген. Каульбарсъ, подъ вліяніемъ впечатлѣній дня окончательно отказался отъ какихъ бы то ни было активныхъ дѣйствій противъ армій Ноги и Оку и отдалъ приказъ: **„Завтра 22-го февраля всѣмъ ввѣреннымъ мнѣ войскамъ удерживать свои позиціи“.**

Вмѣстѣ съ переходомъ нашихъ войскъ къ „удержанію своихъ позицій,“ т. е. къ пассивной оборонѣ, была рѣшена и участь всего мукденскаго сраженія. А между тѣмъ, ни вся обстановка на полѣ сраженія, ни даже само численное соотношеніе силъ сторонъ не только не вынуждали насъ къ такому образу дѣйствій, но настойчиво требовали энергичной активности.

Правда, результаты наступленія, предпринятаго нами 21-го февраля, были неудачны, но, надо сознаться, что причиною этой неудачи опять таки были только мы, только генералы Каульбарсъ и Куропаткинъ. Войска наши, по прежнему, совершали чудеса храбрости и гибли массами, но вся ихъ беззавѣтная храбрость, вся ихъ отвага тщетно разбивались объ отсутствіе воинскихъ талантовъ и дарованій руководителей.

Такъ напримѣръ, во время атакъ ген. Гернгросса на укрѣпленныя позиціи у д. Лидзыхуатуня, всѣ остальныя войска **западнаго фронта** оставались прикованными къ своимъ позиціямъ и не обнаруживали ни малѣйшей попытки поддержать атаки войскъ ген. Гернгросса энергичнымъ наступленіемъ по всему фронту. И ген. Куропаткинъ, много разъ раньше, и ген. Каульбарсъ теперь, какъ будто, совершенно забыли о существованіи **„взаимной поддержки“**, не только въ глубь боевого расположенія —резервами, но и по фронту дружнымъ натискомъ на противника, если онъ насѣдаетъ на сосѣда или упорно обороняется на своихъ позиціяхъ.

Надо сказать, что элементарное правило, о **„взаимной поддержкѣ“**, въ только что поясненномъ смыслѣ, почему-то, усиленно игнорировалось нами въ продолженіи всей этой злополучной кампаніи; зато японцы во всѣхъ бояхъ неукоснительно осуществляли его и вездѣ съ неизмѣннымъ успѣхомъ.

И въ этомъ бою, какъ только колонны ген. Гернгросса атаковали позиціи японцевъ у Лядзяхутуня, ген. Оку немедленно началъ громить артиллерійскимъ огнемъ нашъ лѣвый флангъ западнаго фронта, и повелъ самыя энергичныя атаки противъ позицій ген. Церпицкаго.

Никто, конечно, не можетъ съ полной увѣренностью сказать чѣмъ бы закончился день 21-го февраля, если бы ген. Каульбарсъ, поддержавъ наступленіе отряда ген. Гернгросса, всѣми силами войскъ западнаго фронта обрушился на арміи генераловъ Оку и Ноги. Имѣется много и весьма серьезныхъ основаній полагать, что генеральное сраженіе въ этотъ день могло завершиться пораженіемъ японскихъ армій.

Во всякмъ случаѣ, несомнѣнно, что вялость, медленность и нерѣшительность, обнаруженныя съ нашей стороны 21-го февраля и, особенно, отсутствіе твердой воли, не позволившей довести до конца уже начатое наступленіе, явились причинами, которыя, впослѣдствіи, поставили наши арміи въ самое критическое положеніе, а маршала Ойяму увѣнчали лаврами блестящаго мукденскаго побѣдителя.

На разсвѣтѣ **22-го февраля** японцы повели наступленіе по всему фронту нашего расположенія.

Послѣ упорнаго сопротивленія въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, отряды Запольскаго и Леша (на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ), принуждены были отступить со своихъ позицій. Вслѣдствіе этого сѣверная колонна ген. Ноги продвинулась на фронтъ деревень Кунзятунь-Падяза къ сѣверу отъ Мукдена.

Нѣсколько южнѣе, у д. Юхуантунь жаркій и упорный бой, продолжавшійся непрерывно въ теченіе четырнадцати часовъ и стоившій намъ 5.500 человѣкъ, окончился для японцевъ неудачно и они, понеся огромный уронъ, отступили.

Въ районѣ позицій ген. Церпицкаго нѣсколько атакъ, слѣдующихъ одна за другою, тоже были всюду отбиты.

Противъ нашей **III-й** арміи японцы свои усилія направили противъ д. Ханченпу и къ вечеру овладѣли этой деревней.

Нѣсколько японскихъ атакъ противъ позицій нашей **I-ой** арміи были также отбиты войсками ген. Линевича.

Но особеннымъ фанатизмомъ въ этотъ день отличались атаки ген. Кавамуры на позиціи отряда ген. Ренненкампфа. Непрерывный жаркій бой въ этомъ пунктѣ, продолжавшійся въ теченіе 28-ми часовъ и всѣ усилія Кавамуры сломить стойкость и упорство нашихъ храбрыхъ войскъ окончились полной неудачей:

всѣ бѣшенныя атаки японцевъ были блестяще отбиты съ огромнымъ урономъ для нихъ.

При такихъ условіяхъ въ ночь съ 22-го на 23-е февраля арміямъ генераловъ Линевича и Бильдерлинга генераломъ Куропаткинымъ было приказано покинуть залитыя русской кровью позиціи на р. Шахэ и отступить на правый берегъ р. Хуньхэ.

23-го февраля, во время отступленія нашихъ **I-ой** и **III-ей** армій, на протяженіи всего нашего западнаго фронта шли ожесточенные бои. Около полудня японцы повели необыкновенно энергичное наступленіе въ районѣ Императорскихъ Могилъ, къ сѣверо-западу отъ Мукдена, стремясь прорвать здѣсь нашъ фронтъ и, овладѣвъ желѣзной дорогой, отрѣзать намъ путь отступленія на Телинъ. Слабый отрядъ полковника Запольскаго былъ совершенно смятъ, а самъ Запольскій убитъ. Остатки этого отряда отступили къ д. Тахентунь. Но неудержимое стремленіе японцевъ къ нашей желѣзной дорогѣ было остановлено беззавѣтной храбростью и стойкостью войскъ отряда ген. Ляупца, занимавшаго позиціи по линіи деревень Кунзятунь-Унгентунь. Встрѣтивъ надлежащій отпоръ, японцы остановились и начали изъ орудій обстрѣливать нашу желѣзную дорогу.

Вслѣдъ за отступленіемъ **I-ой** и **III-ей** нашихъ армій, не преслѣдуя ихъ, двигались къ сѣверу и арміи генераловъ Нодзу, Оку и Кавамуры, обнаруживая тенденцію сосредоточиванія на фронтѣ деревень Гудзядцы—Кіузань.

Къ вечеру 23-го февраля пять японскихъ армій заняли относительно Мукдена и нашихъ войскъ слѣдующее положеніе:

1) Армія ген. Ноги къ сѣверо-западу отъ Мукдена по линіи деревень Кусантунь-Тхепитунь-Сяохентунь.

2) Армія ген. Оку къ западу отъ Мукдена противъ войскъ ген. Церпицкаго.

3) Армія ген. Нодзу къ югу отъ Мукдена противъ арміи ген. Бильдерлинга и

4) Арміи генераловъ Куроки и Кавамуры къ востоку отъ Мукдена, первая противъ арміи ген. Линевича, а вторая—противъ отрядовъ генераловъ Ренненкампфа и Данилова.

При такой обстановкѣ, грозившей нашимъ войскамъ полнымъ окруженіемъ, если японцы овладѣютъ желѣзной дорогой на участкѣ—Унгентунь-Хушитай и прорвутъ въ какомъ-нибудь пунктѣ наше растянутое расположеніе на фронтѣ **III-ей** или **I-ой** армій, ген. Куропаткинъ, потерявшій уже всякую надежду на какую-либо активность со стороны ген. Каульбарса, рѣшился,

Кучендза
Пухе
Ванхуаин
Ц Хушитай
Ханхэтай
Хузанктунь
Мазуанза
Хунсанк
Фындхлоу
Гунчандза
Сюдоуза
Госинтунь
Кусанктунь
Цзуртунь
Ерва
Тава
Тхэнитунь
Рындятунь
Сандхза
Чаудхлоу
Еугоу
Паодятунь
Унжитунь
Кунцзятунь
Куандхлоу
Сандхлоу
Цаопинза
Сантайцза
Юзинпу
Падхза
Ергайцзы
Вазые
Унгонтунь
Тидхфалу
Яктай
Кизанк
Ханьцзяпу
Фусинпу
Минтань
Ранситунь
Тинтяктунь
Хэуха
Люхуаюань
Матюанза
Нюсинтунь
Кудхза
Станция
Люхуанитунь
Ландюнтунь
Лугунтунь
Юшилу
Сандцзюн
Палину
Мугань
МУКДЕН
Янсытунь
Таолу
Кантяктунь
Сатхоза
Сюсатоза
Ланьцун
Цзоцзуантунь
Мадзяпу
Скалатунь
Пухе
Тасымуа
Глотай
Есимуа
Фандятюлю
Куандхлоу
Сюфанхэцзы
Тита
Кавамура
Маслитаві
Ю Ж Н О - М А Н Ь Ч Ж У Р Ь Я
Ю Ж Н О - М А Н Ь Ч Ж У Р Ь Я
К И Т А Й
К У Р С К А Я
Ю Ж Н О - З А У Р А Л Ь С К А Я
I Сиб. ж.
II Сиб. ж.
III Сиб.
V Сиб. ж.
VI Сиб. ж.
XIII арм. ж.

наконецъ, перейти въ наступленіе противъ обошедшихъ насъ колоннъ арміи ген. Ноги.

Сформировавъ для этой цѣли отрядъ изъ частей войскъ **III-ей** и **I-ой** арміи и поручивъ командованіе отрядомъ ген. Мылову, ген. Куропаткинъ приказалъ ему немедленно двинуться къ сѣверу отъ Мукдена на линію деревень Хузантунь-Цуэртунь, укрѣпиться на этихъ позиціяхъ, а затѣмъ, съ разсвѣтомъ, 24-го перейти въ рѣшительное наступленіе противъ войскъ ген. Ноги.

Но драгоцѣнное время было уже утеряно и ошибки, совершенныя ген. Каульбарсомъ въ предыдущіе дни мукденскихъ боевъ, уже были непоправимы.

Однако, наступленіе отряда ген. Мылова **24-го февраля**, эта послѣдняя попытка ген. Куропаткина разбить и отбросить колонны ген. Ноги, предпринятое при крайнѣ неблагопріятной обстановкѣ на полѣ битвы, и во время начавшагося песочнаго урагана, дувшаго прямо въ лицо нашимъ войскамъ и засыпавшаго имъ глаза, хотя потерпѣло неудачу у д. Тхеннтунь, и уже не могло спасти насъ отъ проигрыша мукденскаго сраженія, но зато еще разъ наглядно показало всѣ преимущества и выгоды активныхъ дѣйствій, такъ какъ безусловно предупредило прорывъ нашего фронта на сѣверо-западѣ и не дало японцамъ возможности овладѣть нашей желѣзной дорогой.

Въ тотъ же день 24-го февраля въ два часа дня часть войскъ ген. Куроки, воспользовавшись свирѣпствовавшимъ песчаннымъ штормомъ, неожиданно атаковала позиціи арміи ген. Линевича у д. Кіузань и, сбивъ въ этомъ мѣстѣ наши войска, прорвалась между позиціями I-го армейскаго и II-го Сибирскаго корпусовъ и быстро заполнила образовавшійся промежутокъ.

Такимъ образомъ II-ой и III-й Сибир. корпуса и отряды Ренненкампфа и Данилова оказались оторванными и изолированными и отъ Главнокомандующаго, и отъ остальныхъ нашихъ войскъ.

Окончательно растерявшись, ген. Куропаткинъ вечеромъ 24-го Февраля, когда уже всѣ наши войска были на правомъ берегу р. Хуньхэ, отдалъ приказъ объ общемъ отступленіи къ Телину.

Въ ночь съ 24-го на 25-ое февраля былъ поспѣшно эвакуированъ Мукденъ, а утромъ 25-го февраля столица Маньчжуріи уже была занята японцами.

Утромъ **25-го февраля** японцы, прорвавшіеся у д. Кіузань, довольно значительными силами уже занимали высоты у

с. Пухэ и находились въ 18-ти верстахъ сѣвернѣе Мукдена и всего лишь въ десяти верстахъ къ востоку отъ Мандаринской дороги, захвативъ нѣкоторые пути на Телинъ.

Въ теченіе этого дня войска генераловъ Ноги и Куроки, продвигались къ сѣверу и вытягивались по обѣ стороны желѣзной дороги, образуя собой съ запада и съ востока, какъ-бы стѣны огромнаго коррридора, шириною въ 10—12 верстъ.

Само собою разумѣется, что отступленіе по этому коррридору нашей огромной арміи, обремененной колоссальнымъ обозомъ и тѣснимой съ юга войсками генераловъ Оку и Нодзу, было сопряжено съ неимовѣрными трудностями и опасностями. И если отступленіе это было совершено сравнительно благополучно и не завершилось позорной катастрофой, то этимъ мы обязаны только распорядительности частныхъ начальниковъ и самоотверженію нашихъ войскъ, сражавшихся подъ ихъ руководствомъ, т. к. высшаго, общаго управленія отступленіемъ со стороны Главнокомандующаго не существовало. Части нашихъ войскъ, двигались по Мандаринской дорогѣ, смѣшивались и до краю затрудняли отступленіе другъ другу.

Но настоящую панику и смятеніе среди нашихъ обозовъ, двигавшихся къ сѣверу нѣсколькими параллельными колоннами, произвелъ орудійный огонь, открытый японцами въ часъ дня съ востока, со стороны д. Тава: тотчасъ обозныя повозки и артиллерійскіе зарядные ящики понеслись на западъ въ сторону желѣзной дороги и безъ разбору стали мять, давить и опрокидывать все, что попадалось имъ на пути.

Въ лощинѣ между желѣзной дорогой и селен. Вазые собралось свыше десяти тысячъ отсталыхъ. Здѣсь они, обезумѣвъ отъ страха, столпились и не знали, что предпринять. Наконецъ къ вечеру капитану Модлинскаго полка Иванову удалось ихъ кое какъ успокоить, устроить, а затѣмъ пробиться съ ними къ полотну желѣзной дороги.

Всѣ наши арьергарды выдержали рядъ тяжелыхъ ожесточенныхъ боевъ съ насѣдавшимъ противникомъ. Арьергарды генераловъ Соллогуба и Гапенфельда были почти цѣликомъ уничтожены, а остатки ихъ попали въ плѣнъ вмѣстѣ со своими начальниками.

Арьергарду генерала Мылова, прикрывавшему отступленіе второй арміи, пришлось вести тяжелую борьбу на три фронта, а потому онъ понесъ ужасающія потери: отъ I-го Восточнаго Стрѣл. полка осталось всего 113 человѣкъ а отъ 98-го Юрьевскаго—600 человѣкъ.

Первая армія ген. Линевича совершила свое отступленіе по горной дорогѣ Фушунь—Телинъ въ полномъ порядкѣ.

Къ ночи 26-го Февраля кончилось двухъ-дневное, небывалое для русской арміи, тяжелое отступленіе и наши войска заняли укрѣпленныя Телинскія позиціи, оставивъ въ арьергардѣ **второй** Сибирскій корпусъ ген. Засулича.

Въ рядѣ Мукденскихъ боевъ мы понесли огромныя потери: выбыло изъ строя убитыми, ранеными, взятыми въ плѣнъ болѣе 90.000 человѣкъ, т, е. столько же и сколько за всю русско-турецкую войну 1877-1878 годовъ. Во время этихъ боевъ дважды былъ серьезно раненъ доблестный ген. Церпицкій и эти раны, уже по окончаніи войны, свели его въ могилу.

Японцы все время тѣснили насъ и 1-го марта энергично атаковали наши аріергардныя Телинскія позиціи. Здѣсь произошелъ горячій жестокій бой, покрывшій славою корпусъ ген. Засулича. Рѣшительно всѣ японскія атаки были блестяще отбиты съ огромнымъ для непріятеля урономъ. Не подлежало никакому сомнѣнію, что настойчивый нашъ противникъ, съ цѣлью овладѣть, весьма важнымъ въ стратегическомъ отношеніи, Телинскимъ горнымъ дефилэ, возобновитъ свои атаки на другой же день. Для рѣшенія вопроса о томъ, отстаивать ли Телинскія позиціи или, отступивъ на сѣверъ, оставить ихъ японцамъ безъ боя, Куропаткинъ созвалъ военный совѣтъ. Большинство, во главѣ съ ген. Линевичемъ, находило, что надо оборонять могущественно укрѣпленную Телинскую позицію и что ее можно безусловно отстоять. Ген. Куропаткинъ, по обыкновенію, колебался, но 2-го марта отдалъ приказъ объ отступленіи. Въ ночь на 3-е марта Телинъ былъ занятъ японцами, а наши арміи, нѣсколькими колоннами отступили на сѣверъ.

3-го марта послѣдовалъ **высочайшій** приказъ объ увольненіи ген. Куропаткина отъ должности Главнокомандующаго и о назначеніи Главнокомандующимъ ген. Линевича.

4-го марта ген. Линевичъ вступилъ въ командованіе всей русской дѣйствующей арміей и немедленно прекратилъ дальнѣйшее отступленіе ея, приказавъ нашимъ арміямъ занять позиціи по линіи станціи Сыпингаи. Къ 9-му марта наши арміи сосредоточились на Сыпингайской позиціи между Телиномъ и р. Сунгари. 8-го марта Куропаткинъ былъ назначенъ командующимъ **первой** арміей вмѣсто ген. Линевича. Командующимъ **третьей** арміей, вмѣсто отставленнаго барона Бильдерлинга, былъ назначенъ 13-го марта ген. Батьяновъ, а начальникомъ штаба Главнокомандующаго вмѣсто Сахарова—ген. Харкевичъ.

Чрезвычайно трудная и тяжелая задача выпала на долю престарѣлаго ген. Линевича. Но онъ увѣренно и энергично взялся за дѣло реорганизаціи арміи, глубоко убѣжденный въ конечной побѣдѣ русскаго оружія. Россія и войска вѣрили въ своего закаленнаго въ бояхъ вождя и никто не сомнѣвался, что періодъ отступленій для русской арміи окончился вмѣстѣ съ этимъ назначеніемъ.

Ген. Линевичъ подвергъ реформамъ всѣ отрасли войскового и боевого дѣла. Въ арміи была немедленно усилена дисциплина и введены ежедневныя ученія—маневры.

Японцы по всему фронту ихъ расположенія какъ бы замерли и не смѣли шевельнуться. Серьезныхъ боевыхъ дѣйствій на Манжурскомъ театрѣ втеченіе всей весны и лѣта не было и затишье было нарушено только дважды по нашей иниціативѣ: 9-го и 10-го апрѣля нами были произведены рекогносцировки по всему фронту нашихъ трехъ арміи, а въ первыхъ числахъ мая былъ совершенъ блестящій набѣгъ на тылъ японскаго расположенія кавалерійскимъ корпусомъ ген.-ад. Мищенко.

Вмѣстѣ съ этимъ ген. Линевичъ энергично и усиленно сталъ готовить армію къ наступленію и страшному, рѣшительному бою. Пропускная способность Сибирской дороги была увеличена и новые полки непрерывно вливались въ составъ нашихъ армій.

Но желанію ген. Линевича, сразиться съ непріятелемъ и возстановить поколебленный престижъ славной русской арміи, не суждено было осуществиться. Японцы быстро сообразили, что передъ ними во главѣ Русской арміи находился уже не Куропаткинъ, а вождь съ дарованіями, съ твердымъ характеромъ и волей, вождь энергичный и рѣшительный, выдвинутый на свой высокій постъ не отраженными лучами военной славы другого великаго человѣка, а его собственными способностями и боевымъ опытомъ, а потому время легкихъ побѣдъ для нихъ безвозвратно миновало. Они поняли, что, лишившись въ лицѣ Куропаткина, своего, хотя и несознательнаго, но всемогущаго союзника, приказывавшаго русской арміи отступать даже въ дни славныхъ побѣдъ ея подъ Дашичао, Ляояномъ, на Шахэ и во время операціи ген. Гриппенберга, расчитывать на новую побѣду уже не могутъ, что рискъ новаго столкновенія для нихъ слишкомъ опасенъ и великъ и можетъ повести къ потерѣ всего, пріобрѣтеннаго ими за весь **Куропаткинскій періодъ** войны.

Подъ вліяніемъ вновь созданнаго положенія, японцы, прекрасно освѣдомленные о могущемъ ежедневно послѣдовать пере-

ходѣ русскихъ армій въ наступленіе, стали принимать всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, дабы предупредить возможность наступленія, послѣдствія котораго для нихъ были слишкомъ очевидны. Этого наступленія, какъ въ послѣдствіи оказалось, боялись не только одни японцы, передъ возможностью его трепетали и ихъ друзья американцы, ссудившіе Японію огромными капиталами для войны съ нами подъ залогъ будущей военной контрибуціи съ Россіи. Представленія Японіи въ Нью-Іоркѣ въ смыслѣ невозможности для Японіи въ дальнѣйшемъ продолжать войну съ Россіей, произвели на расчетливыхъ янки удручающее впечатлѣніе. Представитель Американской республики, Президентъ Штатовъ Рузевельтъ, до этого совершенно спокойно взиравшій на кровопролитіе, вдругъ почувствовалъ отвращеніе къ запаху человѣческой крови и 25-го мая 1905 года американскій посолъ въ Петербургѣ фонъ-Меіеръ передалъ нашему правительству ноту президента Рузевельта съ предложеніемъ сердечныхъ, дружескихъ услугъ быть безкорыстнымъ посредникомъ для начатія мирныхъ переговоровъ. 30-го мая со стороны нашего правительства послѣдовалъ благопріятный отвѣтъ и 1-го іюля былъ назначенъ С. Ю. Витте главнымъ уполномоченнымъ по веденію мирныхъ переговоровъ съ Японіей. 20-го іюля Витте прибылъ въ Нью-Іоркъ, а 27-го іюля начались мирные переговоры съ представителями Японіи въ Портъ-Смутѣ. 16-го августа уполномоченные обѣихъ сторонъ пришли къ полному соглашенію, а 24-го августа уже былъ подписанъ мирный договоръ. По этому договору Россія уступила Японіи Портъ-Артуръ и Квантунскую область, Манчжурскую желѣзную дорогу отъ ст. Куачензы и южную половину острова Сахалина. Кромѣ этого Корея, не юридически, но зато фактически была присоединена къ Японіи.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ заключеніе надо сказать, что, хотя минувшая русско-японская война 1904—1905 г. г. была для насъ неудачной, но зато она дала намъ весьма много поучительнаго:

1) Война эта еще разъ, передъ лицомъ всего міра, засвидѣтельствовала о высокихъ нравственныхъ качествахъ и безпредѣльной преданности нашихъ войскъ долгу, Царю и Отечеству.

Извѣстное изрѣченіе, что „**Русскаго солдата мало убить, его надо еще и повалить**“, безусловно остается весьма мѣткой и завидной характеристикой достоинствъ нашей славной арміи. И мы съ гордостью имѣемъ право сказать, что нашъ солдатъ, по прежнему, представляетъ собою лучшаго бойца въ мірѣ.

2) Она показала намъ, что тактическое обученіе нашихъ войскъ въ мирное время велось неосновательно и находилось не на должной высотѣ въ смыслѣ соотвѣтствія его съ современнымъ состояніемъ военной науки и техники.

3) Она обнаружила, что армія наша не была снабжена въ должной мѣрѣ новѣйшими военно-техническими изобрѣтеніями и усовершенствованіями, а снаряженіе ея оказалось непрактичнымъ и слишкомъ тяжелымъ.

4) Она раскрыла весьма серьезные недостатки нашей военной организаціи: наши административныя пѣхотныя единицы: дивизіи, бригады и полки, благодаря отсутствію въ ихъ составѣ другихъ родовъ оружія, оказались недостаточно подвижными, мало гибкими и почти неспособными къ выполненію нѣкоторыхъ самостоятельныхъ задачъ, а количество артиллеріи по отношенію къ другимъ родамъ оружія во всѣхъ частяхъ нашей арміи было слишкомъ мало.

5) Она краснорѣчиво подчеркнула всѣ недостатки нашего высшаго командnаго состава и системы комплектованія его. Большинство высшаго командnаго состава нашей Маньчжурской арміи оказалось и слишкомъ почтеннаго возраста, и не на должной высотѣ своего положенія.

Забывъ, что **„науки сокращаютъ опыты жизни“**, наши старшіе начальники всюду и вездѣ пренебрегали основными положеніями военнаго искусства, выработанными вѣками и услужливо рекомендуемыми на страницахъ элементарныхъ учебниковъ и учились на полѣ сраженія за дорогую цѣну тому, что успѣли позабыть за время службы въ мирное время.

Большинство ихъ, какъ будто не хотѣло въ свое время понять, что, поднимаясь по ступенямъ лѣстницы служебной іерархіи и получая все большую и большую самостоятельность и полноту власти, налагающихъ вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ и большую отвѣтственность, оно было обязано въ мирное время къ неустанному труду и самосовершенствованію въ своей спеціальности.

Вмѣсто этого, какъ показалъ опытъ прошлой войны, многіе изъ нихъ оказались значительно менѣе освѣдомленными въ своей спеціальности нежели ихъ подчиненные и обнаружили свое невѣжество въ основныхъ положеніяхъ военнаго искусства, полное незнакомство съ уроками военной исторіи и отсутствіе талантовъ, творчества, иниціативы, твердости характеровъ и даже обыкновенныхъ прирожденныхъ военныхъ способностей.

Да и откуда было взяться всѣмъ этимъ весьма разнообразнымъ духовнымъ качествамъ у большинства нашихъ старшихъ начальниковъ?

Вѣдь при назначеніяхъ на эти должности у насъ, къ глубокому сожалѣнію, была принята система простого старшинства и разнообразныхъ связей, а не оцѣнка людей по ихъ способностямъ, характеру и знаніямъ.

Само понятіе о способностяхъ человѣка къ занятію той или иной должности измѣрялось весьма своеобразнымъ масштабомъ.

Обыкновенно, человѣкъ талантливый, способный къ творчеству, съ самостоятельнымъ характеромъ и иниціативою, но не занимающійся искательствомъ у начальства, признавался: **безпокойнымъ**, **легкомысленнымъ** и **неуживчивымъ**; и наоборотъ, личность, неимѣющая никакихъ идей, весьма ограниченная, безхарактерная и совершенно бездарная, но льстиво умѣющая проникнуть въ душу начальства, аттестовывалась: **умною**, **способною**, **тактичною** и даже **выдающеюся**.

Понятно, что все „безпокойное“, „легкомысленное“ и „неуживчивое“ всячески устранялось отъ дѣла, а все „умное“, „тактичное“ и „выдающееся“ быстро продвигалось впередъ.

Такимъ образомъ, таланты и способности уходили изъ состава арміи или закупоривались на мелкихъ должностяхъ, а все

бездарное, весь легковѣсный соръ, по большей части, подымался на поверхность и въ 1904-мъ году поплылъ въ Маньчжурію.

Самъ ген. Куропаткинъ, обладающій обширнѣйшею военной эрудиціей и большимъ, но исключительно аналитическимъ, умомъ, въ своемъ „прощальномъ обращеніи“ къ офицерамъ говоритъ:

„Люди съ сильнымъ характеромъ, люди самостоятельные, къ сожалѣнію, во многихъ случаяхъ не только не выдвигались впередъ, а преслѣдовались: въ мирное время такіе люди для многихъ начальниковъ казались безпокойными, казались людьми съ тяжелымъ характеромъ и таковыми аттестовывались. Въ результатѣ такіе люди часто оставляли военную службу. Наоборотъ, люди безъ характера, безъ убѣжденій, но покладистые, всегда готовые во всемъ соглашаться съ мнѣніемъ своихъ начальниковъ, выдвигались впередъ“.

Собственно говоря только три пути могутъ вывести офицера къ высшимъ командным должностямъ въ нашей арміи.

Пути эти: служба въ одномъ изъ очень дорогихъ гвардейскихъ полковъ, служба при особахъ, занимающихъ высокое придворное положеніе и окончаніе академіи Генеральнаго Штаба съ зачисленіемъ въ Генеральный Штабъ.

Внѣ этихъ трехъ путей должность батальоннаго командира и чинъ подполковника должны были считаться вѣнцомъ самыхъ честолюбивѣйшихъ вожделѣній строевого офицера.

Само собою разумѣется, что при такой системѣ комплектованія, получивъ свои высокія назначенія наши начальники смотрѣли на свои должности, какъ на синекуры и занимались службой лишь по столько, по сколько казалось имъ это необходимымъ съ внѣшней стороны.

Отсутствіе любви и очень часто даже обыкновеннаго призванія къ военному дѣлу и прочность служебнаго положенія, основанная на петербургскихъ связяхъ, знакомствахъ и покровительствахъ совершенно не побуждали ихъ къ систематическому труду надъ собственнымъ совершенствованіемъ въ спеціальныхъ познаніяхъ и надъ соотвѣтствующимъ обученіемъ ввѣренныхъ имъ войскъ.

Справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ отношеніи ничуть не выше были и тѣ изъ нашихъ старшихъ начальниковъ, которые достигли своихъ высокихъ должностей путемъ счастливаго окончанія курса въ Академіи Генеральнаго Штаба.

По установившемуся у насъ порядку вещей, офицеры удачно окончившіе Академію и причисленные къ Генеральному Штабу, дѣлаютъ себѣ служебную карьеру разъ навсегда. Свое дви-

женіе по службѣ они могутъ расчитать точно, чуть ли не по часамъ.

Быстро и плавно катится служба ихъ впередъ, точно курьерскій поѣздъ по гладкимъ рельсамъ, изрѣдка только и весьма на короткое время останавливаясь на станціяхъ и полустанкахъ, именуемыхъ: ротами, баталіонами, полками и бригадами. По окончаніи Академіи и зачисленіи въ Генеральный Штабъ, офицеры эти могутъ самымъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ забыть все, чему учились, не брать въ руки ни одной военно-научной книги, не выдѣлиться рѣшительно ничѣмъ, могутъ даже обнаружить свою неспособность и все таки служебная карьера за ними обезпечена.

Ничѣмъ, конечно, инымъ какъ только этимъ порядкомъ, можно объяснить ту самоувѣренную служебную небрежность, какую такъ часто можно встрѣтить среди корпуса офицеровъ генеральнаго штаба.

Многимъ, напримѣръ, извѣстно, что оканчиваютъ курсъ Академіи Генеральнаго Штаба и зачисляются въ этотъ штабъ далеко не самые талантливые, способные и знающіе, а, главнымъ образомъ, самые счастливые.

Порядокъ, благодаря которому, какая-нибудь одна сотая балла на выпускномъ экзаменѣ отдѣляетъ счастливцевъ, получающихъ по службѣ все, отъ несчастливцевъ, неполучающихъ ровно ничего, можетъ быть названъ слѣпой лотереей, чѣмъ хотите, но только справедливою оцѣнкою талантовъ, способностей и знаній нашихъ будущихъ Мольтке его никакъ признать нельзя.

Само собою разумѣется, что отрицать необходимость реформы въ этомъ отношеніи, едва ли кто станетъ.

Имѣя въ виду, что Академія Генеральнаго Штаба, по самой мысли ея основанія, должна изъ себя представлять институтъ, снабжающій нашу армію высшимъ командным составомъ, раціональное реформированіе ея въ отношеніяхъ программъ, системы преподаванія и выпуска изъ нея офицеровъ въ Генеральный Штабъ, является вопросомъ давно уже созрѣвшимъ.

Параллельно съ настоятельными преобразованіями въ самой Академіи и служба офицеровъ въ Генеральномъ Штабѣ должна быть реформирована и поставлена въ такія условія, при которыхъ, во время прохожденія ея, имѣлась бы полная возможность съ одной стороны, путемъ отбора дѣйствительно способнѣйшихъ, исправлять ошибки и случайности, происходящія во время выпускныхъ экзаменовъ изъ Академіи и съ другой—чтобы дальнѣйшая служба офицеровъ въ этомъ штабѣ поставлена была въ

 П. 9899

зависимость только отъ ихъ способностей и знаній, а не была бы для нихъ заранѣе обезпеченной синекурой.

Такъ шло у насъ все гладко и покойно до самой русско-японской войны, до того неумолимаго экзамена, который пришлось держать нашимъ высшимъ начальникамъ на поляхъ Маньчжуріи передъ лицомъ всего міра.

Принимая во вниманіе все сказанное, ничего, конечно, удивительнаго не было въ томъ, что огромное большинство нашихъ старшихъ начальниковъ этого экзамена не выдержало, но удивительно, что ген. Куропаткинъ, которому непригодность и отсталость многихъ изъ нихъ были хорошо извѣстны, не распорядился своевременно удалить ихъ съ театра военныхъ дѣйствій и позволилъ бездарнымъ, невѣжественнымъ генераламъ въ продолженіи всей кампаніи водить наши войска къ пораженіямъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, общими ихъ усиліями вся кампанія не была завершена Мукденскимъ разгромомъ.

Но на ряду съ такими начальниками война эта дала намъ и рядъ несомнѣнно славныхъ именъ.

Одни изъ нихъ пали славною смертью героевъ на полѣ брани, другіе—умерли послѣ войны, вслѣдствіе полученныхъ тяжелыхъ ранъ и увѣчій. Имена генераловъ: Линевича, Гриппенберга, Келлера, Кондратенко, Макарова, Церпицкаго и мн. др. останутся безсмертными въ русской арміи и память о нихъ навсегда сохранится въ сердцахъ русскихъ людей.

Третьи—благополучно здравствуютъ. Получили повышенія по службѣ и заняли отвѣтственные посты.

Имена генераловъ: Мищенко, Ренекампфа, Гернгросса, Самсонова, Третьякова, Гершельмана, Зарубаева, Иванова, Данилова, Мылова, Никитина, а изъ молодыхъ полковниковъ: Леша, Сычевскаго и Мартынова, вождей, обнаружившихъ свои таланты, энергію, храбрость, твердость характера и знанія, стали отнынѣ гордостью и украшеніемъ нашей арміи и надеждою обновляющейся Россіи.

2007099571